

ИРКУТСКИЙ КРЕМЛЬ

Православный альманах

№ 1 (11) 2014

ИЗДАЁТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МИТРОПОЛИТА ИРКУТСКОГО И АНГАРСКОГО ВАДИМА

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Замысел Божий о русском мире

Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

СИБИРЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

Святому — святое

Анатолий Андриевский

РУССКОЕ ИСКУССТВО

Воодушевление любви

К 60-летию художника Александра Москвитина

Юрий Нечипоренко

ИРКУТСКИЙ КРЕМЛЬ

Православный альманах

№ 1(11) 2014

ИЗДАЁТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МИТРОПОЛИТА ИРКУТСКОГО И АНГАРСКОГО ВАДИМА

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Христов мир 5
Проповедь о Рождестве Христовом
Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Замысел Божий о русском мире 9
Слово Святейшего Патриарха Кирилла
на XVII Всемирном Русском Народном Соборе

СИБИРЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

Вечная память 17
Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим

Святому — святое 23
Часть 2. Судьба Иерусалимского кладбища
и Входа-Иерусалимского храма
Анатолий Андриевский

ПАЛОМНИКИ

Встреча души с небом 57
О паломничестве к святому Серафиму Саровскому
Владимир Шавёлкин

РОССИЯ И МИР

Сокрушение Хазарского каганата
Святославом 65
Анатолий Макаров

СКРИЖАЛИ ИСТОРИИ

Цесаревич Николай Александрович Романов
в Иркутске 83
Тамара Крючкова

РУССКИЙ ОБЫЧАЙ

Власть земли 93
Раздумья о повериях, обычаях, связанных
с землей
Александра Нефедьева

РАДОНИЦА

В памяти нашей... 103
О Валерии Трофимовиче Щербине:
опыт сопряжения времен

РУССКОЕ ИСКУССТВО

Воодушевление любви 127
К шестидесятилетию художника
Александра Москвитина
Юрий Ничипоренко

Журавель 137
Стихи разных лет
Анатолий Горбунов

ВЗГЛЯД

Мы — христиане православные147

Послесловие фотовыставки

Анна Боровкова

АВТОРЫ НОМЕРА

.....162

Издается по благословию митрополита
Иркутского и Ангарского Вадима

Православный альманах

Выпуск № 1 (11), 2014 г.

www.harlamp.ru

Учредитель

*Местная религиозная организация православный Приход
храма Харлампиевского г. Иркутска Иркутской Епархии
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)*

Юридический адрес:

664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 59

Фактический адрес:

664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 59

Главный редактор

Протоиерей Евгений Старцев

Исполнительный редактор

Анатолий Байбородин

Художественный редактор

Елена Антхауф

Компьютерная верстка

Нина Мазутова

Корректор

Людмила Заступова

В журнале использованы фотографии из архивов «ИК», а также иллюстрации с интернет-порталов. Михаило-Архангельский Харлампиевский приход благодарит всех фотографов, в том числе, возможно, и не упомянутых, за братскую помощь в создании русского православного альманаха. Да хранит вас Бог, братья и сестры!

На 1-й странице обложки:

Рождественский крестный ход. Фото А. Боровковой

На 2-й странице обложки:

Образ Рождества Христова. 1890–1900 гг. Москва

На 3-й странице обложки:

Иркутские «сосульки» (ул. Тимирязева, 23).

Фото В.Т. Щербина. 2004 г.

На 4-й странице обложки:

А.М. Москвитин. По тверди небесной (из диптиха). 2009 г.

Для писем:

664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 59

E-mail: oestar@mail.ru; a-baiborodin@mail.ru

Контактный телефон:

21-70-26

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Перепечатка текстов и иллюстраций, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения редакции.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»

664047, Иркутск, ул. Ал. Невского, 99/2.

Тираж 1500 экз. Цена свободная

Альманах выходит при поддержке компании «Нордэкс»

- **ХРИСТОВ МИР**
Проповедь о Рождестве
Христовом

*Святой праведный
Иоанн Кронштадтский*

- **ЗАМЫСЕЛ БОЖИЙ**
О РУССКОМ МИРЕ

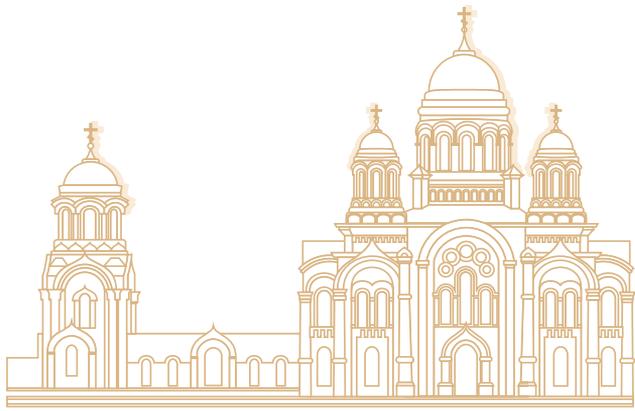
*Слово Святейшего
Патриарха Кирилла
на XVII Всемирном Русском
Народном Соборе*

ХРИСТОВ МИР

Проповедь о Рождестве Христовом

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

*Слава в вышних Богу, и на земли мир,
во человецех благоволение (Лк. 2:14).*

Э то песнь Богу вочеловечившемуся, Младенцу Христу, воспетая сонмом ангелов на земле при Его Рождестве. Кратка песнь, но смысл и значение ее премудры и многосодержательны. В ней заключена и открыта нам тайна вочеловечения Сына Божия для спасения мира. Этой тайне, по словам Церкви, удивилось всякое естество ангельское.

Но где же мир на земле, который возвестили ангелы пастырям вифлеемским?

В самом Иерусалиме, граде Давидовом, в котором был храм живому Богу, не было мира. Когда волхвы, пришедшие с Востока в Иерусалим, спрашивали: «Где есть родившийся Царь Иудейский?» — то от одного этого известия пришел в смятение и Ирод-царь, и весь Иерусалим с ним. Во всемирной державе Римской в то время не было мира. Современники в мрачных красках описывают нравственное падение народов, искажение образа Божия в людях. Всякие скверна и беззаконие въявь творились. Идолопоклонство заменило служение единому Богу. Беззакония, срамоты, пресыщение, пьянство составляли блага земные, цель и стремления человечества. Вражда, междоусобицы, нестроение царили повсюду. Гордость, бесчеловечность, все виды порока растлевали общественную и семейную жизнь.

В последующие времена было не лучше. Страшные гонения на верующих во Христа в продолжение трех столетий залили всю землю кровью христианских мучеников: брат предавал брата на мучения, отец — жену и детей, дети — родителей. Человеческие отношения, кровные узы, родство — всё было поругано и

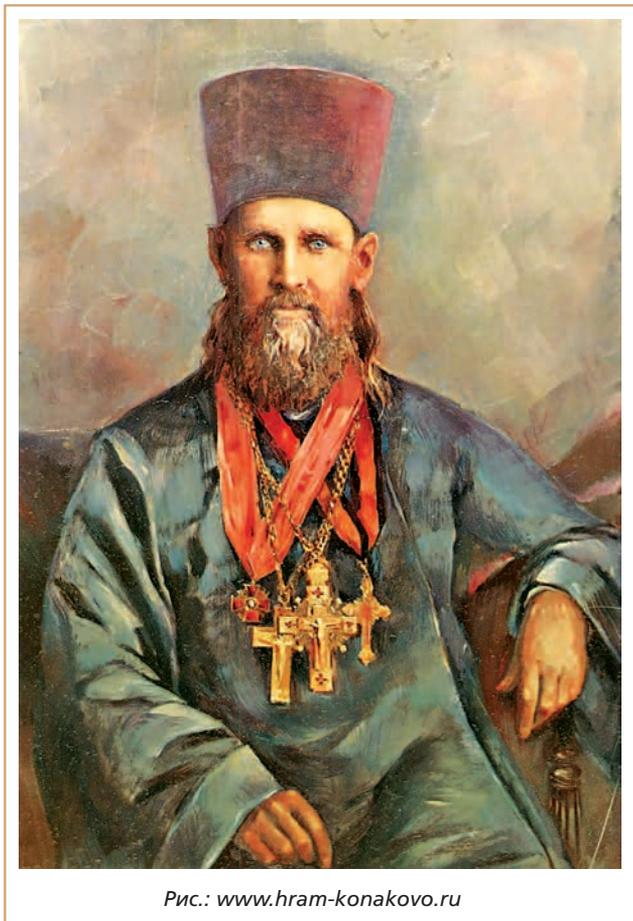

Рис.: www.hram-konakovo.ru

попрано. И в самом Иерусалиме была мерзость запустения.

И в наши времена потрясаются общества и царства, продолжают международные и междоусобные разногласия и войны, ереси и расколы, заговоры, преступные зловерные учения, усиливающиеся ниспровергнуть вековые государственные учреждения и основы общежития семейного, гражданского и религиозного.

Злодейство простирает святотатственную руку на помазанников Божиих, которым Самим Богом вручены народы. Изверги хотят на священном прахе их водворить безверие, разрушить государство, семью и закон под видом равенства и братства.

Где же мир на земле, возвешенный ангелами? Где же мир, принесенный Богочеловеком на землю? Где же мир, который возвещает Евангелие и проповедь апостолов, пронесенная ими из конца в конец земли, между всеми народами и царствами? В мире его нет: мир весь во зле лежит, — сказал апостол (1 Ин. 5:19).

Вот тайна, воспетая ангелами: с пришествием Сына Божия на земле воцарен мир сначала в малом избранном стаде — в Церкви Его,

Ангелы Рождества. Фрагмент мозаики «Рождество Христово». Начало XI века. Монастырь Осиос Лукас. Греция

в апостолах, которым Он многократно преподавал этот мир, а потом во всем царстве благодати или Церкви Его, распространившейся по всей земле.

Да, братья, на земле основано Господом целое царство мира Божия — царство вечное, всемирное, благоустроенное, с законами, уставами, таинствами, с порядком служения, правилами жизни, отношениями взаимными. Это царство — есть святая, православная апостольская Церковь, в которой почивают всегда мир и радость о Духе Святом, благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Бога Отца.

Правда, Церковь Божия на земле всегда была под крестом, всегда гонима, озлобляема,

ды, мира и любви, господом Иисусом Христом, то они должны быть в тесном союзе с царством Господа, или с Церковью Его святою на земле, должны покоряться заповедям Иисуса Христа и уставам Церкви Его. А в случае их нарушения — немедленно исправляться, после искреннего сознания своих ошибок и беззаконий. Члены государства, исповедующие христианскую веру, должны быть добрыми, честными и искренне преданными членами Церкви. Нарушение этого союза между Церковью и государством или его гражданами, пренебрежение верою, заповедями и Евангелием порождают безверие и всякие беспорядки в обществе, всякие пороки, повергают общества в нравственное или поли-

Фото: www.pravostok.ru

но, тем не менее, она всегда обладала внутренним, благодатным миром, даже среди величайших гонений, потому что в ней всегда был и будет Бог, избавляющий ее от всех бедствий, по слову Своему, что врата ада не одолеют ей (Мф. 16:18).

И потому всякий истинно верующий и исполняющий заповеди Христовы человек, всякий истинно кающийся грешник, имеет внутри себя мир Христов, которого никакие внешние тревожения мира сего нарушить не могут, если он сам своей волей не вступит снова на путь беззакония и греха.

Поэтому если царства земные и вообще гражданские общества желают достичь и водворить мир, принесенный на землю Царем прав-

тическое бессилие, лишают его благословения небесного.

Наше Отечество, великая Россия, всегда была в тесном союзе с Церковью, и только в этом союзе она возросла, окрепла и взошла на высокую степень могущества и славы. Дай Бог, чтобы этот союз государства с Церковью — с этим царством мира — и впредь продолжался непрерывно! Тогда Россия всегда будет царством мира, и на ней будет почивать благословение Божие. Тогда никакая крамола в России не будет страшна, потому что не найдет нигде ни места, ни приюта.

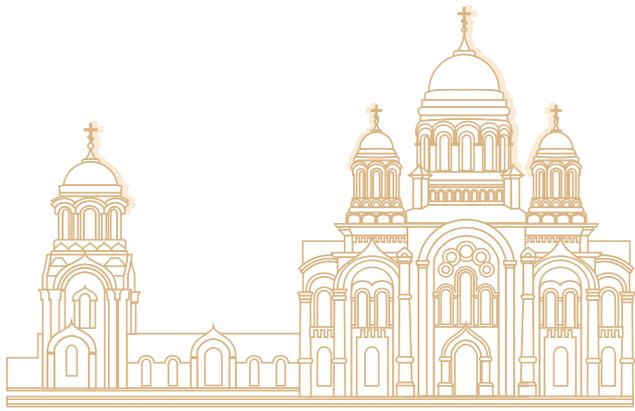
Да воцарится в сердцах наших Христос Господь, и с Ним да царствует мир и благословение! Аминь.

ЗАМЫСЕЛ БОЖИЙ О РУССКОМ МИРЕ

Слово Святейшего Патриарха Кирилла
на XVII Всемирном Русском Народном Соборе

XVII Всемирный Русский Народный Собор.
Зал церковных соборов храма Христа Спасителя в Москве. Фото: www.patriarchia.ru

От редакции: 31 октября 2013 года в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя в Москве открылся XVII Всемирный Русский Народный Собор «Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа». Церемонию открытия и первое пленарное заседание возглавил Глава ВРНС, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

В президиуме Собора присутствовали: руководитель Администрации Президента РФ С.Б. Иванов; заместитель председателя Правительства РФ — полномочный представитель Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Ю.П. Трутнев; первый заместитель председателя Совета Федерации ФС РФ А.П. Торшин; заместитель председателя Государственной Думы ФС РФ В.А. Васильев; министр культуры Российской Федерации В.Р. Мединский; министр регионального развития РФ И.Н. Слюняев; председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин; заместитель мэра Москвы А.Н. Горбенко; митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий; управляющий делами Московской Патриархии митрополит Саранский и Мордовский Варсонофий; заместитель Главы Собора, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин; заместитель Главы Собора, председатель Союза писателей России В.Н. Ганичев; председатель Центрального духовного управления мусульман, верховный муфтий России Талгат Таджуддин; главный раввин России А.С. Шаевич. Среди участников Собора — иерархи и священнослужители Русской Православной Церкви, представители традиционных религий и общественных организаций России, лидеры политических партий, ученые, деятели культуры и искусства, военные, спортсмены.

Заместитель Главы Собора В.Н. Ганичев произнес вступительное слово и объявил XVII Всемирный Русский Народный Собор открытым. К собравшимся обратился Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Руководитель Администрации Президента РФ С.Б. Иванов огласил приветствие Президента Российской Федерации В.В. Путина, а также выступил с кратким докладом по теме Собора. Приветствие председателя Правительства РФ Д.А. Медведева за-

читал министр культуры России В.Р. Мединский. А.П. Торшин зачитал обращение председателя Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко и поделился своими мыслями по теме Собора. Приветствие председателя Государственной Думы ФС РФ С.Е. Нарышкина зачитал В.А. Васильев, после чего выступил с докладом. Приветствие мэра Москвы С.С. Собянина огласил А.Н. Горбенко. Также с докладами выступили председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, министр регионального развития РФ И.Н. Слюняев, губернатор Хабаровского края В.И. Шпорт и председатель Центрального духовного управления мусульман Т. Таджуддин.

В.Н. Ганичев сообщил, что постановлением Бюро Президиума ВРНС учреждена ежегодная соборная премия за особые заслуги перед народом, обществом и государством. «12 сентября 2013 года Бюро Президиума Собора единогласно приняло решение о вручении первой премии Собора Президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину с формулировкой «За сохранение державной России», — сказал заместитель Главы ВРНС. Затем Святейший Патриарх вручил высокие церковные награды.

* * *

Сегодня мы вынесли на обсуждение очень глубокую и важную тему: «Россия — страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа». Позвольте мне с самого начала сказать, что под Россией следует подразумевать культурное многонациональное образование в совершенно конкретных исторических и географических измерениях, которое связано с Древней Русью. В каком-то смысле Россия — это синоним Руси. Сегодня мы имеем иную геополитическую реальность, когда на просторах этой исторической России возникли самостоятельные государства, многие из которых также являются наследниками этой исторической Руси. Поэтому, когда я говорю о России, я всегда подразумеваю это великое цивилизационное пространство. Но поскольку сегодня в ходе Собора многие вопросы мы будем рассматривать применительно к Российской Федерации, то под Россией мы будем подразумевать в первую очередь Российскую Федерацию — с ее проблемами, с ее надеждами, с ее взглядом на будущее.

По существу, самой формулировкой поставлены три тесно связанные друг с другом задачи. Первая: осмыслить место России в судьбе человечества. Вторая: предложить гармоничную форму общественного устройства. И третья: по возможности дать прогноз на завтра,

заглянуть в будущее. Каждая из этих фундаментальных задач могла бы заслуживать отдельного обстоятельного разговора, но совершенно очевидно, что они не могут быть поставлены в отрыве одна от другой. Размышляя над этими задачами, позволю себе обратиться к 20-летнему опыту размышлений, который мы накопили в рамках Всемирного Русского Народного Собора.

Каждый христианин в своей жизни задается или, по крайней мере, должен задаваться вопросом: «Что, Господи, Ты повелеваешь мне сделать в жизни? Каков замысел Твой обо мне и о моей жизни?» Но тот же вопрос можно поставить и о человеческих сообществах: например, каков замысел Божий о России? Что Бог повелевает нам как наследникам, продолжателям единой Святой Руси и традиций Русского мира совершить в то время, которое Он нам дал? Является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равновеликой Западу, Индии или Китаю? Двенадцать лет назад, в 2001 году, на VI Соборе, который имел тему «Россия: вера и цивилизация. Диалог эпох», мы уже обращались к этому вопросу. На наш взгляд, ответ может быть только утвердительным. Едва ли у кого-то из людей, серьезно интересующихся философией истории, это может вызывать сомнения.

Одно перечисление выдающихся имен русских и зарубежных исследователей, признававших Россию самостоятельным, самобытным обществом, выглядит внушительно. В этом списке окажутся очень разные люди — такие, как Николай Данилевский, Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер. А разве возникновение в начале XX века русской религиозной философии — ярко, самобытного направления в гуманитарной науке — не является доказательством самобытного творческого начала нашей цивилизации, способной предложить свой взгляд на мир, сказать человеку свое слово? Неслучайно, что и сегодняшние мыслители, и политические дея-

тели обращаются именно к мудрости тех, кто сформировал корпус этой замечательной религиозной философии конца XIX – XX века.

Безусловно, еще более вескими аргументами, нежели философские работы и теоретические выкладки историков, являются реальные дела, то есть исторический опыт России, ее выдающиеся достижения в культуре и технике, ее способность давать неповторимый национальный ответ на вызовы времени, ее уникальная роль в переломные моменты человеческой истории. Поэтому на вопрос, является ли Россия самостоятельной цивилизацией в семье крупнейших цивилизаций планеты, мы обязаны дать утвердительный ответ. Да, Россия —

это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат.

Однако на VI Всемирном Русском Народном Соборе этот вопрос был поставлен иной по-иному: можем ли мы по-прежнему считаться великой цивилизацией, сохранили ли мы это право? Ведь наши финансовые ресурсы во много раз меньше

финансовых ресурсов Запада, а демографический потенциал многократно уступает потенциалу Индии или Китая.

Этот вопрос остается актуальным и сегодня. Хотя за минувшие полтора десятилетия в России произошли позитивные сдвиги, в частности, в экономике и в демографии, но они еще не вполне убедительны для тех наших соотечественников, которые утратили или утрачивают веру в творческие силы своей страны и своего народа. И здесь мы вступаем в смысловое пространство, где действуют совсем иные аргументы, нежели размеры накопленных материальных богатств и численность людских масс.

Ценность любой цивилизации — не в том, во сколько миллиардов долларов оценивается ее совокупный продукт за истекший год, и не в

Да, Россия — это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат.

том, сколько у нее приверженцев на сегодняшний день. Ценность любой цивилизации — в том, что она несет человечеству. И перед каждой цивилизацией стоит вопрос: способна ли она отражать в мыслях, чувствованиях, словах и делах ту непреходящую правду, которая имеет значение в вечности?

России как стране-цивилизации есть что предложить миру. Это наш опыт строительства справедливых и мирных межнациональных отношений. Не было на Руси народов-господ и народов-рабов. Россия никогда не была тюрьмой народов, здесь не было народов первого и второго сорта. Не в этом ли кроется глубинное народное противление фашизму, который предлагал совершенно иную концепцию межнациональных отношений? Но, кроме того, мы как цивилизация имеем особый опыт многополярного и многоукладного бытия. Мы имеем традицию самоограничения, столь важную в обстановке надвигающегося дефицита ресурсов и острого экологического кризиса. Это концепция нравственных ценностей, не позволяющая девальвировать институт семьи и разрушить жизненные ориентиры личности, а также Богом определенные отношения между мужчинами и женщинами.

Особой национальной идеей, пронизывающей нашу историю и культуру на протяжении многих веков, является идея человеческой солидарности. Со времен Крещения Руси слова Спасителя о том, что «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13), подобно камертону, настраивали мысли и чувства наших предков на служение евангельскому нравственному идеалу. Иван Александрович Ильин, представитель той самой философии, о которой я сказал выше, определял государство исключительно через понятие солидарности, называя его «организованным единением духовно солидарных людей». Эта модель человеческих отношений восходит к тому образу Церкви как тела, который мы находим в посланиях святого апостола Павла: «Членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее

благородными в теле, о тех более прилагаем попечения... Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге» (1 Кор. 12:20–25). Слова апостола открывают замысел Бога о человеке и любом человеческом объединении: мы все призваны к братскому сотрудничеству и заботе друг о друге.

Однако в современном мире преобладает иная модель устройства общества — это модель конфликта. В его основу положена система перманентных противостояний, конкуренции и борьбы, якобы неизбежных и необходимых для прогресса. Нашим идеалом, напротив, является солидарное общество, общество социальной симфонии, где разные слои и группы, разные народы и религиозные общины, разные участники политических и экономических процессов являются не борющимися друг с другом конкурентами, а соработниками. И конкуренция в таком солидарном обществе поощряется как соревновательность, но не как борьба за выживание. Святой Сергий Радонежский научает нас «воззрением на Святую Троицу побеждать ненавистную рознь мира сего». Основой для совместной жизни и совместных действий является фундамент общих, базовых ценностей, в том числе и тех, которые попытался сформулировать XV Всемирный Русский Народный Собор в 2011 году.

Стремление к солидарности определяет весь исторический путь России, связывая воедино разные эпохи. Солидарные ценности пронизывают все пространство отечественной культуры. Потому нашим проектом будущего должно стать солидарное общество как альтернатива обществу перманентного конфликта.

Когда мы говорим о России как об особой цивилизации, мы не просто констатируем факт, но сознаем свое историческое призвание, формулируем задание на будущее для себя и своих потомков. Уже упомянутый мной Николай Яковлевич Данилевский отмечал: для того чтобы «цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью». Однако се-

Троица Новозаветная. Отечество

годня, в XXI веке, одного лишь политического суверенитета явно недостаточно для защиты цивилизационных рубежей и для достижения адекватной роли той или иной цивилизации в мире.

В итоговом документе XVI Всемирного Русского Народного Собора, имевшего тему «Рубежи истории — рубежи России», отмечалось, что сегодня уместно говорить не только о суверенитете государственных границ, но и о суверенитете гуманитарного пространства — пространства смыслов, духовных символов, социально-культурного развития. На этом фоне создание собственных инструментов познания — социологических, политологических, культурологических — становится задачей огромной важности. Вот почему Всемирный Русский Народный Собор может и должен стать интеллектуальным центром, собирающим вокруг себя людей, способных ставить и решать подобные задачи.

Еще одной, и, пожалуй, высшей степенью утверждения суверенитета России как уникальной страны-цивилизации является суверенитет духовный. В его основе лежат ценности, разделяемые моральным большинством нашего общества. «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни» (Притч. 4:23), говорит Слово Божие, и это верно как в отношении отдельного человека, так и в отношении народа в целом. Не раз в истории России страна поднималась из руин благодаря тому, что люди сохраняли веру и сознание своего долга перед Богом, друг перед другом и перед потомками. Но ни экономика, ни наука, ни оборона, ни культура невозможны там, где люди утратили мотивацию для служения друг другу, утратили сознание неоспоримых обязательств по отношению к обществу, в котором они живут. Такое общество, где люди теряют мотивацию к взаимодействию друг с другом, распадается на атомы, чему во многом способствует гипертрофированная идея инди-

видуализма, которая действительно является вызовом и антиподом идее солидарного общества. При этом солидарное общество никогда не должно подавлять индивидуальность, потому что оно сильно только взаимодействием свободных людей.

Безусловно, люди разных взглядов и убеждений не всегда понимают общественные ценности одинаково. Есть оттенки и нюансы, есть пространство для дискуссии, для диалога. Невозможен, однако, никакой диалог с теми, кто эти ценности грубо принижает, высмеивает, топчет, кто разрушает межнациональный и межрелигиозный мир.

Сегодня отрицание ценностей стало одним из самых опасных проявлений сил духовного разрушения. В этой ситуации защита ценностей — это защита нашего духовного суверенитета. Те, кто в своей одержимости гордыней и эгоизмом возносят себя над обществом, разрушая его ценности, должны получить очень ясный ответ, созвучный внутреннему голосу большинства нашего народа, — ответ интеллектуальный, волевой, духовный, деятельный.

Святитель Николай Сербский свидетельствует:

«Если мы оглянемся на жизнь русского народа от святого князя Владимира до сегодняшнего дня, то увидим, что он шел по пути, на который вывел его дух и пример его крестителя». Эти слова — не просто метафора. Общенациональные базисные ценности, о которых, в частности, говорилось на XV Всемирном Русском Народном Соборе, глубоко укоренены в национальном характере русского народа. Формируясь на протяжении веков под влиянием православного христианства, он и поныне является социально-психологической доминантой, залогом мира и согласия в нашем обществе.

Очень часто те, кто отрицает наши святыни и ценности, переносят свои чувства и на русский народ, являющийся главным творцом нашей цивилизации, носителем ее идеалов.

Еще одной, и, пожалуй, высшей степенью утверждения суверенитета России как уникальной страны-цивилизации является суверенитет духовный. В его основе лежат ценности, разделяемые моральным большинством нашего общества.

Эти силы словно пытаются поддержать все, что может его ослабить, разделить, мировоззренчески и морально дезориентировать. Похоже, что эти круги больше всего на свете боятся настоящего возрождения русской цивилизации, возрождения на основе веры, соединенной с жизнью, с социально значимым действием.

Сейчас, на Всемирном Русском Народном Соборе, мы должны ясно и недвусмысленно сказать: симфония этносов, которая придает нашей цивилизации неповторимый облик, невозможна без участия в ней русских. Диалог народов, призванный внести гармонию в межнациональные отношения, не достигнет цели без присутствия в нем русских голосов, русского фактора. Полагаю, что Собор является достаточно зрелой и влиятельной организацией для того, чтобы представлять русский народ на площадках межнациональных дискуссий.

Миллионы русских людей, дорожащих своей идентичностью, должны почувствовать, что их чаяния получают живой отклик, в том числе на бытовом, повседневном уровне, в том числе на уровне диалога с властью, которая должна быть голосом народной души, исполнительницей ее надежд, ожиданий, мировоззренческих предпочтений.

Давайте признаем очевидное: развитое самосознание и единство русского народа — это незыблемое основание целостности России и единства нашей полиэтничной цивилизации. В свою очередь, игнорирование интересов русских людей, вытеснение русского вопроса из публичной сферы ведет к лавинообразному росту маргинальных и агрессивных проявлений.

Очень опасной может быть перспектива отчуждения русских, и прежде всего русской молодежи, от государства, государственных структур, руководства бизнесом. В недалеком будущем это может стать крупнейшим фактором нестабильности, несущим угрозу фундаментальным основам нашей цивилизации. Столкновения, которые произошли недавно в московском микрорайоне Бирюлево, показывают: глухота власть имущих к требованиям народа, нежелание искать совместные решения проблем чрезмерной миграции и связанного с ней криминала, а также подчас вызывающего

поведения приезжих уже сейчас выводят ситуацию на грань критической черты. Если позиция русского большинства и дальше будет игнорироваться, в выигрыше останутся только разрушители России, провокаторы с обеих сторон, не оставляющие попыток столкнуть лбами этносы и религии.

Мы отвергаем позицию тех, кто считает, что Россия должна быть страной только и исключительно для русских. Но мы также никогда не согласимся с теми, кто хочет видеть ее «Россией без русских», лишенной национального и религиозного лица, потерявшей чувство солидарности и единства. Подобный сценарий чреват катастрофическими последствиями не только для нашего государства, но и для всего мира.

При этом хотел бы подчеркнуть, что ни один человек, принадлежащий к другому народу в России, не должен быть ограничен в своих правах, в своих возможностях. Одним из неперемennых условий межнационального согласия должно быть, во-первых, осуществление права народов нашей страны на этнокультурное развитие, при этом государствообразующий русский народ не может быть исключен из этого процесса. И во-вторых, формирование многонациональной гражданской и цивилизационной общности, осознание всеми людьми, принадлежащими к различным этносам и народам, своей сопричастности к единому обществу, к единой стране, чтобы каждый мог гордиться тем, что он является гражданином свободной России. Мы знаем: духовные и ценностные ресурсы, которые вручены нашему народу, нашей стране, и всей семье народов России, не раз определяли путь человечества на решающих исторических перекрестках, в осевые моменты времени. Так было прежде, так должно быть и в будущем. Поэтому важнейшая задача Всемирного Русского Народного Собора, общая задача всех нас, собравшихся здесь, — сохранить и приумножить это цивилизационное наследие, которым мы сегодня обладаем, передав его идущим нам на смену поколениям.

Пресс-службы
Патриарха Московского и всея Руси

- **ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ**
*Митрополит Иркутский
и Ангарский Вадим*

- **СВЯТОМУ – СВЯТОЕ**
**Часть 2. Судьба Иерусалимского
кладбища и Входа-Иерусалимского
храма**
Анатолий Андриевский

Иерусалимское кладбище в г. Иркутске
(фото из архива издательства. 2013 г.)

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

*Митрополит Иркутский и Ангарский
Вадим*

В середине Великого поста, где-то в самой сердцевине Крестопоклонной недели, происходит окончательный перелом в природе. Поднимается и светлеет небо, ветра теряют свою тяжесть, становится живой и упругой ветка дерева. Что-то похожее происходит и с душой, которая, по словам священника Александра Ельчанинова, выходит навстречу добру и злу. То ли истончается и слабеет ненадежная оболочка нашего тела и крепнет собственный дух, но все реже волнует нас шум современной жизни, нечистый чад ее страстей, а тянет в церковь, в природу, в одиночество. В леса, к берегам вод, на кладбища... Многие высокодуховные старцы советовали своим чадам почаще бывать на кладбищах, особенно во дни Великого поста.

Но вряд ли высветлеет наш дух при виде современных кладбищ! Увы, они, как и наши загрязненные города, в точности отражают состояние души нынешнего человека: «На русском кладбище могил не найдешь». Эта строка поэта так и звучит во мне, когда ступаешь по обители вечного покоя. Не ценит наш современник ни сегодняшней жизни, ни жизни вечной... Тяжело смотреть на покосившиеся кресты, разрушенные памятники, свалки, забивающие проваленные могилы. Видеть, как пробегают детские ноги по уже безымянным холмикам... Не наполнит такое отношение к святине светом и добром ум ребенка, не дает облегчения его попечителю. А ведь посещение кладбища — бесценный духовный опыт, имеющий богатейшие традиции в нашем народе, обильно отраженный в ясной стилистике русского языка, в его присловиях, приметах, поговорках и сказаниях. «Перед мертвым не кипись, он сильнее живого», «Покойник, он у ворот не стоит, а свое возьмет». Как ребенок, просто

и чисто, преловила в народной памяти православное учение русская душа. Церковь научила — душа ответила. Но думается, что и корни святоотеческого предания обо всем, что касается загробной жизни, гораздо старше Православия, питаются истоками библейской глубины — от начала человеческого бытия...

Некогда, за 513 лет до Рождества Христова, персидский царь Дарий Гистапа, утомленный бесплодной погоней за скифами, послал сказать скифскому царю: «Странный человек. Зачем ты бежишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя в силах сопротивляться мне, то стой и бейся, если же нет, то остановись, поднеси своему повелителю в дар землю и воду и вступи с ним в разговор». На что скиф ответил: «Никогда еще, ни перед одним человеком не бегал я из страха, не побегу и перед тобой... у нас нет ни городов, ни хлебных полей, и потому нам нечего биться из страха, что вы их завоюете или истребите. Но у нас есть отцовские могилы: попробуйте их разорить, так узнаете, будем ли мы с вами биться или нет». Страной могил называли тогда персы землю этого дикого для них рыжеволосого народа. Им не было корысти воевать за чужие кости, и они повернули назад.

Я бы не потревожил туманные седины забытой древности, но тема, которую повелевает затронуть мой архипастырский долг, глобальна и пронизывает мистическую сущность и исчезнувших могучих цивилизаций, и самого незаметного моего соотечественника. Только останки единомышленников привязывали вольного скифа к земле, но ими он освятил и освоил, содеял обетованными суровые просторы Среднеевропейской равнины. По свидетельству летописцев, где-то там в исторических глубинах северных украинских земель, которые изнеженные греки считали покинутыми людьми и богами и называли Скифиєю, и коренится происхождение одного из величайших народов на планете, к которому мы с вами и принадлежим. Но суть сегодняшних раздумий не в поисках корней, а в корневых особенностях, которые, связуя нас в единый народ, соединяют с Богом. Почти через два тысячелетия А. Пушкин, вершина русской культуры, сетуя о чванливом беспамятстве современного ему дворянства, раздраженно воскликнул о том, что отношение к дедовским гробам отличает невежество от просвещения. Вот она, Божья связка, которой опоясаны в единое целое и древний скиф, и русский гений, и мы с вами, грешные и

нынешние, растерянно вступающие по живому зову сердца в ворота местных кладбищ.

Часом воли Божией называют в народе смерть. В предрешенный этот час «...возвратишься ты в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься...» (Быт. 3:19). И как бы счастливо или скорбно ни жили мы, бедно ли, богато ли, коротка ли, долга ли была наша жизнь, а библейские эти глаголы неосознанно звучат в каждом из нас, то заглушаясь, то грозно усиливаясь. Распахнутая могила, сырая яма с окаёмами свежей земли — вот что повергает нас в трепет, делает бессильным разум и смущает душу. Рокочущие цивилизации последних веков, насаждая вокруг кладбищ шлакоблочных монстров стальных городов, вытесняя и вытравливая этим как бы саму память о смерти со всею своей безликой бездуховною наукой, все же слабы и ничтожны перед этим молчаливым зевом свежего рова. Придет время — канут туда и они. Только вопрос один и жив будет: зачем?! В чем смысл и суть происходящего? Вспомним знаменитый спор гения: «Дар напрасный, дар случайный. Жизнь, зачем ты мне дана?!» и духовника: «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана!» В этой переписке поэта и митрополита, если вдуматься, и лежит тот краеугольный мистический камень, в котором и зиждется весь сокровенный смысл человеческого бытия. А под ним бездна — она вместит в себя и жизнь, и смерть, и гибель, и спасение. За растерянным вопросом Пушкина слышится уже намеченный отход от веры отцов и, как следствие, страх и печаль перед неизбежностью. За твердым и ясным ответом святителя Филарета — стройное и высокое учение Православной Церкви, которая живым смыслом наполняет душу человека, его поступки и самую жизнь, спокойно приуготавливая его к переходу в Царствие Божие. Ни наука, ни гений высочайшей культуры на земле не разрешат вопроса жизни и смерти, только Святая Церковь хранит в бесценных своих сокровищницах благодатные Откровения, переданные ей ее подвижниками. Так, св. Макарий Александрийский поведал нам православное учение, явленное ему ангелами, о состоянии души по разлучению ее с телом. Это учение утверждает бессмертие души человека и высшую справедливость, награды и

наказания за все наши деяния. Два дня после разделения с собственной плотью, учит нас Откровение, душа усопшего пребывает на земле и ходит по местам, которые полюбила. Посещает близких ей по духу или находится подле тела. На третий день она предстает перед Господом, а тело предается земле. «Возвратится перст в землю, яко же бе и дух возвратится к Богу, иже даде его» (Еккл. XII:7). День этот называется третинами и отмечен усиленными молитвами о покойном Святой Церкви. Потому что, поднимаясь к своему творцу, душа проходит воздушные мытарства и часто страдает. До девяти дней ангелы показывают ей обители рая и после вторичного поклонения Господу душа усопшего видит мучения ада. На сороковой день — в сороковины определяется подобающее ей место. Вот отчего важны сорокоусты по усопшему, дабы смиловался Создатель над его душою. Покойное же тело на третий день меняется, на девятый разрушается и разлагается, но сердце человека еще остается целым, на сороковины рушится и самое сердце. Такова вкратце кончина жизни человека.

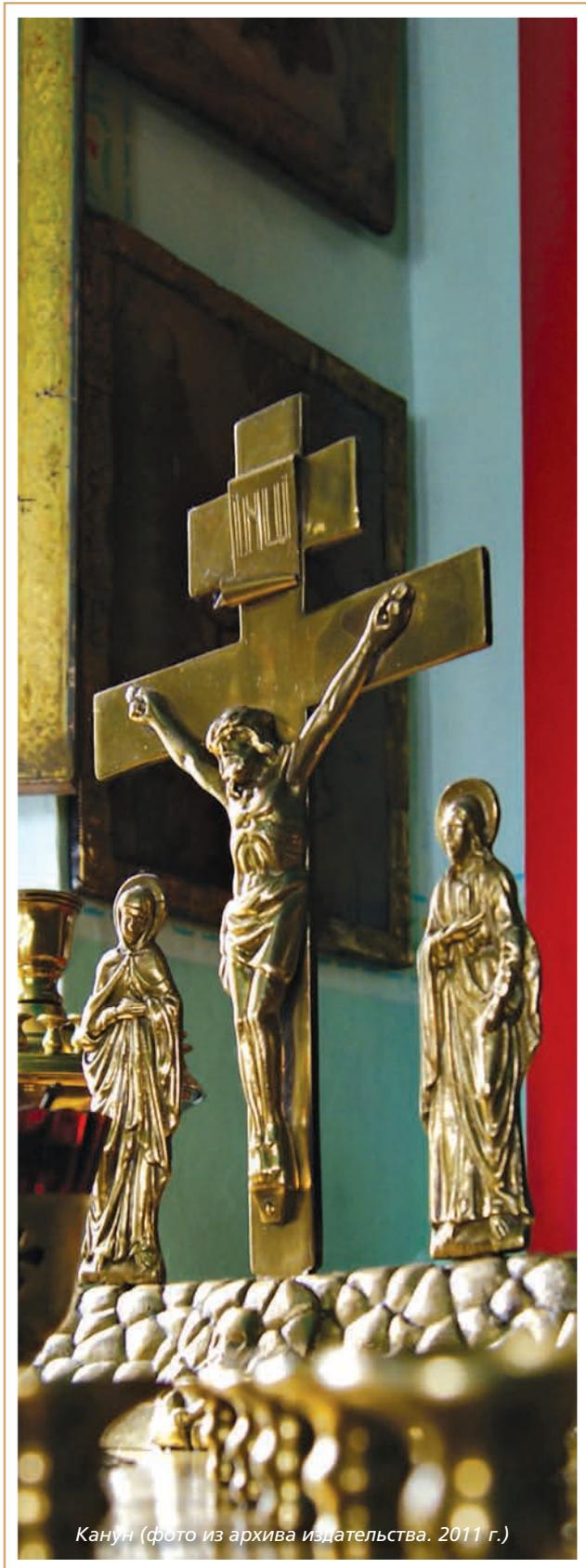
В старину говаривали: «Смерть — злым, а доброму — вечная память». Как точен и приметлив русский фольклор! «Жив — наш, помер — Богов». Православие вжилось в народную жизнь со всею своей первородностью, полнотою, радостью. И особенно словоохотливо отзывался наш земляк в богатом своем просторечии на все, что касается таинства жизни и смерти. Верил в младенческом простодушии русский человек, что «над каждой могилкою Дух свят». Не досужая эта речь, в ней зерно истины. Однажды св. Макарий Египетский, гласит святоотеческое предание, проходя по пустыне, увидел череп языческого жреца. Благодатию Святого Духа он определил место нахождения души мага: «Неужели Вы никогда не чувствуете никакого утешения?» — спросил он. «Нет, — отвечал сухой череп, — когда ты молишься за мертвых, мы чувствуем некое утешение». Этот разговор не только удостоверяет нас в действительности заупокойных молитв, но и в том, что останки человека, сухая кость его, сохраняет в себе энергии его прижизненного духа. Так, афонские монахи имели обыкновение по прошествии трех лет после погребения брата вскрывать могилы и по

цвету костей определять — прощен он или нет? Если нет, то усиливалась заупокойная молитва о покойном. Живая плоть — сосуд человеческого духа. Она создана Господом столь же прекрасно, как и все в Его Творении, и по разлучении ее с душою хранит энергии своей души. Так Господь в часы страданий приложился лицом к убрису, поднесенному ему сострадательной женщиной, и весь христианский мир имеет в вечное наследие «Спас Нерукотворный». И животворны мощи святых, подле которых исцеляются тысячи верующих. Они хранят в себе очищенную и умноженную подвижнической жизнью благодать Святого Духа. Даже частица святой плоти становится неиссякаемым источником благодати. Она называется Антиминсом, и без нее не может состояться ни одна Божественная литургия. «Приходите ко мне на могилку, — называли своей пастве старцы Серафим Вырицкий и Серафим (Тяпочкин) и старица Матрона Московская, — и я помогу вам». Их могилы, а Матрона уже прославлена, и мощи ее покоятся в монастыре, почитаемы чрезвычайно, всегда окружены молящимися паломниками, которые едут к ним со всех концов Божьего света со своими болезнями, нуждами, бедами. Так во дни нашей скорби, перед поворотными событиями жизни мы грядем на могилы родителей испросить совета и получаем облегчение. Нет, точно народная примета!.. Над каждой могилкой, этой пуповиной, сокровенно связующей нас с Божьим Царством, сияет свет любви. И несказанно, промыслительно точен и куда ближе к Богу, чем изощренный грек или насмешливый перс, был наш огнеликий скиф, когда с угрюмой одержимостью продвигал останки своего народа в девственную глубь неосвоенных земель. В северных краях он сложил родные останки, освятил ими бескрайние земли и основал высокие и сильные державы...

* * *

На исходе Святая Четыредесятница начала третьего тысячелетия. Наступает Страстная Седмица. Все ближе к горнему миру постыющаяся душа, все чаще и строже озирает она свои духовные обители. Все яснее и радостнее поминание о ближних. В Чистый Четверг, после причастия, старается православный побывать на кладби-

Канун (фото из архива издательства. 2011 г.)

ще, прочесть заупокойные молитвы, почистить и прибрать в оградке, подкрасить или помыть кресты, просто помолчать над вечным покоем. На Святую Пасху, после заутрени отправляется благочестивый христианин на родные могилки прежде похристосоваться с родителями, положить на земной холмик освященное яичко, крошить небесным птицам пасхального кулича, подать нищему на поминание. На Радоницу — в праздник вселенской радости, выйдем мы единым народом из городов и сел на родимые погосты помянуть усопших, соединиться, раствориться с ними в радости Христова Воскресения...

Однако трезвенно оглядимся вокруг, возлюбленные мои соотечественники! Сколько

трудившихся во славу Сибири. Купцы, промышленники, священники, меценаты, писатели и ученые. Мы знаем, как обошлись с их памятью! Не любили большевики славу нашего Отечества и святость им была не указ. У меня нет желания во след за многими бросить камень в разрушенную систему недавней власти. Я даже признаю, что немало из советских лет можно было бы взять под основу для обустройства России. Но мой пастырский долг обязывает меня указать на губительность уничтожения памяти таким варварским способом, как сношения кладбищ с лица земли. Горько, но факт! Дети наши попирают ногами святыни своего Отечества. И мы толкаем их во грех! Чего стоит только один дра-

Детский городок на могилах Иерусалимского кладбища (фото Игоря Дрёмина. 2010 г.)

грязи, смрада, непристойного сора обнажила весна. И это мы — бессмертная нация, народ Божий, ступаем по тротуарам, забитым отходами нашего быта, наши города превращаются в громадные свалки, реки — в сточные каналы, парки — в отхожие места. И не мудрено! Ведь большинство из них мы основали на месте бывших погребений. Возьмем для примера ЦПКИО. Культура на костях предков! Попираемых, а не благословенных... Когда-то на этой горе было Иерусалимское кладбище, знаменитое тем, что честь быть погребенным на нем заслуживал далеко не каждый иркутянин. Здесь возлежали останки наиболее почетных горожан, много по-

кон на воротах этого парка, над землей, освященной останками лучших граждан Иркутска! Ни один из них не захотел бы лежать под этим знаком, символизирующим в их восприятии и вере средоточие сил зла. Не будем обольщаться, дорогие мои современники! Не безобидные это игрушки, а черные символы нашего духовного разорения. Когда-то на открытых местах, на взгорьях и у дорог Святой Руси, к коей и причислялся богоспасаемый наш город, стояли часовни, кресты и чудотворные иконы. Ныне мы водрузили драконов, образом которых забавляем и воспитываем наших детей. А «...дракон древний змий, называемый диаволом и сатаной,

обольщающий всю Вселенную» (Откр. 12:9). Не оттого ли такой страшный разор у нас в стране, в городе, на улице, в доме? От расхристанности души нашей, неясности и подмены в вере, от размытости критериев нравственности. А если мы уберем со святого места эти уродливые аттракционы, все эти чертовы колеса, драконов и рекламные щиты о пепси-коле и восстановим, насколько сможем, если не кладбище, то само место у Иерусалимской церкви? Пусть будет парк, место покоя, раздумий, крестов и часовни, что-то вроде мемориала, куда в установленные церковью поминальные дни могли бы приходить иркутяне, чтобы почтить память всех от века почивших христиан, и своих земляков, и

ведет сюда внука, отец — сына, и встанут они благоговейно перед крестом и звездой, потому что это история и память нашего народа. И ее не перепишешь заново, и воспитаются дети наши в уважении к народу своему и роду своему...

Прошу вас, дорогие земляки, во дни предстоящих поминовений праздника Святой Пасхи, дня Великой Победы не проходите мимо затоптанного, давно безымянного холмика, поправьте его, обозначив могилой, разберите мусор над заброшенной могилой, поднимите проваленную. Мы не знаем, кто там покоится, как и не знаем, что будет с нашими останками. Довольно того, что это твои соотечественники, они говорили на русском языке и ходили по

Зоопарк на территории кладбища (фото из архива издательства. 2013 г.)

родных, и близких. И не вводить невинных деток наших во грех. И хоть как-то оправдаться за содеянное. То же с Лисихинским кладбищем. Место последнего упокоения военных летчиков, иркутян, положивших живот свой за Отечество, принявших на себя удары войны, послевоенного голода. Полуразрушенное, заросшее, готовое исчезнуть с лица земли, повторяя печальную участь Иерусалимского кладбища. Ведь наш с вами святой долг перед почившими согражданами привести кладбище в порядок. Подновить кресты и памятники, поправить могилы, осыпать песком и проторить дорожки и оставить его в покое на вечные времена! И пусть дед при-

твоей земле. И если в русском народе считается, что тому, кто погребет беспризорные кости, много и тяжких грехов простится, то уход за беспризорной могилой не того же ли стоит?! Научим детей наших благоговейности перед святынями, одной из которых самой значительной и высокой является кладбище. Отсюда начнется устройство души и земли нашей. И спросится с нас отсюда и воздастся... Таким образом и приложимся мы к роду своему и народу своему! И воссияют наши города и веси чистотою и довольством, покоем и порядком! Да хранит нас всех Господь! Вечная память всем усопшим!

Сайт: «Иркутская епархия». Весна 2013 года

СВЯТОМУ — СВЯТОЕ

ЧАСТЬ 2

СУДЬБА ИЕРУСАЛИМСКОГО КЛАДБИЩА
И ВХОДО-ИЕРУСАЛИМСКОГО ХРАМА

Иерусалимское кладбище зимой (фото из архива издательства. 2013 г.)

Анатолий Андриевский

...Чаю воскресения мертвых
и жизни будущего века.

Символ веры

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
[На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека —
Залог величия его].

Александр Пушкин

Погост и русская душа

Ветер развеял сизый туман, отпахнулась небесная синь, и по-утреннему тихий, солнечный свет озарил церковные кресты и маковки. Вербное воскресение — престолье Входа-Иерусалимского храма — свершилось, и благочестивые миряне, с земными поклонами крестясь у паперти, обнимались, троекратно целовались, вроде Вербное и Прощеное воскресения ныне дивом дивным слились во единое торжество. И лица у прихожан благостные, взгляды неземные... небесные, вроде проснулось чадю малое, но еще горние видения заслоняют суетный дольний мир. И освященные вербы полонили старгород, словно по деревянным и каменным улочкам и переулочкам нежно и снежно потекли вербные ручьи.

С крестным знаменем поклонившись зеленым куполам, синим маковкам брел через... едва не брякнул по старой обычке: парк культуры и отдыха... шел через Иерусалимский погост, вслушивался в колокольный благовест, —

воскресные звоны будили город; в благовест вплеталось пение божиих птах, утаенных лиственничными, ивовыми кронами, и я, забывшись, громко пел: «Святой Бо-оже-е!.. Святой Крепки-ий!.. Святой Безсме-ертный, поми-луй на-ас!..» В душе, небесно ясной, пока не замутненной земными хлопотами, еще звучала эхом Божественная литургия. Если бы о ту пору разминулся с прохожим, то пожилой глянул бы вслед с ласковой улыбкой, а молодой, обернувшись, может, и покрутил бы пальцем у виска: дескать, у мужика не все дома, к соседям ушли. Но никто не шел встречь по извилистой аллее, безлюдно среди бывшего парка, среди незримых могил Иерусалимского погоста. Серебрились в утреннем свете древние ивы и лиственни, у комлей опутанные белесой травой; синел в тенистых пазухах остатний снег, таинственно чернела в бочажинах талая вода-снежица.

С сухой вершины древнего лиственя пала черная ворона и, пролетая над голыми, черными деревьями, так зловеще каркала, что я, прости, Господи, обмер на парковой аллее и, грешен, суеверно перекрестился, вспомнив, что в смутном простолудье ворона — вешунья, вестница смерти. Подумалось о пустоглазой с косою, коя — близок срок — явится у изголовья, и покаянно помянулась шальная жизнь, косо-криво причалившая к старости, неблагочестивой, рассеянной, растерянной... С заросших парковых аллей, с витиеватых тропинок хлынули воспоминания... Мы — долгогривые, счастливые юнцы, вчера покинувшие родные селища, городища, ныне — студенты, заселенные в общагу, — бегали в парк на «скачки»: под дикий бум шаманского бубна, под остервенелый звон гитары, под бесноватый вой лохматых лицедеев плясали до упаду, скакали козлищами... на отеческих костях. Отче, прости! — не ведали, что творили... Ладно, дурные, беспамятные, не разумели, что допрежь деялось на белом свете; но и, кичась дипломами, опоенные грешным знанием, словно настоем мухомора, не задумывались о том, что лихо пляшем и поем на отеческих могилках. Вспоминаю вечерний парк: истошно гремела музыка, и оглохшие, обезумевшие, лохматые юнцы и юницы метались на танцплощадке, огороженной высоким штакетником, прозванной зверинцем, корчились в сладких муках, словно бес корезил, и в барабанный бой вплетались душераздирающие вопли. О, безумный, безумный, безумный

мир... Не ведали, что под зверинцем предки погребены; но аще и ведали бы, может, и хлеще бы запели, заплясали, а в ночных кустах с девушками бы пуще целовались, крепче обнимались. Осознание, что блудим среди могил, придавало бы страсти таинственность и волнующую остроту — запретный плод сладок; как в деревенском отрочестве, репа, со страхом и риском добытая ночным разбоем, слаще той, что вызрела в домашних огородах. Какое дело до могил «красным дьяволятам», «детям орлиного племени», когда юность клокочет в крови, когда безумно бьется в груди «пламенный мотор»?!

Коренной иркутский насельник, знаменитый живописец Анатолий Костовский с болью и скорбью говорил о сладострастии святотатства, поминая о Иерусалимском кладбище, кое закрыли 7 апреля 1932 года и разбойными набегами разоряли до 1957-го, когда, наконец, сравнивали некрополь с землей, срезали народную память ревушими бульдозерами. «Мы тогда учились на последнем курсе училища искусств, — вспоминал Анатолий Костовский. — Пришел преподаватель и говорит: «Завтра все на субботник. Город будем благоустраивать, кладбище расчищать». Пришли мы, камни ворочали, оградки в кучу таскали для переплавки, землю копали. А там уже все вверх дном перевернуто было. Учился у нас парень на курсе, инвалид, черепов где-то насобирали — мно-о-ого, на веревку их наздевал и привязал на спину. Идет, хромает. А черепа — бряк-бряк, бряк-бряк! Девчонки в стороны — визжат со страху, а парни гогочут... Не думали о смерти, другое на уме...» Да, Анатолий Георгиевич, пройдя огни, воды и медные трубы, доподлинно ведаю, что творилось на уме: сжирающие душу бесгордыни, бесчестоблюбия, беспохоти — богема же! И вспомнилось пустое и глупое: взяли со студентом-ботаником напрокат лодочку и по заболоченной ангарской старице катали шустрых городских девчат, а в сумерках рванули в парк на «скачки», так величались танцы; и когда впотьмах с девушками гуляли, приятелю в лоб дали... Поначалу с подругами плясали стильный о ту пору «шейк», подметая половицы штанами-кляшами, выписывая кренделя под дикий рев; потом решили прошвырнуться

по темным аллеям. Отчалили с пяточка и разбрелись парами... Шел влюбленный ботаник по темной аллее... вспоминал тот, прикладывая медный пятак к синему глазу... доказывал девушке, что и «на Марсе будут яблони цвести»; но вдруг вынырнул из сумрачных кустов ухаер, может, ухаер девушки, и не успел ботаник глазом моргнуть, как улетел в кусты... Да-а, кому грудь в крестах, кому буйная головушка в кустах. Очнулся ботаник, девушки след простыл, и карманы вывернуты... А жаль, не успел доказать, что на Марсе не только яблони, огурцы будут расти. Легко отделался, иной кот наскребет на свой хребет, еле ноги унесет — запиная здешняя шпана. Ведаю, что береженого Бог бережет, отныне по темным аллеям не шастали.

Полвека миновало, и хотя душа не вмещала, осознал разумом: се, Иерусалимское кладбище, где, как упокоенный Лазарь, воскреснут из мертвых, вздымутся из гробов праведные покойники, восстанут из неведомых, некогда скрытых, вытоптанных могилок, если даже в могилках прах давным-давно истлел, обратился в чернозем, суглинок и песчаник. А вдруг, ныне думаю, и нетленные мощи покоятся... Невольно вообразилось: однажды содрогнется, вспучится ожившая земля, опрокинутся клетки зверинца, разбежится невольное зверье, а потом разверзнутся скованные асфальтом тенистые аллеи, рухнут карусели и качели, стеклянные забегаловки и деревянный помост бывшей танцплощадки, и восстанут из гробов усопшие: некогда заснувшие, а ныне разбуженные иркутские купцы, мастеровые мещане и предместные крестьяне, государевы чиновники и служивые люди, священники, дьяконы, дьячки и пономари, девки, бабы и старухи, ибо «Христос воскрес из мертвых смертью смертью поправ, сущим во гробех живот даровав...» Недаром, «погост» — *погостить* прилегли в могилки усопшие, а после проснутся, но не все сто тысяч иркутян, погребенные на Иерусалимской горе, но лишь праведники, кои до смерти повинились пред Богом и покаянными слезами смыли с души скверну, словно копать с окошка. Господи, «...окропиши мя исопом, и очишуся; омыеши мя, и паче снега убелюся». В белом, ослепительном сиянии, в пении серафимов и херувимов явится Иисус Христос во второе при-

шествие и на Страшном Судище будет «судить живых и мертвых...»; но... «жертва Богу дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит...» Словом, авось Царь Небесный и помилует нас, грешных, а праведники молятся за нас в дольном и горнем свете.

* * *

Воображение явило Иерусалимское кладбище девятнадцатого века, где иркутяне, отпев во Выходо-Иерусалимском храме, погребали родных и близких, а потом, заказывая панихиды в сем храме, поминали усопших на девятый и сороковой день, и во вселенские панихиды

цом и куличом. И перво-наперво на похоронах и поминках раздавали милостыню прошакам-христорадникам, дабы те усердно молились Христу-Богу, Святой Троице, Царице Небесной за души усопших, о прощении их грехов, вольных и невольных. Пусть, домовина — кондовая, и поминки — блины да кисель, а милостыню Христа ради — перво-наперво; равно и молитвы о покойном, дабы вымолить его грешную душу у вечной тьмы, у вечной муки для вечного и блаженного покоя.

И помимо родительских дней, похорон и поминаний православные иркутяне посещали погост, словно и се храм Божий, где, спасаясь

Панихида на кладбище. Фото начала XX в. Собрание Р.Г. Берестенева (из коллекции Ю.А. Андрулайтиса)

(вселенские родительские субботы): Мясопустная — в субботу на Пёстрой неделе, Троицкая — в субботу перед праздником Пятидесятницы (Святой Троицы). Поминались почившие и в родительские дни Великого поста, а также на Радоницу, в день Поминовения православных воинов, когда вспоминается Усекновение главы Иоанна Предтечи, и в Дмитриевскую родительскую субботу, что перед Днем Святого Димитрия Солунского. Иногда весенние поминки свершали и в другие дни, скажем, на Красную горку или в грядущее воскресенье — в День Жен-мироносиц, приходя с красным яй-

от грешной суетности, в молитвенном покое бродили по зеленым или заснеженным кладбищенским аллеям и, оглядывая тихие кресты и величавые надгробья, думали о смерти — суть, о рождении души для вечности рая либо вечности ада; и на погосте, и в кладбищенской церкви отмаливали покойных родичей, замаливали и свои грехи. Жизнь человечья в руце Божией, может, завтра отпоют и погребут, и скорбующей, перепуганной душе откроется шаткая, призрачная лестница во Царствие Божие, и ступит душа на ступеньку, и налетят бесы, дабы крючьями свергнуть душу в ад, где огонь, сера,

червь неусыпный, вопли и скрежет зубовой; станут бесы обвинять в грехах, в коих искушали денно и ночью, и защитят ли ангелы Божии, коль упокоишься в нераскаянных грехах, коль мало деяний во славу Божию, во благо ближних?..

Даже славянские язычники, блуждающие в духовной ночи, верили в бессмертие души; и, погребая скрюченного покойника, напоминающего зародыша, чаяли о его новом рождении или воплощении в иной плоти. А сжигая усопшего, верили: вместе с дымом улетает в небо его душа. Но если христиане по слову Божию разумели: де, души возносятся на небеса, то язычники полагали, что души предков могут обитать и в небесах, и в могилах, отчего усопшему долбили домовину, похожую на дом, а в домовину укладывали нечто из домашнего скарба, авось, пригодится покойному на том свете, и в довершении над могилой возводили подобие избы. Отзвук древнего обычая до нынешних времен стихийно сохранялся у старообрядцев, которые мастерили над могильным крестом навершие, похожее на двускатную крышу. Навершие мастерилось для обережения креста от дождя и снега, но отдаленно напоминало избу — приют покойника. Кладбище в несколько сотен домовин у древних славян представляло собой «город мертвых», место поклонения предкам рода, которые незримо сидят за поминальным столом. Неслучайно, на Радоницу поминальщики «еще загодя <...> пекут пироги, блины пшеничные, оладьи, кокурки, готовят пшенники и лапшевики, варят мясо, студень и жарят яичницу. Со всеми этими яствами они отправляются на погост. <...> Христосуются с умершими родственниками, поминуют их, зарывают в могилы крашенные яйца, поливают брагой, убирают их свежим дерном, поверх которого ставятся всевозможные лакомые блюда» (Максимов С. *Нечистая, неведомая и крестная сила*. СПб., 1994. С. 351). Суеверные даже и «молились» покойным предкам, прося плодородия земле, чадородия женам, дождя в засуху, солнца в затяжное ненастье, и многое иное «вымаливая» у покойников. Случалось, да и по сей день случается, люди в лихую пору идут на могилки к усопшим — будь то родители, жены, мужья, — абы побеседовать, душу

отвести от кручины и лиха, посоветоваться; и, вроде, иные даже и слышат голоса в ответ.

Крепкие в православной вере возносят молитвы об усопших: «Упокой, Господи, души усопших раб твоих <...> и всех православных христиан, и прости им вся согрешения вольная и невольная, и даруй им Царствие Небесное». Молясь, православные миряне почитают за грех плач, ибо смерть — не горе, а благо, исход в Царствие вечного покоя и вечной радости, лишь «подай, Господи, прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати; подай, Господи, христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и добраго ответа на Страшном Судищи Христове...» Ежели по милосердию Царь Небесный услышит мольбу и подаст, то не плакать — радоваться впору. Горе, коли рад бы в рай, да грехи не пускают; горе — грехи не прощённые, горе — не спасенная душа, вот о чем скорбят близкие усопшего, вымаливая его душу в церквях. А причитания, вопли, плачи на тризне — не спасение души усопшего, а лишь долнее житье-бытье его, благолепным русским слогом запечатленное плачевыми для грядущего потомства. Словом, грех о почившем в Бозе стенать и плакать; в народе говаривали: «Когда о покойнике сильно плачут, особенно мать, то он на том свете будет сидеть в болоте, будет являться во сне и жаловаться на свою судьбу» (Виноградов Г.С. *Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Сб. тр. проф. и препод. Иркут. ун-та. Вып. 5 : Науки гуманитар. Иркутск, 1923*). По народно-православным обрядам нежелательно, чтобы мать обмывала умершего ребенка, — непременно заплачет, а сие — грех, отступление от веры в бессмертие души: по Священному Преданию усопший ребенок непременно обретает рай, и о чем тогда стенать? В народе сложилось поверье, что материнская слеза «жжет ребенка». Хотя свичай сей не изжился поныне; а еще в середине прошлого века в русской глухомани при отпевании и поминании плакали (вопили, причитали, голосили) даже и плакальщицы (вопленицы), владевшие искусством голошения. Но встарь, случалось, на Радоницу от слез и воплей переходили к буйному веселью, к песням и пляскам, суть, языческому беснованию. Недаром в Стоглаве (свод

церковно-православных уложений) было осудительно писано о родительских днях: «В троичную субботу по селам и... погостам сходятся мужи и жены на жальниках (кладбищах. — Авт.) и плачутся на гробах с великим кричанием, и егда учнут скоморохи в гудцы и трегудцы играть, они же, от плача преставши, начнут скакати и плясати и в ладони бити и песни сотонинские пети, а на тех же жальниках обманщики и мошенники».

Православная Церковь укротила в русских душах поминальные языческие страсти, ибо «бесам жряху», и внушила: кладбище — святилище, освященный погост — свят во Христе, яко храм. И даже в безбожные советские времена русский народ вопреки безбожной власти, оберег спасительную святость погоста, где не токмо поминаются усопшие предки, но и душа умиротворяется и очищается, удалившись от житейской суеты, от похотей дольного мира.

Иерусалимское кладбище

Туго сплетенная с русской историей, русской судьбой, долгая — более двух столетий, — сложная, а, случалось, и трагическая, вышла история, судьба Иерусалимского кладбища и кладбищенского храма, старого и нового, что запечатлели бывшие рапорты, письма и летописи, нередко смутно прописанные, противоречащие одно другому. Не отымая хлеб у дотошных историков¹, приведем лишь малую толику исторических сведений², дабы явилась зримая картина устройства Иерусалимского погоста — возведения церкви во имя Входа Господня в Иерусалим, старой и новой, коя в былом благолепии возрождается вновь спустя век без малого.

С рождения града Иркутского захоронения православных свершались при церквях, в церковных оградах — богоугодно и удобно родичам усопших: отпели да поблизости от церковных стен на освященных землях и погребли; а на Радоницу и прочие родительские дни заказывали панихиду, а потом на кладбище поминали покойника милостыней христорадникам, клюквенным киселем и румяными блинами. Позже — очевидно, с половины XVIII века — при церквях уже хоронили лишь духовенство, благодетелей, изрядно жертвовавших на хра-

мы, странноприимные, сиропитательные дома, да избранных горожан за великие заслуги перед городом. В Знаменском монастыре кладбище основали на прихрамовых землях обители, где погребали монашествующих и близких к монастырю людей.

Не сохранились казенные записи о древних иркутских жальниках, но есть краткие упоминания. Скажем, в «Иркутских епархиальных ведомостях» за 1875 год в № 23 от 7 июня (см.: *Прибавления*, с. 320) в конце статьи «Летопись градо-Иркутской Преображенской церкви», заложенной в 1795 году, сказано: «По преданию, основанному на оставшихся памятниках, известно, что в первое время существования города Иркутска, близ места, где теперь находится храм Преображения, было общее кладбище, следы которого и теперь видны с северо-восточной стороны храма».

Вокруг Спасской церкви, при ее реставрации, строители обнаружили кости взрослых людей и младенцев. По всему склону холма Крестовоздвиженской церкви, где теперь улицы Седова и Тимирязева (бывшая Средняя Амурская и Преображенская), остались следы бывших могил, и летом 1985 года при копке канавы для прокладки подземных коммуникаций находили людские останки.

Вверх по течению Ангары город Иркутск о ту пору и завершался Крестовоздвиженским храмом; а за церковной оградой зеленели луга, на которых паслись коровы и козы, красовались березняки, осинники, где горожане собирали подберезовики и подосиновики, грузди и белые грибы, а на лесных елянях предместный люд косил сено.

Но Иркутск строился, росло население, а вместе с городом росли и ряды могильных холмиков, соседствуя с жилыми улочками и переулочками. Иркутск, как и прочие российские города, предьявлял свои права, строительство требовало порядка. А посему в начале семидесятых годов XVIII столетия царское правительство обнародовало указ, запрещающий хоронить мертвых при церквях, и предписывало губернским и градским властям отводить под кладбища особые, отдаленные от ближайшего жилья на сто сажен, высокие и сухие земли.

Такой указ был получен и градом Иркут-

Фрагмент плана г. Иркутска 1784 года. Красным цветом выделено кладбище (ксерокопия предоставлена Р.В. Поповой)

ском в бытность второго губернатора Адама Ивановича Бриля. Получен и разослан «...из Иркутского губернского магистрата иркуцких земских дел старостам» в города губернии. Указ был прислан из «Правительствующего Сената, состоявшегося мая 23 числа сего году (1772): «О учреждении во всех городах для погребения усопших в удобных местах кладбищ», чтобы это было «для погребения всех умирающих <...> способное место от состоящей по край самого городского жилья Крестовоздвиженской церкви», чтобы Иркутская городская Дума «определил[а] для отводов обывательских [земель] уже действительно по плану и по отводу назначено где с нынешнего времени всех умерших и погребать должно: о чем от Его Высочайшего Превосходительства и выркуцкую духовную консисторию сего же августа «12» и «18» сообщено и о как то отводное место следственно с духовной стороны принять: а по долгу христианскому и огородить или небольшим земельным валом и рвом обвести, дабы никакой зверь и скот не входил, то в тех и должно учинить магистрату и с духовной стороны с общего всего гражданства согласия положение так как и в прочих городах оное чинится и ни столько одни ограды, но и церкви строятся. <...> Августа 23 дня 1772 году. Ратман Андрей Солдатов, секретарь Прохор Затопляев, канцелярист Иван Третьяков».

Издание сенатского указа о запрещении хоронить усопших при церквях и отведение для этого кладбищ было следствием эпидемии чумы, вспыхнувшей в Москве во второй половине XVIII века, унесшей в могилы более шестидесяти тысяч человеческих жизней. Сибирь эдакого бедствия не переживала, но указ Правящего Сената об устройении погостов не при церквях, а на пригородных землях исполнялся.

Царское правительство настоятельно повелевало: «...Во все городские канцелярии послать указы, которыми подтвердить, чтоб кладбища учреждались в удобных местах, расстоянием от последнего городского жила, по крайней мере, не ближе ста сажен, а есть ли место дозволит, то хотя бы за триста сажен, иногда не плетнем или забором, то и земляным валом велеть их обносить, но токмо бы вал не выше двух оршин был, дабы через то такие ме-

ста воздухом скорее очищались, а для удержания скотины, чтоб она не могла заходить на кладбище, лучше можно поделаться около вала поглубже и пошире рвы, тем удобнее, что вынимаемая из них земля на самое же возвышение вала употреблена быть может.

А от Святейшего Синода тем же ведением требовано, дабы благоволили со своей стороны духовным правлением сделать подтверждение, кроме усопших кроме тех кладбищ, кои на вышеописанном расстоянии от жила отведены будут, в других местах похороняемы не были и по указу Ея Императорского Величества святейший правительствующий синод приказ о непрерывном по означенному правительствующего сената определению исполнению. <...> Всем священнослужителям было подтверждено о том в московскую святейшего Синода канцелярию... в духовные консистории и в прочие, подчиненные Святейшему Синоду места... Иркутской духовной консистории чинить о том по сему Ея Императорского Величества Указу. Июня дня 1772 года. Подлинной Указ подписали обер секретарь Михаил Остолопов, секретарь Аполлос Наумов, канцелярист Иван Кондора... Получен в 28 день августа 1772 г. Верно. Канцелярист Михаил Громов».

По поводу сего документа «1793 года июля 30 день в Иркутской градской Думе градской голова Сибиряков Его Превосходительства Господина Генерал поручика правящего должность Иркутского и Колыванского Генерала Губернатора и разных орденов Кавалера Ивана Алферьевича изустное объявил повеление ему объявленное, относительно высочайше Ея Императорским Величеством подтвержденному городскому плану на котором экспликацией повелено кладбище для погребения мертвых тел отвести, на выгонной городской земле, в указанном расстоянии Его Высочайшего Превосходительства назначить изволил под сей от Крестовоздвиженской церкви на увале против казарм место и приказал Его Превосходительству Господину Генерал майору, правителю иркутского наместничества и кавалеру Лариону Тимофеевичу вымеря надлежащее число по количеству городского и количеству селения отвести, а ему, графскому голове, для того кладбища оное место принять и огородить прочною

План Иркутска XVIII века. Первая Входя-Иерусалимская церковь стояла посередине кладбища (из собрания Иркутского областного краеведческого музея)

городьбою. Подлинной подписал Михайло Сибиряков».

В «Иркутской летописи» говорится, что **в октябре 1772 года, «вследствие указа, запреще-но погребать умерших при церквях, а отведено место для кладбища далее Крестовоздвиженской церкви, на Иерусалимской горе** (выделено мною. — Авт.)», самой высокой точке города, откуда, с высоты птичьего полета, обозревался весь град Иркутский. Градской голова Михайло Сибиряков руководил устройением кладбища, для чего, согласовав с Думой, «предписал <...> здешнему городничему Кондратьеву с тем, чтобы он для предполагаемой <...> на кладбище работы по сношению с Думой, кого она для сей постройки назначит гласного, отряжать ежедневно по его требованиям с пристойным числом караульников из состоящих в тюремном остроге колодников, хотя человек до ста, ежели можно, и более».

Так в отдалении от Крестовоздвиженской церкви на Петрушиной (позже — Иерусалимской) горе силами каторжан рождалось Иерусалимское кладбище, а при нем и некорыстная церквушка, освященная в честь Входа Господня в Иерусалим.

В октябрьском номере журнала «Сибирский Архив» за 1912 год помещена статья В. Мокеева (псевдоним, ныне широко известного иркутского летописца Нита Степановича Романова) «Иркутское Иерусалимское кладбище», где автор пишет: «В половине XVIII века, когда город застроился до настоящей Подгорной улицы, кладбищем была избрана гора, покрытая березовым лесом, где теперь идут Главно-Иерусалимская (ныне ул. Коммунаров. — Авт.) и Кладбищенская (ныне ул. Парковая. — Авт.) улицы. Позднее же, когда гора тоже начала постепенно застраиваться, кладбищу был отведен особый участок земли, для которого, можно предположить, был поднят уровень земли. С годами кладбище уходило в глубь березовой рощи, и в начале 1800 года заняло ту площадь, которую имеет в настоящее время.

В 1795 году на кладбище была построена небольшая каменная церковь во имя Иерусалимской Божией Матери³, разобранная в 1867 году, и с тех пор кладбище стало носить имя Иерусалимского (выделено мною. — Авт.).

Церковь эта зачем-то была разобрана в семидесятых годах, хотя, говорят, она была не особенно ветха. (Похоже, летописец не прав: церковь впала в ветхость, о чем подробное свидетельство причта, приведенное ниже. — Авт.) В 1884 году по улицам, окружающим кладбище, близ ограды Крестовской церкви, по Главно-Иерусалимской улице и 2-й Солдатской (ныне ул. Лапина. — Авт.), было порядочно надгробных памятников, которые постепенно стирались, ломались и теперь от них не осталось следа».

Оберегать кладбищенский порядок предписывалось духовенству, что оказалось непосильным для епархии, где и священников-то в приходы вечно не хватало. В 1858 году «Иркутские губернские ведомости» скорбели: «На кладбище около Иерусалимской церкви некоторыми из посетителей совершаются часто, в особенности в праздничные дни и по вечерам, беспорядки, возмутительные для христианского чувства и даже небезопасные для прочих посетителей. <...> Лучшие памятники обломаны и полуразрушены (понятно, откуда взялись крушители Православной Руси, воинственные безбожники двадцатого века. — Авт.). <...> Некоторые оградки разобраны и употребляются окрестными жителями на топливо вместо дров <...> многие могилы, покрытые дерном, растоптаны скотом, свободно бродящим по всему кладбищу...»

Печать о ту пору боялись как огня: после статьи городская власть создала комитет по возрождению Иерусалимского кладбища, собораны добровольные взносы, и вскоре погост обнесли крепкой деревянной оградой, обсадили кустами и деревьями, а в построенную сторожку посадили недремлющую стражу.

И с 1870 года кладбище перешло в ведение городской управы, коя составила подробную инструкцию кладбищенского порядка, изыскала попечителя, который назначил старосту, а для копки могил, обустройства погоста сбил артель из шести человек. С той поры, дабы неповадно варнакам, за беспорядки на кладбище, за хищения памятников, надгробных украшений, икон наказывали тюрьмой либо штрафами.

Речено святыми отцами, на погосте, яко в храме Божиим, спасается православная душа,

Иерусалимское кладбище (фото из собрания Н.С. Пономаревой)

а Иерусалимское кладбище однажды спасло и земные жизни многих иркутян, когда в 1879 году пожар охватил центр города и огненный дракон пожирал Иркутск, словно ветхозаветный город Содом, погрязший в похотях; и обезумевшие погорельцы бежали на гору Иерусалимскую, где и спасались от огня. По грехам нераскаянным попустил Господь... В клировой ведомости Выходо-Иерусалимской церкви писано: «Ужасно было бедствие г[орода] Иркутска 22 и 24 июня сего года от пожаров, испепеливших лучшую половину города, Кладбищенская церковь осталась, Божие милостью, цела. Сама церковь в течении месяца хранила у себя уварь и ризницу погоревших Воскресенинской

По царскому указу дозволялось погребать усопших лишь на городских погостах, а при церквях — избранное духовенство да церковных благодетелей, изредка — знатных горожан; но случалось... Лидия Ивановна Тамм, недавно почившая, которую, кажется, еще вчера прилюдно чтили как старейшую иркутянку, в отрочестве жила подле Иерусалимского кладбища и в мемуарной книге «Записки иркутянки (1920–1924)» вспоминала: «Кладбища я не боялась, наоборот, любила с книжкой укрыться в каком-нибудь тихом уголке подальше от суеты дворов и улиц. Здесь и читалось, и думалось лучше, особенно вечерами. Тишину порой нарушал только крик ворон на деревьях, но это

Иерусалимское кладбище в начале XX века (фото И.М. Портнягина из собрания Р.Г. Берестенева)

и гимназической церковей. К вечеру 24 июня самое кладбище собрало к себе от Запада, Севера и Востока чада своя живыя. Это были погорельцы г[орода] Иркутска, снискавшие временный себе приют около своих умерших сродников. Поразительно было зрелище... Те, кто может быть, давно позабыли было могилы своих умерших сродников, теперь прибыли к ним, как к своей охране и защите... На самом кладбище и около онаго таким образом поселилось до 1000 семейств, из коих некоторые продолжали жить на кладбище от невозможности приискать квартиру более месяца после пожара».

усиливало атмосферу покоя и таинственности... Был обычный осенний вечер. Мы с соседом Степой Амвросовым возвращаемся со скаутского сбора. Нам было о ту пору по 12 лет (1915 год. — Авт.). Степа только что вернулся из палаточного лагеря, расположенного в долине речки Курма, и теперь увлеченно рассказывал о своих приключениях. Их отряд изучал растения долины... <...> «Кем мне быть? Ботаником или энтомологом? Как ты думаешь?» <...> Степа не стал ни ботаником, ни энтомологом. Его сразил брюшной тиф. Через неделю гробик с телом моего товарища опустили в могилу против алтарного окна Иерусалимской церкви, где был свя-

щенником его отец... Я стояла у могилы Степы, ясноглазого мальчугана, влюбленного в жизнь, и смотрела на памятник ангела, высеченного из белого мрамора...»

На исходе девятнадцатого столетия Иркутск столь широко и вольно расстроился, что Иерусалимский погост очутился в центре города, и градская власть пыталась закрыть кладбище. Однако еще в 1913–1916 годах, по данным историка А.Н. Гаращенко, хоронили ежегодно по 1550–2100 покойников в год, и так продолжалось, впрочем, до 1929 года.

В России мрачный рассвет двадцатого века, канун великого братоубийства: в грамотеях-

них земли, поросшей травой, показываются края их. Многие плиты находятся на тропинках и надписи их стерты прохожими. Многие же старые плиты, надо думать, и совсем находятся под землю — на четверть и более, и их надо откапывать наугад, а еще больше плит, наверное, свалено в могилы, т. к. тут погребение идет на второй-третий раз, и уважение к старым памятникам не заметно».

* * *

В годы Гражданской войны, когда воцарилось безвластие либо власти, не успев укрепиться, менялись, вороватые иркутяне рьяно и откровенно разоряли Иерусалимское кладбище,

Иерусалимское кладбище в начале XX века (фото: www.altamaxstudios.com)

книгочехах — бунтарская смута и безбожие, в народе — скудоверие и шалость, во власти — шаткость и вялость; и о ту пору запущенное Иерусалимское кладбище являло взору печальную картину. «Тут можно увидеть старые памятники начала XIX века, некоторые из них очень внушительных размеров, но, к сожалению, большая часть их поломаны или опрокинуты на землю, — со скорбью писал летописец Нит Романов в 1912 году. — Есть порядочно надгробных камней, плит, прочесть надписи некоторых сразу трудно, надо предварительно эти надписи вычистить, промыть и тогда уже читать. Многие старинные плиты находятся совершенно в земле, и только кое-где из-под насыпанной на

крали надгробные плиты и чугунные оградки. Доходило и до вандализма... Нит Романов в «Иркутской летописи» возмущенно пишет, что в январе 1922 года могильщик раскопал ночью могилы погребенных днем, «гробы, одежду и обувь продал на базаре, а трупами кормил своих свиней». Помянутая выше Лидия Ивановна Тамм писала: «За годы Гражданской войны Иерусалимское кладбище стало совсем бесхозным. «Рачительные хозяева», потеряв совесть, потащили с него кто песчаные, кто мраморные плиты, кто чугунные оградки. Все пригодится! <...> Запросто не придешь нынче поклониться на могилку. Неизвестно, кто встретится тебе на кладбищенской тропе. Урки облюбовали скле-

пы. Летом там не жарко, зимой не так холодно. Там и ворованную добычу можно разделить, и бутылочку прямо на саркофаге распить! Жители окрестных улиц взмолились к властям... <...> Предлагали все памятники, имеющие художественную, историческую ценность, свезти в одно место, сделать мемориальный комплекс, а территорию кладбища отдать под ботанический сад».

После долгих судов-пересудов, 7 апреля 1932 года большевистская власть порешила: передать Иерусалимское кладбище «Горлестрою» для истребления могильных памятников и устройства на искусственной пустоши парка культуры и отдыха. Беспрокло, хотя и решительно, протестовал знаменитый иркутский историк-краевед В.С. Манассеин, очевидно, поминая некрополи Александро-Невской лавры, Данилова монастыря, Новодевичье кладбище, ставшие мировыми историко-архитектурными памятниками. Лидия Ивановна Тамм вспоминала: «Напрасно Манассеин отправлял слезные письма во все инстанции и местные, и центральные, пытаясь спасти наиболее ценные памятники. Все без толку. Мама рассказывала, что когда сломали громадный крест из черного мрамора на могиле какого-то профессора, Манассеин заплакал...»

Закрывать-то закрыли кладбище, но от скудости городской казны четверть века управа не могла махом обратить могилки в парк культуры; рушили стихийными набегами — субботниками да воскресниками. Иерусалимский погост, некогда похожий на святителя в златотканном, благолепном облачении, а потом ограбленно-

го, избитого, изволоченного, уж четверть века торчал бельмом в глазу у городской власти, и в 1957 году советская управа решает смести с лица земли несчастный некрополь, и к сорокалетию братоубийственной революции создать здесь Парк культуры имени Великой Октябрьской социалистической революции. И вновь благочестивые иркутяне протестовали, вынудив городскую власть создать ученую комиссию, куда вошел известный российский историк, будущий профессор Федор Кудрявцев. Хотя

фармазоны и архаровцы некрополь изрядно разорили, но многие памятники чудом выжили, и комиссия выявила около пятидесяти могил знаменитых иркутян, каждую из коих пометив. Власти сулились сохранить памятники, но, увы, чудом выжила лишь могила писателя Михаила Загоскина, да и то лишь по причине того, что рабочие не справились с гранитным монолитом. Да, может, безбожная власть и благоволила деятелю либерально-демократического движения в России Михаилу Загоскину: сын священника, окончивший Иркутскую духовную семинарию, Ка-

Могила М.В. Загоскина на Иерусалимском кладбище (фото из собрания Н.С. Пономарёвой)

занскую духовную академию, исподтишка и до помрачения духа начитался безбожных книжек и, набравшись мудрости мира дольнего, коя безумие для мира горнего, от православной церкви отшатнулся, качнувшись к обезбоженным смутьянам. Не Святое Писание и Священное Предание, не жития святых, а, как признавался сам, огромное влияние на него оказали декабристы, «Колокол» Герцена, учение педагога Ушинского. Возможно, Загоскин, не утратив из души веры в Святую Троицу, в Царствие Небесное, явился предтечей революционных

русских романтиков, искренних народников, кои бунтовали против фарисействующей, лицемерной власти с иконой Христа и Христовой молитвой на окровавленных устах.

Словом, уцелела надгробная плита на могиле Загоскина, когда ломами сокрушалась память о православном духовенстве и величавом купечестве, о героях Бородинского сражения, Русско-японской и Первой мировой войн, о знаменитых горожанах, кои деяниями прославили Иркутск.

Надгробные плиты с кладбища вывозили машинами: иные топили в Ангаре, иными, стесав старые надписи, выбив новые, покрывали могилы на других иркутских погостах, иные использовали в градостроении — дошными историки «считывали» фрагменты эпитафий с новостройных домов; скажем, колонны черного цвета, украшающие первый этаж Агентства Аэрофлота, созданы из мраморных плит.

«Неправое дело вершилось втайне от людских осуждающих глаз, — писала Лилия Ладик в очерке об Иерусалимском кладбище. — Со слов старожилы Игоря Константиновича Пастухова я узнала, самые приметные части надгробий — кресты с распятыми, скульптурные фигуры и тому подобное — ночью грузились в машины и вывозились зимой на лед Ангары. Это видели иркутские рыбаки. Наступала весна. Река вскрылась и без следа топила на дне остатки нашей памяти...»

«Глаголе <...> Иисус <...> пророк без чести токмо в отечестве своем, и в родстве и в доме своем» (Лк. 6:4). Воистину, нет пророка в своем отечестве: когда на голых иркутских улицах

выли революционные вьюги, лихие горожане грабили Иерусалимский погост, обращали могильные склепы в притоны разбоя и разврата; а уж «мировая» богоборческая власть, видя в старых погостах, как и храмах, напоминание о Царствии Божием, истребляла из народной души спасительную память о Православном Русском Царстве. Молились и плакали о Святой Руси ее верные чада — христорадцы, а неверные — хриstopродавцы, искушенные князем мира сего, — отрекшись от Бога и Святой Руси,

весело пели: «Отречемся от старого мира, / Отряхнем его прах с наших ног! / Нам враждебны златые кумиры, / Ненавистен нам царский чертог». И коль в святых храмах устраивались дома, где «красные дьяволята» пели и плясали, то и на жальниках, где православные поминали усопших с молитвенной жалью, богохульники устроили, увы, не ботанические сады...

Но с годами народ обвыкся: взметываются над скрытыми и забытыми могилами веселые качели, висит над городом колесо обозрения, прозванное в народе: «колесо оборзения» или «чертово колесо»...

Впрочем, грех забивать осиновый кол во вчерашнюю русскую историю, словно в могилу злого колдуна; грех и русскую судьбу мазать лишь дегтем, словно ворота сельской блудницы; а посему грех не молвить и доброго слова о русском... советском народе, который, кстати, после шестидневных тяжких трудов во благо Отечества, воскресным днем, случалось, отдыхал в городских парках. А те сплошь и рядом рождались на старинных погостах. Промыслом Божиим возродившись из пепла братоубийственной сечи и под водительством «красного

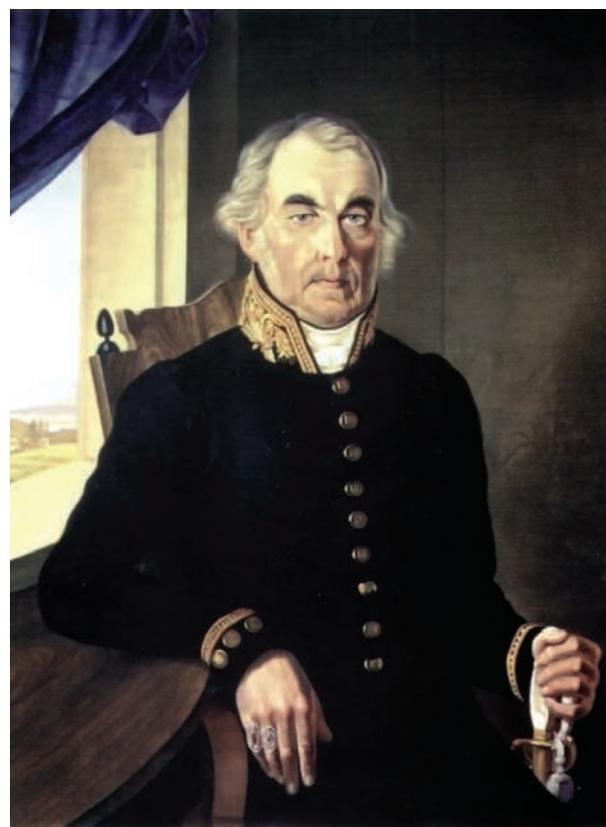
Нит Степанович Романов

царя» Сталина перемолов на русских жерновах властную нерусь и нежить, русский народ спас человечество в мировой войне, нравственно возвысился над миром, сознательно и безсознательно опираясь на евангельские нравственные заповеди, и, задумав создать рай на земле, выстроил Великую Российскую империю, где, дивя белый свет, процветало народное хозяйство, народное искусство, народная наука. Работая охотно и азартно, народ и славно отдыхал от праведных трудов: в мрачно описанном парке не токмо скакали обесившиеся стилиаги, но целомудренно влюблялись юнцы и юницы, гуляющие в тенистых либо залитых белым солнцем ивовых аллеях; здесь молодые мамы и папы либо деды и бабки выгуливали малых чад, развлекающая на каруселях и качелях; здесь рождались поэтические, музыкальные, живописные произведения... Но земной «рай», что созидался без Бога, рухнул и обратился в богохульный содом...

* * *

В помянутой статье летописца Нита Романова «Иркутское Иерусалимское кладбище», напечатанной в октябрьском номере журнала «Сибирский Архив» за 1912 год, извещается: «Иерусалимское кладбище включает в себя православное, польское, на котором похоронено много поляков, повстанцев 1863 года, немецкое, два еврейских — старое и новое. На православном кладбище старинные памятники находятся вблизи бывшей тут церкви (теперь на ее месте построена часовня) и далее по направлению к Кладбищенской улице. Давно следовало бы составить списки памятников городского кладбища...»

Никанор Петрович Трапезников

В очерке «Дорогие мои земляки» литератор Лилия Ладик описывает воображенную картину: «...Видишь, как среди кладбищенских берез и могил ходит человек (летописец Нит Романов. — Авт.) в круглых очках и простеньком пальто. Он склоняется к надгробьям, считывает с них надписи и заносит их в тетрадку». «1770 года марта 6 дня преставился раб Божий иркутский цеховой мастер Иван Ларев, поживше 43 года... Сей памятник покрывает тело в Бозе скончавшегося Великоустюжского купца

Якова Петрова Гусеева, скончавшегося 1809 года марта 30 дня. <...> 1779 год, декабря 7 дня пополудни в 4 часа скончался раб Божий Иван Дехтев, пожив 65 лет. (На фамильном кладбище купцов Дехтевых, в память которых названа улица Дехтевская. — Н. Романов) <...> 1809 года сентября 25 преставился в Бозе штаб-лекарь Коллежский Ассесор Андриан Иванов Любарский, пожив 35 лет...»

Возле иных могил, вообразим, летописец Нит Романов замирает в задумчивости, почтительно поминая земные труды погребенного под сим крестом, под сей мраморной

плитой. Родовая усыпальница купцов Трапезниковых — величавый некрополь, и летописец Нит Романов, опять же вообразим, преклонив колена, долго и вдохновенно переписывал эпитафии с двадцати семи надгробий, чинопочтенно помечая почетных граждан и гражданок иркутских, купцов и купчих первой гильдии.

«На фамильном кладбище рода Трапезниковых находятся памятники: — 8. Коммерции Советник Почетный гражданин Иркутский 1-й гильдии купец Никанор Петрович Трапезников, родившийся 20 июля 1786 года, скончавшийся

11 февраля 1847 года»; «Иркутский 1 гильдии купец Петр Дмитриевич Трапезников 67 лет 11 месяцев 8 дней. Скончался в 1815 года 6 сентября в 7 часов дня»; «Потомственный почетный гражданин иркутский 1 гильдии купец Константин Петрович Трапезников скончался 15 января 1860 года на 70 году от рождения»...

Запечатлев надгробные надписи купцов Трапезниковых, летописец Нит Романов пишет: «На Иерусалимском кладбище покоятся фамилии купцов — граждан Иркутска XIII–XIX столетий, как-то: Забелинских, Зубовых, Шигаевых, Векшиных, Тюрюминых, Свешниковых, Чупаловых, Ланиных, Сизовых, Савватеевых, Нефедьевых, Балакшиных, Оболкиных, Харинских, Аксеновых, Верхотиных, Гуриных, Акуловых, Герасимовых, Пестеревых, Болдоновых, Логиновых, Сумкиных, Несытовых, Самариных, Белоголовых, Малковых, Курносовых, Басниных, Сказываевых, Емельяновых, Масловых и т. д.»

Могилы многих купцов — своеобразные фамильные некрополи, интересные, как отмечал В. Манасеин, в архитектурном и историко-бытовом отношении. Часто памятники имели вид каменных саркофагов, скажем, на могилах семейства Трапезниковых. Более скромно, даже аскетично, выглядели надгробия Басниных.

Благотворное, христолюбивое иркутское купечество... Вот бы память о ком иркутяне, прежде иных героев, увековечили в камне, слове, холсте... в благодарной душе, ибо купеческим попечением вырос град Иркутский с душеспасительными церквями, сиропитательными и странноприимными домами — город,

благолепнее коего не сыскать от Урала до Тихого океана. Недаром благодарные иркутяне многие городские улицы повеличали купеческими именами: Баснинская (Свердлова), Ланинская (Декабрьских Событий), Малая Ланинская (Депутатская), Пестеревская (Урицкого), Большая Трапезниковская (Желябова), Малая Трапезниковская (Связи), Малотрапезниковский переулок (Богданова), Медведниковская (Халтурина), Харинская (Некрасова) и другие. Дай-то Боже, чтобы возвратились их имена

в названия улиц, как, впрочем, обрели бы исторические именованья и прочие улицы, предместья и площади.

«На Иерусалимском кладбище покоился прах иркутян, тех, кто внес большой вклад в развитие города, всего Восточно-Сибирского края, в становление культуры, архитектуры, просвещения, науки и промышленности XVIII–XX столетий. <...> В этой земле покоятся писатели, ученые, общественные деятели: **М.А. Александров** (ок. 1800–ок. 1860) — поэт, автор «Воздушного тарантаса»; **М.В. Загоскин** (1830–1904) — писатель, общественный деятель, редактор

Василий Николаевич Баснин

«Иркутских губернских ведомостей» и газеты «Амур»; **В.И. Вагин** (1823–1900) — историк, общественный деятель, публицист, географ, издатель; **А.М. Станиславский** (1876–1905) — общественный деятель, ученый, консерватор музея ВСОИРГО⁴. <...> На кладбище были похоронены: известный иркутский врач и общественный деятель **А. Брянский**, на могиле которого стоял большой черный мраморный крест на постаменте; первый врач-психиатр Восточной Сибири **С.А. Брянцев** (ум. 28.11.1914); ученый геолог **А.П. Детищев** (1880–1914); ученый **А.К. Зондга-**

ген, на могиле которого был поставлен памятник с надписью «За ревностные труды по земледелию Восточной Сибири в знак искренней признательности от ВСОИРГО»; позади церкви был погребен китаевед, профессор университета **К.Г. Каттерфельд**; геолог **С.П. Перетолчин** (ум. 1914); доктор и общественный деятель **М.Я. Писарев** (1846–1891), на памятнике была надпись: «От почитателей честному человеку. Врачу бедных»; профессор гражданского права, учитель целого ряда профессоров и преподавателей Иркутского университета **А.А. Симолин**; иркутский первопечатник **М.П. Петров** (1741–1827); этнограф **И.А. Худяков** (1841–1876); **Н.А. Серно-Соловьевич** (1834–1866) — один из создателей «Земли и воли», соратник Чернышевского; иркутский летописец **П.И. Пежемский**. Здесь же похоронены многие военные: генерал-майоры **З.Г. Клеветский** (1778–1851) и **И.Г. Земляницын** (ум. 1908); генерал-лейтенант **Н.Н. Флейшер** (ум. 1907); генерал **М.И. Хлыновский** (ум. 1910). Самым известным из военных был **А.Ф. Красавин** (1775–1843) — иркутский комендант с 1836 года, генерал-майор, награжденный орденами Св. Георгия 4 степени, Св. Владимира, золотой шпагой за храбрость, участник многих сражений в войне против Наполеона, в том числе Бородинской битвы. Похоронен здесь и **Ф.В. Савицкий** (ум. 1910) — начальник каторги в Нерчинске и Александровского централа, смотритель иркутского тюремного замка, сделавший много для улучшения содержания заключенных, на памятнике которого была надпись: «Справедливому начальнику от признательных каторжников».

Митрополит Московский и Коломенский
Иннокентий (Вениаминов)

На кладбище были похоронены иркутские архитекторы **А.И. Лосев**⁵ (1765–1829), **А.Б. Разгильдеев** (1818–1895), **А.И. Кузнецов** (1865–1907). <...> и многие-многие другие» (*Гаращенко А. Мир праху твоему, иркутянин // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 30–43*). Сей список можно дописать славными именами: архитектор **В.А. Кудельский** (ум. 1893); писатели **Д.И. Глушков (Олерон)** (ум. 1918) и **Г.С. Гантимуров** (ум. 1921) — выходец из княжеского тунгусского рода; **Ф.И. Харинский** (ум. 1790) — «славный иркутский живописец»; **Н.Е. Тюменцев** (ум. 1856) — действительный статский советник, первым из уроженцев города дослужившийся до генеральского чина; **М.И. Зязин** (ум. 1900) — известный художник», и так... до полутора сотен имен.

* * *

На Иерусалимском кладбище покоится прах Екатерины Ивановны Поповой-Вениаминовой, в девичестве Шавриной, супруги святителя Иннокентия Вениаминова, апостола Сибири и Аляски, митрополита Московского и Коломенского.

Напомним, братья и сестры, житие святого... 26 августа 1797 года в глухоман-

ном селе Анга Верхоленинского уезда Иркутской губернии в семье церковного пономаря Евсевия Попова родился сын Ваня, будущий великий христианский просветитель язычников, глава Русской Православной Церкви. Бедная пономарская избушка, где рос грядущий святитель, жива и поныне, прославлена, ибо — христианская святыня. Подсобляя отцу, отроче младое служил чтецом в церкви святого Ильи Пророка; а в девять лет поступил в духовную семинарию, где Ваню Попова нарекли Вениаминовым, в

честь умершего епископа Иркутского Вениамина (Багрянского). В 1817-м, за год до окончания семинарии, Иван Вениаминов обвенчался с поповной Екатериной Ивановной Шавриной и был посвящен в диакона Иркутской Благовещенской церкви. В Иркутске в семье Вениаминовых родилось трое детей.

В начале 1823 года Иркутский епископ Михаил получил предписание от Святейшего Синода послать священника на Алеутские острова для проповеди христианства среди туземцев. Доброволец долго не находился — священники боялись тысячеверстного пути по бездорожью, страшились края земли, где вольно бродили кровожадные звери и дикие варвары, где царила долгая ночь и редко светило теплое солнце, где птицы замерзали на лету, где месяцами выли вьюги, где голод, холод и смертельные опасности. Пугали батюшек эдакие страсти... Но, прослышав от выходца из тамошних краев об усердии алеутов к молитве и слушанию Слова Божия, молодой диакон Иоанн Вениаминов загорелся желанием ехать. Слезы и уговоры супруги не изменили решения; в июне 1824 года отец Иоанн с матерью, женой, сыном-младенцем отправился в долгий и тяжкий путь к Алеутским островам... к святости во Христе.

Велики заслуги апостола Сибири и Аляски, святителя Иннокентия Вениаминова перед Царством Небесным и Отечеством земным: православный проповедник — окрестил и облек во Христа почти десять тысяч инородцев; мореплаватель и государственный муж — принимал участие в исторических сплавах графа Н.Н. Муравьева-Амурского по Амуру и подготовке Айгунского договора; крупный ученый-натуралист, написавший природоведческие труды; талантливый исследователь инородческих языков, составивший словари, алфавиты и грамматики алеутского, якутского языков; знаменитый этнограф, описавший обряды и обычаи аборигенов Аляски и Сибири; а помимо духовного и светского просвещения строил храмы и жилища, обучал американских и сибирских туземцев кузнечному и плотницкому ремеслам, научил их прививать оспу.

Через пятнадцать лет проповеднического послушания в Русской Америке отец Иоанн,

взяв с собой семилетнюю дочь, отправился в Петербург для миссионерского отчета и похлопотать об увеличении церковного штата в Русской Америке и дополнительных средствах. Отослав матушку и шестерых детей в Иркутск, в ноябре 1838 года отплыл в Петербург... Переговоры в Синоде тянулись месяцами, и дабы впустую не пролетали дни, отец Иоанн занялся сбором пожертвований, для чего поехал и в Москву, где явился к преосвященному Филарету, митрополиту Московскому. Святитель полюбил трудолюбивого проповедника: «В этом человеке есть что-то апостольское...» По возвращении в Петербург отца Иоанна ждало решение Святейшего Синода об увеличении штата священно- и церковнослужителей в Русской Америке, а за долгие апостольские подвиги отец Иоанн удостоился звания протоиерея. Но и печаль поджидала батюшку: из Иркутска пришло известие о кончине матушки. Тяжело переживал отец Иоанн утрату, и святитель Филарет, утешая священника, убедил принять монашество. Постриг совершили 19 ноября 1840 года с наречением имени Иннокентий, в честь святителя Иркутского...

Сын бедного сельского пономаря, клиросный чтец, промыслом Божиим взошедший на престол Русской Православной Церкви, святой Иннокентий посещал родные иркутские края, непременно бывал на могиле супруги Екатерины Ивановны, упокоенной на Иерусалимском кладбище, и служил во Входе-Иерусалимском храме. По воспоминаниям протоиерея П.В. Громова, 25 апреля 1854 года владыка Иннокентий приехал из Якутска, и священник Громов «сослужил преосвященному Иннокентию в кладбищенской церкви, причем он творил поминовение о своих присных, zde лежащих, и после литургии пели мы панихиду над отмеченною памятником могилою его супруги Екатерины». Коли владыка поминал и «своих присных, zde лежащих», то очевидно, что на Иерусалимском кладбище похоронены его дети, почившие во младенчестве. Словом, сей погост и кладбищенский храм уже и тем святы и знамениты, что здесь служил наш земляк, святитель Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, святые мощи коего ныне покоятся в Троице-Сергиевой лавре.

* * *

В очерке мы помянули лишь малую толику даже из череды избранных, выдающихся граждан Иркутска, а сколь со святыми упокоилось в Бозе иных иркутян: юродов Христа ради или благочестивых, праведных, живот положивших во славу Божию, во благо ближних, в миру малоприметных, тихих, а в Горнем Свете, может, и причисленных к лику святых. Неисповедимы пути Господни...

Староста Иерусалимского храма Алексей Дорошенко по благословению настоятеля храма протоиерея Андрея Степанова, с одобрения иркутских писателей, художников, архитекторов, историков и краеведов говорил о сокровенном:

— Мечта наша — восстановление Иерусалимского кладбища, и, может быть, строительство мемориала в честь выдающихся иркутян, и особенно купцов, зодчих и мастеровых, чьим попечением созидался дивный град Иркутский. Разумеется, все захоронения не изыскать, но необходимо восстановить имена погребенных на Иерусалимском кладбище, и на мемориальном памятнике, увенчанном православным крестом, увековечить. Возможно, затем попытаться устроить и частичные перезахоронения. Городские власти думают создать здесь садово-парковую зону, и мы, вхо-иерусалимские прихожане, не против сего. Одновременно можно подумать и о возвращении улицам, районам, предместьям и площадям исконных исторических названий. Словом, работы непочатый край, лишь бы труды наши были во славу Божию, во спасение братьев и сестер во Христе...

Старая Входо-Иерусалимская церковь

Помянутая летописцем Нитом Романовым небольшая каменная церковь, которая, согласно клировой ведомости Входо-Иерусалимской церкви, **«построена тщанием купца Михаила Сибирякова в 1795 году»**, и не имела причта, а служили батюшки, приходящие из Крестовоздвиженской церкви, кою в старину именовали Крестовской. Об этом в «Иркутских епархиальных ведомостях» за 1875 год, хотя речь в записках о 1795 годе: «В сем году указом Консисории от 5-го марта велено на учрежденном

градском для мертвых тел новоосуженную и освященную во имя Входа Господня во Иерусалим каменную церковь заведывать причту Крестовскому, который в июле 1797 году доносил Великому Господину Преосвященному Вениамину, что в зимнее время по стоянии этой церкви на возвышенном и со всех сторон открытом месте, по не имению в оной порядочной печи и плотных оконниц литургию совершать по причине холода не возможно, в летнее же время во многих местах сквозь своды и по стенам бывает не малая от дождей течь от чего происходит сырость, почему просят учинить распоряжение об исправлении сей церкви».

Поспешишь, людей насмешишь... Поспешность, с которой местные власти старались выполнить царский указ о построении кладбищенской церкви и сооружении кладбища, быстро сказалась на качестве строительных работ. Минул лишь двадцать один год — не великий срок для каменного храма, — а благочинный протоирей Теодор Сухих уже получает репорт от встревоженного «градоиркутской Кладбищенской Иерусалимской церкви священника Иоанна Митягина»: «Состоящая означенная церковь... починка, содержание, находится в непосредственной зависимости от Иркутской градской Думы, при коей, вместо старосты, управляет должность оногo гласный от той думы и сторожа его же определяются, сумма же церковная, какая долженствует быть в наличности, состоит в распоряжении оной думы... Церковь построена не настоящею хозяйственною прочностью, от чего время от времени означаются в ней по разным местам расселины, чем грозит... не в долгое время падением... даже крыши разваливаются, расселины без починки остаются; окошки обветшали, печь разваливается, а со стороны определенного от Думы гласного никакого попечения не имеется, от чего в нынешнее время от холода и неприятного воздуха неспособно священнослужение; о чем Вашему Протоиерейству, почтенно репортуя, при том свидетельствую, что хотя бы со стороны кого-либо приняты были меры к составлению прочности церкви. Но поелику она по запущению и видимости, что она сооружена была сперва нехозяйственным смотрением, никакого успеха надеяться не можно. Впрочем, предаю рассмо-

трению Вашего протоиерейства покорнейше прошу показанную церковь освидетельствовать и о сем представить куда следует. *Священник Иоанн Митягин. Ноября 28 дня 1817 года.*

Благочинный протоиерей Теодор Сухих, не пряча письмо батюшки под сукно, не мешкая, пишет «репорт» владыке: «Покорнейшие Репорт Его Преосвященству, Преосвященнейшему Михаилу, Епископу Иркутскому, Нерчинскому и Якутскому»: «Градо-Иркутской кладбищенской церкви, Иерусалимской, священник Иоанн Митягин репортом мне доносит, о ветхости означенной церкви. Я, находя представление священника справедливым, репорт сей на благоусмотрение Вашему Преосвященству представляю... *Нижайший послушник протоиерей Теодор Сухих. Ноября 28 дня 1817 год.*

Еще в 1801 году в пользу кладбищенской Входо-Иерусалимской церкви поступило пожертвование четыре тысячи рублей⁶. Майорша Лилигреинова, завещавшая эти деньги, распорядилась, чтобы проценты с них делились ежегодно поровну: одна часть в пользу причта, другая половина в пользу бедных.

Похоже, завещание майорши не всегда исполнялось добросовестно, отчего в «Иркутских епархиальных ведомостях» в № 39 за 1875 год появилась критическая статья священника М. Успенского «Ответ газете «Сибирь». В статье говорится: «Газета «Сибирь» желает знать, где после 70 лет от написания завещания находится тот капитал и исполняется ли завещание? «Иркутские Епархиальные Ведомости» не смогли дать исчерпывающий ответ на сией вопрошение, «не имея под руками данных». <...> Очевидно, что 4000 рублей, завещанные в 1801 году, должно считать на ассигнации. С переводом на серебро, половина капитала сего, следующая Входоиерусалимской церкви, приказом Общественного призрения исчислена в 587 руб. 10 коп. ... что превышает 6-ю рублями и 60 копейками на серебро. В 1868 году приказ общественного призрения, на основании распоряжения г. Министра внутренних Дел, означенный капитал Лилигреиновой внес в Иркутское отделение Государственного Банка по расчетной книге на имя причта. Находя невыгодным получать только 3% с капитала, имеющего безвозвратное назначение, причт в 1870 году при-

обрел на оный шесть 5% билетов 2-го выпуска номинальную стоимостью на 650 рублей и с того времени получал процентов на них в год 32 рубля 50 копеек. Но билеты сии... во время ограбления кладбищенской церкви в ночь на 19-е Апреля с.г., похищены. Впрочем, о возврате их, как имянных, сделано заявление по принадлежности. Вот история капитала, завещанного собственно для кладбищенской церкви. О другой половине (проценты от 2 000 тысяч рублей, предназначенные бедным. — Авт.) ничего не можем сказать. Что же касается другой заметки той же газеты — заметки, сделанной «кстати», что «Иерусалимская церковь содержится за счет Городской казны», то мы находим ее, если не совершенно неверною, то, по крайней мере, неточною.

Церковь Входоиерусалимская и причт ее на содержание из Городской казны не получали и не получают ни копейки. Причт содержится теми же средствами, как и причты приходских церквей, то есть, кружечными доходами и частью процентами с капиталов, вложенных частными лицами, — вроде, упомянутого капитала Лилигреиновой. Самая же церковь содержится, то есть, освещается, отапливается, караулится и прочие потребности ее исполняются кошелековым сбором и процентами с частных капиталов. По недостатку этих средств, в последние годы причт и староста неоднократно просили думу назначить из городских доходов на содержание церкви 200 рублей в год, но это ходатайство почему то до сих пор не удовлетворено. Правда только то, что настоящая кладбищенская церковь, освященная в 1839 году⁷, в последующее за тем время несколько раз ремонтировалась извне на средства городские — общественные. Так, например, и в нынешнем, 1875 году, по ходатайству причта и старосты, дума решила выдать 1000 рублей на исправление церкви (хотя управа доселе этого не исполнила). Но и здесь оказывается, что дума решила выдать не городской собственно казны деньги, а проценты с капитала, пожертвованного в 1867 году купцом Иваном Логиновичем Медведниковым на постройку новой кладбищенской церкви. Это обстоятельство требует уяснения.

В 1867 году, по поводу предполагавшейся постройки новой на кладбище церкви для

зимнего богослужения, причт и староста обращались письменно к проживающему в Москве купцу Ивану Логиновичу Медведникову с приглашением к пожертвованию на этот предмет. По сему письму г. Медведников выслал 3000 р. через Иркутскую думу. С того времени капитал этот и находится в ведении думы, так как постройка церкви не производится за недостатком средств. Предполагается, что означенные 3000 рублей, как капитал переходящий, со времени поступления его в ведение думы должен был обращаться из процентов. Если рассчитывать только на 4% с рекамбиями, как прежде платил банк Е. Медведниковой, то за восемь лет процентов более 1000 рублей. И так, поставив в настоящем году выдать на исправление кладбищенской церкви 1000 рублей с капитала Ивана Логиновича Медведникова, городская дума своих средств нисколько не коснулась. Ко всему этому справедливость требует отметить, что на счет собственно городской казны содержится на кладбище караульный, получающий в год до ста восьмидесяти рублей. *Священник М. Успенский. 1875 г. Сентября 20 дня».*

По грехам нашим Господь попускает лиху... В этом же году, весной, «в ночь на 19 апреля через взлом железной решетки похищено из Иркутской Входаиерусалимской церкви на кладбище два напрестольных серебряных креста, весу в коих 4 фунта 2 1/2 золотника; поддон изпод дарохранительницы, с крышкою, серебряный и позолоченный, весом два фунта 77 золотников; ковчежец из под дарохранительницы с запасными находящимися в нем св. Дарами и бывшие около этого ковчежица изображения херувимов, с евангелия, находившегося на престоле, отнята и похищена верхняя обложка с изображениями Воскресения Христова и четырех Евангелистов; с жертвенника украден белой меди крест, утвержденный на поддоне. С иконы Благовещения на царских вратах похищены три серебряные венца, украшенные стразами; а также похищено семь именных Государственных 5 % билетов 2-го выпуска за №№ 109, 159, 109, 160, 109, 161; 109, 162; 163; 109, 164 каждый в 100 рублей и за 53, 957 в 1500 рублей. О чем Иркутская Духовная Консистория публикует, к тем, что если где-либо окажутся вещи, билеты и деньги, то немедленно было бы ото-

брано. Всего билетов похищено на 750 рублей, а также денег 140 рублей. Если будет отобрано, то представить в Иркутскую Входа-Иерусалимскую церковь. *Член Консистории Кафедральный Протоиерей П. Громов».*

Строительство новой Входа-Иерусалимской церкви

Дряхлость старой кдабищенской церкви удручала, пугала, и градская Дума всерьез задумалась о строительстве нового храма. Третьего декабря 1817 года Дума решила «испросить позволения от начальника губернии о приглашении общества в дом общественного Собрания и по собрании предложить оному о выборе строителя, по избрании которого вручить ему за шнуром и печатью книгу с тем, чтобы он, под распоряжением Думы покупным материалам и работе вел по оной верную записку с расписками под статьями кому и за что выданы быть имеют деньги, и давал бы месячные отчеты градской Думе, которая за честь себе вменяет Вашему Превосходительству на ревизию щетные выписки и самую книгу представляет... *Градской гласный Ксекофонт Сибиряков»* и другие гласные.

В феврале будущего года «по Указу Его Императорского Величества и по благословию Его Преосвященства Михаила Епископа Иркутского, Нерчинского и Якутского и Кавалера из Иркутской Духовной Консистории дана сия шнурозапечатанная книга Иркутской градской Думе для подписывания боголюбцами прикладов на построение в городе Иркутске на кладбище, вместо состоящей там каменной вновь церкви от нижеписанного числа впредь на три года с тем, чтобы градская Дума благоволила по истечении каждого года сию книгу с показанием в ней расхода к свидетельству представлять к Его Преосвященству. *Февраля 11 дня 1818 года».*

Возведение храма, начатое в 1818 году, свершилось в два захода: построение и достроение, как писалось в бумагах того времени.

В 1829 году в Духовную консисторию из Губернского правления, от 26 октября пришла бумага, в которой было «определено: согласно предложению <...> губернатора о освидетель-

ствованием вновь выстроенной Иерусалимской церкви <...> отнестись в Консисторию с тем, чтобы она благоволила по учинении свидетельства уведомить Губернское Правление, а градской Думе предписать, чтобы она предложила градскому обществу, какой способ избрет общество к пополнению израсходованной суммы и о последующем Губернскому правлению донести...»

Консистория «благоволила по учинению» освидетельствования недостроенной церкви.

«1830 года Майя 22 дня мы, нижеподписавшиеся сим свидетельствуем, что возведенная вновь на кладбище каменная одноэтажная цер-

должность иркутского губернского архитектора, коллежский секретарь Андрей Васильев⁸. При вышеописанном свидетельстве церковного здания был, но о прочности одного рассуждать не могу, гласный Прокопий Шестунов. При освидетельствовании исправляющим должность губернского архитектора и членом от градской Думы вышеописанной церкви был депутат с духовной стороны член консистории Протоиерей Прокопий Громов. Иркутский цеховой по каменному мастерству Филипп Теплых. Иркутский цеховой по каменному мастерству Андрей Домнин».

Итак, в 1830 году завершилась первая часть возведения храма — построение, пошла вто-

Фрагмент плана Иркутска 1829 г., на котором указаны обе Восто-Иерусалимские церкви (№№ 12 и 13), а также: № 95 — греко-российское кладбище, № 96 — католическое, № 97 — лютеранское, № 98 — еврейское (ксерокопия предоставлена Р.В. Поповой)

ковь с колокольнею, найдена нами в устройстве фундамента и кладке стен и сводов прочною, а хотя во внутренности церкви и алтаре в некоторых местах на стенах и арках около труб и видны небольшие щели, последовавшие, как полагать должно, не от осадки фундамента, или непрочной кладки, а от бывшего падения купола, но никакой опасности зданию не представляет, впрочем, при возведении сей церкви против проектированного на оную плана и фасада и сделаны некоторые отступления, но они никакого безобразия зданию не представляют. На подлинном подписали: *исправляющий*

рая часть — отделка, что тянулась до 1865 года

Сбор денег, закупку и заготовку материалов усиленно проводили в 20-х годах XIX столетия и в 1830 году. После сбора пожертвований от богатых и зажиточных иркутян, градская Дума избрала строителей, и начиная с 1831 года возведение нового Восто-Иерусалимского храма пошло полным ходом.

В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) имеются документы, позволяющие установить: кто и сколько пожертвовал на строительство Иерусалимской церкви, куда истрачены деньги благодетелей, кто строители

храма, какую работу выполняли; нам известны имена и фамилии иконописцев, резчиков и позолотчиков. Благодаря подробной «Ведомости о приходе, расходе и остатке пожертвованной боголюбивыми дателями на достроение Входа-Иерусалимской церкви денежной суммы».

«1829 год. Январь 1-го. От бывшего гласного Мичурина остаточные к 1829 году поступило на приход 54 р. 95 к.; от эконома участнических казарм Донкова за известку 12 р. 50 к. <...>

Апрель 18 ч. От эконома Игумнова с частей мещанского ряду принадлежащих к церкви Иерусалимской дохода 43 р. 16 к. <...>

1830 г. Ноябрь 4 ч. От Его Высокопреосвященства Архиепископа Ириней 30 р. От братьев Трапезниковых 200 р. От Прокопия Федоровича Медведникова 200 р. От братьев Басниных 500 р. [От] Натальи Дмитриевы Сибиряковой 200 рублей. От Ивана Медведникова 500 р. От Ефима Кузнецова 200 р. От братьев Наквашиных 100 р. От Якова Донкова 50 р. [От] Александра Свешникова 50 р. Им же от Татьяны Харинской 150 р. От Ивана Шигаева 250 р. От пяти неизвестных 275 р. [От] Авдотьи Малышевой 28 р. [От] неизвестного 10 р. [От] Петра Савватеева 100 р. [От] Семена Сумкина 100 р. [От] Василия Кузнецова 100 р. [От] Степана Попова 100 р. [От] Петра Катышевцева 25р. И. ТОГО 6225 р. 61 к. Из оных получено 5675р. 61 к.»

Из зашнурованной, скрепленной сургучной печатью книги, из расходной «Расходы», куда вошли договорные письма, стали известны имена иркутян, приложивших руки, разум, деловые и творческие дарования на возведение и отделку храма: губернский и градской архитектор Андрей Васильев; староста Брянских; цеховой Москвин (исправление церковной кровли, изготовление трех крестов); живописные мастера, иркутские мещане Иван Гундерин и Дмитрий Пшеничных, которые «в 1831 года ноября 16 дня в Иркутске Иркутской градской Думе <...> дали сей контракт в том, что порядились мы, Гундерин и Пшеничных <...> во вновь выстроенную церковь вход в Иерусалим в иконостас на сделанных этих царских воротах дьяческих дверях и в табле написать на марле по живописному искусству образа 1-й на правом клиросе местный храмового праздника Господа Иисуса Христа вход в Иерусалим, 2-й на дья-

ческих дверях святого архиерея Стефана, 3-й местные в рост с державою Христа Спасителя, 4-й на царских воротах Благовещение Пресвятыя Богородицы, 5-й четырех евангелистов, 6-й местные образ Божией Матери, 7-й на левом крылосе на дьяческих дверях святого архиерея Лаврентия, 8-й Святителя Иннокентия и 9-й в табле Тайную вечерю, и все оные образы написать нам по живописному мастерству самым лучшим и прочным искусством, покрыть лаком из собственных наших митериалов. <...> Буде же при приеме оных образов означенного Думою самоволи или по свидетельству духовных особ найдено будет что либо неисправно, как то: лица или краски неприличествующие положены, так равно и тени красок неправильно отделаны, то все сие обязуемся снова переделать и привести как правила живописи требуют в должной и лучшей порядок»; иркутский цеховой Дмитрий Коротаев, который «дал сей контракт Иркутской градской Думе в том, что я подрядился <...> сделать в новую кладбищенскую церковь Входа во Иерусалим иконостас по плану и фасаду от господина губернского архитектора данному, а потому я и обязуюсь в оной иконостас сделать из собственных, материалов и лесу, таковой, которой бы не могло принимать воды от сырости и влаки и в тонах боится, а при том рассыхаться, рвать к делать щели, а от сего портить краску и позолоту, и суковатого; а буде где сверх всякого чаяния будут малейшие сучики, то мне оные вырезывать и наместо оных ввести вставки подлицо слоями дерева сообразными так, чтобы при тонком покрытии красок и золочений никакого знаку вставки приметить неможно было. Столярную и резную работу произвести мне так, как она назначена на плану и фасаде. <...> Всю оную работу обязуюсь произвести по столярному и резному мастерству и их укреплениям самым лучшим, чистым и прочным образом, на основании вышеписанных условий»; иркутской цеховой Петр Нельских с братьями, который «дал сей контракт иркутской градской Думе в нижеследующем: договорился я Нельских производить у вновь строящейся Ерусалимской церкви на кладбище работы подмазать в нутре известью с алебастром все стены своды арки столбы так же подчекотурить у окон и дверей верхние

Входо-Иерусалимская церковь в начале XX века
(фото И. М. Портнягина из собрания Р. Г. Берестенева)

откосы а снизу окон на подушки закласть плиты вложить так же и в пороги плиты и пробелить первой раз серой а второй белой тож с алебастром, и где предназначена печь у входа колоколню оное место закласть со стеною наравне кирпичей под три печи сделать фундамент так же и вход на колоколну весь подмазать по наружной стороне как на колоколнах равно и стенах от валившуюся равно и отвалится должествующую подмаску всю исправить в лучшем и прочном виде. В олтаре где будет печь пробить стену и свод и вывести трубу сверх крыши и у столбов для капителей обтесать стену на один вершок толщины расстоянием в них 1 1/2 арш; так же и в низу подделат у тумб карниз. Потом наносить лежащий в некотором от церкви расстоянии мусор насыпая оной слоями убивать ручными бабами с проливкою дабы без оно-го не могло сделатся. <...> Полы же настать из плит в большой церкви от входа до рундука в шахмат. Равно и в олтаре, также во оном сделать под престол и для горняго места возвышение. А прочим местам кроме крыльца просто; к олтарю амвон или рундук так и во оном какой по пространству и высоте от полу назначен будет, плитам производить теску часто впритирку, дабы без оной не было в швах малейшей щелей и провесов. Словом чтобы вся работа соответствовала лутчей доброты и прочности за какую рядили. <...> *К сему условию личною прозвобю иркуцкова цехового Петра Степанова Нельских по неумению грамоты руку приложил Иркуцкой цеховой Василей Добрынин. По сему контракту следует наперед деньги триста семьдесят пять рублей получил Петр Нельских. Прозбой его расписался иркуцкой мещанин Иван Байбородин.*

* * *

Долго возводился Входа-Иерусалимский храм: где с Божией помощью — прочно, благо-лепно и украсно, а где без упования на Бога, поспешно, там случались и огрехи. А ино и беды: в землетрясение 9 июля 1823 года упал купол, и во время его падения явились трещины, но, согласно письменному свидетельству градского архитектора Васильева «они не представляют ни малейшей опасности зданию, ибо со времени падения купола прошло уже двенадцать лет и в течение сего времени никакого изменения

в трещинах сих замечено не было; однако на всем тем все те места по распоряжению градского главы почетного гражданина Никанора Трапезникова скреплены железными связями».

В фонде Иркутской Духовной консистории Госархива Иркутской области хранится «свидетельство», подписанное помянутым архитектором Васильевым, где говорится: «1835-го года июля 20 дня. Вследствие постановления Иркутской Губернской Строительной комиссии, состоявшегося 6 числа сего июля, произведено свидетельство возведенной в городе Иркутске на кладбище каменной одноэтажной церкви с колокольнею, покрытой листовым железом, основанной 23 сентября 1820 года, а окончательно отделанной в нынешнем 1835 году и в каком виде означенная церковь мною найдена, описано подробно». Согласно описанию градского и губернского архитектора за малыми огрехами церковь милостью Божией построена прочно и красиво, приспела пора свершить чин освящения.

На рапорте градо-иркутского благочинного протоиерея Шастина на имя Высокопреосвященнейшего Мелетия, архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского, между выцветших строк черной тушью написано: «1835 года июля 16. Уведомить Градскую Думу, что вновь сооруженная Кладбищенская церковь во имя Входа во Иерусалим Господен, имеет быть освящена в 25-е число сего июля. Велеть изготовить для освящения антиминс».

Следующий репорт гласит о чине освящения. «В Иркутскую Духовную Консисторию [от] Настоятеля Иркутского Вознесенского монастыря Архимандрита Никодима репорт. Сим благопочтенно доношу Иркутской Духовной Консистории, что вновь сооруженный Иркутскими гражданами на Градском кладбище храм во имя Входа во Иерусалим Господа нашего Иисуса Христа по благословению Его Преосвященства Высокопреосвященнейшего Мелетия, бывало Иркутского, а ныне Слободено-Украинского Архиепископа и Кавалера, мною соборне в 25-й день июля сего 1835 г. освящен по церковному чинопочтанию. *Вознесенский Архимандрит Никодим. 7 августа 1835 г.*»

«Усердием прихожан поднялся каменный храм с высокой колокольней, тремя вызоло-

ченными крестами и новой с балясинами оградой», — оповещалось в летописи иркутской. Новая кладбищенская **Входо-Иерусалимская церковь была освящена 25 июля 1835 года**, но окончательно достроена, отделана в 1865 году. В долгом перечне жертвователей, попечением коих Божий храм возводился, плеяда купцов-благотетелей: братья Баснины, Е.А. Кузнецов, Т. Харинская, П. Катышцев, Медведниковы и другие.

* * *

Через двенадцать лет после освящения новая кладбищенская церковь — величаемая в народе «церковь на семи ветрах», ибо воздвигнута на крутом увале, — потребовала более основательного утепления. Посему в 1847 году приступили к переделке печей, ремонту дверей и оконных рам, что явилось основанием для заключения контрактов с мастерами. Это о новой церкви...

Но жива была и старая, освященная в 1795 году, где службы не прекращались до освященной новой, а, случалось, и после, и так до 1867 года. Жива-то жива церквушка, но годы не красят, а минуло более полувека... «Ведомость Иркутской Выходо-Иерусалимской кладбищенской церкви» за 1857-й год извещает: «Из двух церквей, отдельно отстоящих, одна построена тщанием умершего купца Михаила Сибириякова в 1795 году, а другая в 1835 г. усердием иркутских граждан. Зданием обе каменные, одноэтажные. Одна с таковою же колокольнею крепка, а другая без колокольни, у которой северная сторона во многих местах разрушилась. На исправление означенной церкви собрано 699 рублей, каковые деньги впредь до востребования находятся для приращения в Иркутском приказе общественного призрения. Престолов в них по одному, оба во имя Входа в Иерусалим Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Утварью достаточна. Земли при сей церкви усадебной, пашенной и сенокосной не имеется...»

Случилось и такое время, когда входо-иерусалимский притч новой церкви просил владыку временно переместить службы в старый храм. В начале осени 1864 года притч обратился к архиепископу Парфению с таким рапортом: «Староста нашей церкви из Гласных

Иркутской Градской думы иркутский купец Дмитрий Демидов изъявил желание обелить на свой счет внутри новый храм... о чем доводим до сведения Вашего Высокопреосвященства и всеиужайше просим дозволить Демидову исполнить его усердие в настоящем месяце, ибо храм этот за зиму очень закоптел от дымления печек, а более всего кадильного дыма, так как большая часть приходских священников приносят в храм кладбищенской церкви разного возраста из бедного состояния для отпетия оных, при чем курение фимиама постоянное и кажделение частое. На что и ожидаем милостивого Архипастырского разрешения Вашего Высокопреосвященства, милостивого Архипастыря, нижайшие послушники: священник Николай Ливанов, священник Николай Петухов, диакон Стефан Владыкин, исправляющий должность дьячка Петр Попов, пономарь Егор Кокоулин. В должности пономаря Николай Милиаров. 3 сентября 1864 г.»

За подписью тех же лиц был подан Преосвященному еще один рапорт: «Так как предположено старостою церковным купцом Дмитрием Димидовым в настоящем месяце выбелить на свой счет внутри новый кладбищенский храм, а поэтому мы должны будем прекратить на время обелки стен и куполов в храме сем Богослужение. Посему просим всеиужайше Ваше Высокопреосвященство дозволить нам по прошлогоднему исправлять Богослужение до окончания работ по новому храму, в старом храме... так как в нем не предстоит никакой опасности, потому что он в таком виде находится дет двадцать или более и мы ничего в нем не замечали и не замечается, как только от бывшего сильного землетрясения во многих местах осыпалась штукатурка и означились все, прежде сего землетрясения бывшие в храме седины и трещины. На что ожидаем милостивой Архипастырской резолюции».

В Иркутской Духовной Консисории по выслушании сего рапорта приказали: предписать указом благочинному, чтобы он с архитектором освидетельствовал старый храм, «можно служить в нем без опасности до окончания работ в новом и по освидетельствовании за общим подписом донести Его Высокопреосвященству. Сентября дня 11 1864 году. Секретарь П. Алякринский».

Увы, освидетельствование старой церкви не порадовало входо-иерусалимский причт...

17 ноября 1864 года в Иркутскую Духовную консисторию послан «Акт освидетельствования повреждений в Иркутской Входа-Иерусалимской церкви», который подписал штаб-офицер по Ведомству путей сообщения, член Совета, подполковник Шац. В акте говорилось: «1864 года 19 октября, свидетельствована нами кладбищенская старая Иерусалимская церковь и по освидетельству оказалось, что она от бывших землетрясений в г. Иркутске в некоторых местах имеет трещины, одни из них сквозные во всю стену, также и над всеми перемычками окон. Парус, отделяющий алтарь от церкви, должен быть весь переложен. В трапезе своды потрескались насквозь, а также и левая сторона стен церкви, при чем вход по лестнице под крышу опасен. Вообще, церковь должна быть капитально и тщательно исправлена. Свод паперти для безопасности от разрушения в настоящее время поддерживается деревянным кружалом. Вода с крыши падает прямо на стену, при чем еще более портит ее, и к тому же грунт земли с северной стороны от сырости постоянно бывает рыхлый, а самый фундамент по большей части ослаблен могилами, вплоть около одного ископанными, от чего церковное здание сделало с осадком фундамента наклон на северную сторону».

После дополнительных обследований Духовная консистория и градская Дума склонялись к мысли об основательном ремонте старой Входа-Иерусалимской церкви, и даже изыскивались некие пожертвования, но желание, увы, не сбылось. Хотя иркутяне любили старый храм как память об отпетых предках.

Перенесли или нет богослужение хоть на малое время, пока белили новый храм, в старую церковь, из архивных бумаг не видно, но в «Иркутских епархиальных ведомостях» лет через тридцать, в 1894 году, была помещена статья: «Засвидетельствование благодарности». В статье поминалось: «Некогда на Иерусалимском кладбище г. Иркутска стоял приличный, хотя и скромный по размерам и украшению кладбищенский храм, который, частью по ветхости, а главное вследствие бывших в нем трещин после сильного землетрясения, грозил

разрушением. В виду грозившей опасности он был разобран (в 1867 году. — Авт.) и затем на месте его остались кое-какие печальные развалины. Место, где был престол, обозначили четырьмя камнями от бывшего фундамента церкви. И причт Иерусалимской церкви, и горожане, помнившие, прежний храм, скорбели об этом, но ни город, ни граждане не соблаговолили придти на помощь. Причт кладбищенской церкви долго искал средств для покрытия священного места, приличным памятником или оградой. Наконец <...> мешанка Т.Г. Качалова пожертвовала сто рублей. Но когда никто к этому не присоединился, она решила построить часовню. В марте месяце часовня была построена и с благословения епископа Тихона освящена 26-го числа того же месяца. На постройку часовни жертвовательницею употреблено 1.200 рублей».

Богоборцы, обновленцы и последняя литургия...

В России — кровавый рассвет двадцатого века, в России — революционная смута. К бесноватым богохульникам примыкает тьма шального простолюдья, искушенного внешней волей, суть, вседозволенностью от князя тьмы. Задолго до революции поэт и дипломат Федор Тютчев упреждал доморощенных смутьянов: «Россия прежде всего христианская империя; русский народ христианин не только в силу православия своих убеждений, но благодаря еще чему-то более задушевному, чем убеждения... Революция — прежде всего враг христианства!..» Русский философ Иван Ильин толкует речения святых отцов о революции: «Революция есть духовная, а может быть и прямо душевная болезнь. Революция есть развязывание безбожных противоестественных, разрушительных и низких страстей; она рождается из ошибок правящей власти и из честолюбия и зависти подданных; она начинается с правонарушения и кончается деморализацией и гибелью».

Попустил Господь по грехам народа русского — ухитили власть распявшие Христа, и двинули воинственных безбожников и скудоверное простолудье против Православной Церкви, и обагрилась Россия кровью новому-

чеников, пострадавших за Христа от безбожной власти. Но непосильно было убить или загнать в лагеря всех православных христиан, и большевистская власть, отделив Церковь от государства, попыталась расколоть ее изнутри, используя еретические шатания в среде духовенства, жаждущего догматического и обрядового обновления церковной жизни.

Мировая сатанократия, имеющая чудовищную власть, дабы раскачать, расколоть, уничтожить Русскую Православную Церковь, издревле опекала любые раскольнические, еретические действия лукавых либо заблудших «христиан». Вспомним «прославленное на весь свет» публичное толстовское богоискательство, вернее, богоборчество, о коем накануне браutoубийственной резни обер-прокурор Святейшего Правительственного Синода Константин Победоносцев сказал, что в России два царя: один — на троне, другой — под тронем. На троне император, Богом помазанный, под тронем Толстой, который с такой силой расшатывает трон, с какой не могли его расшатать революционные ячейки.

Не случайно через либерально-демократическую, народническую печать, а при советской власти и через русскую национально-патриотическую, мировая сатанократия исподволь, незримо, но ощутимо поддерживала и старообрядцев в их яростном неприятии главенствующей Православной Церкви, якобы «безблагодатной», демонической, троеперистием «кажущей» Богу кукиш. Старообрядцы, за три века не породившие святости, смущенно умолкали, когда речь шла о святых, в земле Российской просиявших после церковного раскола.

Так, большевистской властью было поддержано и церковное обновленчество, и в лоне Русской Православной Церкви оказались два воинственно непримиримых лагеря: по правое плечо, где незримые ангелы-хранители, — духовенство и миряне, прозванные «староцерковцами», верные православным догматам, церковным обрядам, кои завещаны святыми отцами, а по левое плечо, где бесы, — новоцерковцы (живисты, обновленцы), затеявшие речевые, догматические и обрядовые «упрощения» ради обмирщения Церкви, ради идеального сближения ее с властью... богохульной.

Почву для обновленчества взрыхлила русская аристократия времен Петра I, скудоверная, охладевшая к русскому православию, восторженно и заискивающе взирающая на католический Запад; а щедро удобрили обновленческую почву доморожденные либералы и демократы XIX века, уже и презирающие Русскую Православную Церковь, что выразилось в их критических сочинениях, где порой звучит и откровенная площадная брань по поводу православного духовенства, — вспомним, к примеру, письмо Белинского Гоголю или статьи графа Толстого. А в лихолетье кровавой российской смуты противоправославный настрой русской «образованщины»⁹, духовные шатания в среде «вольнодумного» духовенства оказались столь сильны и всеохватны, что и породили обновленчество, которое декларативно обозначилось и, охотно поддержанное революционной властью, «узаконилось», попыталось обрести в Русской Православной Церкви «законные» права.

Обновленчество, как неприятие Божественной литургии и церковных правил, уставов, святыми отцами утвержденных на церковных соборах, обновленчество, как противостояние православно-самодержавному устройению России, в революционные годы слилось со стихийным, богословски и философски даже и не обоснованным, еретическим учением о том, что революция в России — дело «истинно христианское», кое «благословил» бы и сам Иисус Христос. Еретическая идея вскружила беговые головушки «вольнодумцев», смутила души богемных поэтов демонического Серебряного века. Вспомним поэму Александра Блока «Двенадцать», созданную в январе восемнадцатого года, которая могла быть гимном церковного обновленчества: «В белом венчике из роз — / Впереди — Иисус Христос...»

Ну, с поэта малый спрос — богема, но ересь сию проповедовало и обновленческое духовенство с церковных амвонов и архиерейских кафедр...¹⁰ Верховоды обновленческого движения «Живая церковь» провозглашали: «Великий лозунг социальной революции «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» вполне приемлем, вполне полезен, вполне жизнеспособен и в нашей церковной революции» (*Живая*

Церковь. 1922. № 6-7). «Октябрьская революция освободила церковь от тяжелого ига помещичьего самодержавия, отделив ее от государства и таким образом предоставив ей свободу духовного развития и совершенствования» (*Живая Церковь. 1922. № 8-9*). В программе «Союза общин древлеапостольской церкви», составленной глашатаем обновленчества, священником А. Введенским, было записано: «Поскольку в принципах Октябрьской революции нельзя не усмотреть принципы первохристианства, церковь религиозно принимает нравственную правду социального переворота и активно, доступными ей церковными методами, проводит эту правду в жизнь» (*За Христа. 1922. № 1-2*). Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Евдоким (Мещерский), будущий глава обновленческого ВЦУ, писал: «Да будут же благословенны дни Октября, разбившие рабские узы и даровавшие народу истинную свободу» (*Известия ТатЦИКА. 1922. 10 июля*). В постановлении одного из съездов живоцерковников говорилось: «...Клеймим позором всех высших иерархов во главе с Патриархом Тихоном... Да здравствует мировая революция, освободившая рабочих и крестьян от гнета капитала! Да здравствует возрождение страны рабочих и крестьян! Позор всем врагам пролетарской республики!» (*Что постановил Владимирский губернский съезд духовенства и мирян. Владимир, 1923. С. 6-7*). В тезисах предстоящей реформы Православной Церкви на поместном соборе «Живой церкви» говорилось, что Советская власть мирскими методами осуществляет правду первохристианства (*Жизнь и религия. 1923. № 5*). Идеями о единстве христианства с... атеистическим марксизмом-ленинизмом изобиловали статьи и проповеди вождей обновленческого движения: А. Введенского, Антонина Грановского, Боярского, Егорова, Белкова, Калиновского и др.

Самочинный обновленческий епископ Антонин Грановский в двадцатых годах сулил верующим «самую широкую демократизацию неба, самый широкий доступ к лону Отца Небесного» наряду с «коммунизацией церковного уклада» и призывал «революционизировать церковь».

В обновленческом угаре еретики и раскольники доходили до святотатства, когда писа-

ли: де, попы просмотрели «второе пришествие» Христа, подразумевая... прости, Господи... «явление» Ленина, который люто ненавидел христианство, особенно православное.

Обновленческий вождь отец Александр Введенский признавался: «Я шел в церковь с твердым намерением сокрушить казенную церковь, взорвать ее изнутри». И уже на первой после своего рукоположения в июле 1914 года литургии, когда «во время Херувимской песни новопоставленный иерей, стоя с воздетыми руками, начал читать текст Херувимской песни, молящиеся остоленели от изумления не только потому, что о. Александр читал эту молитву не тайно, а вслух, но и потому, что читал он ее с болезненной экзальтацией и с тем характерным «подвыванием», с которым часто читались декадентские стихи» (*Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты : в 3 т. СН-8700 KÜSNACHT, 1978. Т. III. С. 22-23*).

Основные требования обновленцев начала прошлого века сводились к следующему: признание Советской власти и справедливости Октябрьской социалистической революции, якобы воплощающей в жизнь идеалы первоначального христианства; пересмотр в связи с этим церковной этики; перевод богослужения с церковного языка на язык базаров и театров, революционных газет и большевистской бюрократии; предельное упрощение и сокращение Божественной литургии; «пересмотр церковной догматики, с целью выделения тех особенностей, которые были внесены в нее бывшим в России строем»; уничтожение патриаршества, брачный епископат, недопустимость иноков в священство; упразднение иконостаса — алтарь, открытый для всех прихожан; причащение мирянина за каждой Божественной литургией, на которой он присутствует, без предварительного поста и, желательно, без исповеди; необязательность чтения утренних и вечерних правил; допущение к церковнослужению женщин-дьяконов; экуменистическая идея слияния всех христианских церквей; подобный «толстовской ереси», критический пересмотр Библии, Священного Предания, текстов Божественной литургии и т. д.

Иркутская епархия раскололась, и здесь, словно плесень в духоте, завелись обновлен-

цы (новоцерковцы, живисты), обосновавшись в храмах, пытаясь полностью захватить Богоявленскую и Входа-Иерусалимскую церкви. Хотя новоцерковцев сбилась жалкая ватажка по сравнению со староцерковцами, но обновленчество откровенно опекала, лелеяла большевистская власть. Впрочем, и сам церковный раскол — дело рук не столь духовенства, сколь власти, коль был инициирован Троцким, злоевшим революционным вождем.

Историк Д.А. Головушкин в очерке «К вопросу о истории обновленческого движения в Русской Православной Церкви в первой четверти XX века» утверждает: «имеются точные документы, подтверждающие организующую и руководящую роль Г.П.У. и ЦК в инициировании и осуществлении обновленческого раскола. <...> Захват обновленцами церковной власти на местах сопровождался массовыми арестами духовенства и административными ссылками. В своем письме патриарху Тихону архиепископ Александр Симбирский с горечью писал: «С целью захвата власти обновленцы с помощью местных органов Г.П.У. удалили с кафедр без суда и указания причин многих епископов и заменили их единомышленными себе» (РГИА. Ф.831. Д.274. Л.10). Практика публичных покаяний и перестановка церковных кадров в условиях существования двух церквей (тихоновской и обновленческой), окончательно разладили церковную жизнь на местах. На что и наделась богоборческая власть. <...> Церковных реформ в 1920-е годы в обновленчестве не было и большинство священников пошло туда просто потому, что принадлежность к обновленчеству представляла своеобразный гарант от ареста». «В общем, — продолжает А.Э. Левитин-Краснов, — обновленцев можно разделить на четыре группы: первая, самая многочисленная группа, те самые батюшки требоисправители... Вторые — прохвосты, присоединившиеся к обновленчеству в погоне за быстрой карьерой, в большинстве своем ставшие агентами Г.П.У. Третьи — идейные модернисты, искренне стремившиеся к обновлению церкви и почти все окончившие жизнь в лагерях. Четвертые — идеологи обновленчества. Блестящие, талантливые, честолюбивые люди, выплывшие на гребне революционной волны (так называе-

мые церковные Бонапарты). Среди них многие (Увы!), хотя и не все, также были связаны с Г.П.У.» (Краснов-Левитин А.Э. *Лихие годы. 1925–1949. Воспоминания.* Paris : YMCA-Press, 1977. С. 118).

В Иркутской епархии обновленцы (новоцерковцы, живисты), опираясь на карательную власть, хотя и ухитили Богоявленский собор и Входа-Иерусалимский храм, но приходы их страдали малочисленностью, к тому же духовенство и миряне, верные православным догматам и церковным обрядам, завещанным святыми отцами, принародно обличали обновленческую ересь, посильно боролись с «обновленцами-живистами», даже пытаясь склонить на свою сторону власть. Свидетельством тому архивные документы...

В январе 1927 года в Иркутский окружной административный отдел от уполномоченного прихожан-староцерковников Нагорного района города Иркутска поступило «Заявление. В 1924 году Входа-Иерусалимский храм был передан общине нового течения — обновленцам. Обновленчество в приходе не привилось. В настоящее время число членов общины не превышает десяти человек; храм в годовые праздники посещают человек десять-пятнадцать, а в будни он часто пустует. Понятно, что община в 6–10 человек не в состоянии содержать храм и ведет его к развалу: зимой он не отапливается, летом мало проветривается, краска на крыше слезает, церковное имущество плохо охраняется. <...> Тысячи верующих всей Входа-Иерусалимской церкви и всей Нагорной части, лишены своего храма, вынуждены ходить по другим храмам города Иркутска... в Глазковские храмы и скит. Все это сопряжено с большими затруднениями. Прихожане, не разделяющие взглядов обновленчества, просят передать им в арендное пользование Входа-Иерусалимский храм, а если это почему-либо не найдет возможным, то разделить Входа-Иерусалимский храм на два изолированных одно от другого помещения, что технически вполне возможно, так как храм этот имеет три алтаря, три входных двери и два помещения для жилья сторожей, и одно из этих помещений с частью церковного имущества передать православному населению, в лице подающих заявление (список прилагается). Самое же помещение, согласно указанию техническо-

го надзора, верующие обязуются... произвести своими средствами. Уполномоченный Соколов. 15/1 — 1927 года». На заявлении красными чернилами начертана резолюция: «Оставить без рассмотрения, в виду неоплаты гербовым сбором». Когда марки, подтверждающие гербовой сбор, были наклеены, наложена вторая резолюция: «Отказать».

Староцерковцы идут на примирение с обновленцами, коих поддерживает власть, и на своих литургиях во Входе-Иерусалимском храме наравне со «старым» архиепископом пытаются

В сем же году церковная община вынуждена была передать имущество «бывшей Входа-Иерусалимской церкви» Советскому государству.

После смерти Патриарха Тихона в епархиях велась ожесточенная борьба за приходы, которая длилась до 1927 года, пока не была принята известная декларация Патриарха Сергия Страгородского, пока Сталин не покарал обновленцев. Но обновленческий зуд и поныне терзает души иных мирян, кои охотно и успешно изучают английский, французский, японский, китайский языки, а церковно-славянский об-

Входа-Иерусалимская церковь эпохи большевистского вандализма (фото из собрания Н.С. Пономарёвой)

ся славить и «обновленческого». Власть же, не взяв организованным внутрицерковным расколом, давит поборами. Церковь в долгах, здание требует ремонта, и чтобы выручить некие средства, Церковный совет под председательством В. Троицкого разрабатывает программу концерта духовной музыки в храме: Бортнянский, Зиновьев, Турчанинов, Давыдов, Григорьев... Разумеется, концерт не спасает церковь от долгов; и 1931 год — последняя во Входа-Иерусалимской церкви Божественная литургия.

ходят за версту; впрочем, и церковные батюшки не призывают к изучению в воскресных школах *божественного* языка. А посему миряне, не понимающие Божественную литургию на церковно-славянском и не постигающие — опора обновленчества, кое раскольничает и ныне. «Нам необходимо обновление, нам необходимы реформы. Мы остро нуждаемся в реформах...» — пишет современный реформатор о. Георгий Кочетков («Православная община». 1995. № 28. С. 44). — «Сам культ стал слишком

тяжел... Кондовое православие — это ужасно» (Там же. № 30. С. 75). «Охранительное Православие зашло слишком далеко» (Новая Европа. 1992. № 1. С. 82). Впрочем, как в начале века, так и ныне, приходы их ничтожны, ибо духовно русские исповедуют Православие, завещанное святыми отцами Русской Церкви.

* * *

Узревшие нынешнее благолепие Входа Иерусалимского храма, через восемьдесят два года воспрявшего из запустения, иркутяне, братья и сестры во Христе, простим красных богохульников — не ведали, что творили, и помолимся о почивших боголюбивых, богобоязненных предках, чьим высоким молитвенным духом, чьим трудом, смирением и послушанием воздвигся первый и второй храм в честь Входа Господня в Иерусалим. Искренно, коленапреклонно вознесем молитву к небесам: «...Молимся о блаженных и приснопамятных создателях храма сего, и о всех преждепочивших отцах и братьях, zde лежащих и повсюду православных...»

Примечания

1. Обширные сведения о Иерусалимском кладбище и горожанах, там погребенных, содержатся в «Иркутской летописи» П.И. Пежемского и В.А. Кротова, ее продолжении за 1857–1924 годы в летописи Н.С. Романова, а также в «Иркутской летописи 1661–1940», составленной Ю.П. Колмаковым. В 1930-х годах, пытаясь уберечь ценные памятники от истребления, составил записи об умерших директор научной библиотеки ИГУ В.С. Манассеин. В конце XX – начале XXI века об Иерусалимском кладбище и тамошних захоронениях писали: А.В. Дулов (Дулов А.В. *Иерусалимское кладбище // Сибирь. 2010. № 3. С. 141–180*), А.Н. Гаращенко (Гаращенко А. *Мир праху твоему, иркутянин // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 30–43*), Н.М. Полунина, Л.А. Ладик и другие историки, этнографы, литераторы. В книге «Памятники истории и культуры Иркутска» А.В. Дулов, Ю.П. Колмаков, Б.С. Шостакович сообщили дополнительные сведения об истории кладбища и захоронениях.

2. Здесь и далее, иногда без дословного цитирования, используется историческая справка к паспорту Входа Иерусалимской церкви, составленная историком Раисой Архиповой Андреевой, а также некоторые материалы вышеупомянутых авторов.

3. Очевидно, летописец ошибся в именовании церкви, ибо в архивных материалах церковь — и старая, и новая — именуется: *Во имя Входа Господня в Иерусалим (Входо-Иерусалимская. — Авт.)*.

4. Восточно-Сибирское отделение Императорского Русского Географического общества

5. Антон Иванович Лосев, умерший в 1829 году в генеральском чине статского советника, — губернский архитектор, о котором историк архитектуры Б.И. Оглы писал: «Заметную роль в целостности и ансамблевости застройки центра, в развитии школы русского классицизма в Восточной Сибири сыграл А.И.Лосев. Разработанные им многочисленные проекты жилых, торговых и казенных зданий получили широкую реализацию, а некоторые многократно использовались как типовые...» Известны тридцать иркутских зданий, выстроенных по проектам Лосева, среди коих церковь во имя Святого Григория Неокесарийского, что рядом с Троицким храмом, и, очевидно, Преображенская церковь.

6. По тем временам изрядные деньги, если фунт хлеба (нынешний батон) стоил 4 копейки, а корова от 2 до 3 рублей.

7. Но согласно рапорту благочинного градо-Иркутского благочиния протоиерея Шастина на имя Высокопреосвященнейшего Мелетия, архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского, церковь во имя Входа Господня в Иерусалим, построенная в связи с обветшанием старой, освящена 16 июля 1835 года

8. В бумагах величаемый то градским, то губернским.

9. Философы «нового религиозного мышления», петербургское религиозно-философское общество.

10. Далее в повествовании используются размещенные на интернет-сайтах материалы из статей: Головушкин Д.А. «К вопросу о истории обновленческого движения в Русской Православной Церкви в первой четверти XX века»; Каверин Н. «Обновленчество 20-х и 90-х годов: неразрывная преемственность». По названным и прочим сочинениям читатели могут более подробно познакомиться с расколом РПЦ в двадцатые годы XX века, породившим обновленчество, которое, кстати, и ныне живо.

- **ВСТРЕЧА ДУШИ С НЕБОМ**
О паломничестве к святому
Серафиму Саровскому
Владимир Шавёлкин

Цветы на источнике в Дивеево.
Фото В. Шавёлкина

ВСТРЕЧА ДУШИ С НЕБОМ

О паломничестве
к святому Серафиму Саровскому

Преподобный Серафим Саровский, идущий в храм

Владимир Шавёлкин

*В публикации использованы
фотографии автора*

Бывают в жизни счастливые дни. Порой счастье сразу не осознается, но потом, по воспоминанию, понимаешь, что был счастлив! Так у меня случилось ныне летом, в середине августа. Давно уже хотел попасть в Дивеево, к солнышку русской святости Серафиму Саровскому. У святого Сергия Радонежского был, даже дважды, а вот к преподобному Серафиму все не получалось. Но тут крестная дочери, проживающая в Нижнем Новгороде, узнав, что мы проездом с юга хотим заехать к ней, купила однодневную путевку к преподобному, зная это мое желание сердца.

В Нижнем пришлось вставать рано, в пять утра. В семь от вокзала уходил автобус с паломниками. Мы успели, проехав полгорода от Сормово, где в «рабочем поселке», ставшем уже давно городом, крестная живет. Если уж Господь решил что-то устроить или даровать, это не отвратить! В начале восьмого наш полностью заполненный паломниками красный «Икарус» уже выезжал из города. Православный экскурсовод, преподаватель здешней церковной гимназии, рассказывала в дороге нам о Дивеево, о святых этой земли. Часа через полтора автобус въехал в старинный купеческий город Арзамас, где на древних улочках в центре что ни шаг, то храм, каждый со своей архитектурой, красотой! Экскурсовод заметила, что арзамасцы — народ чистоплотный: окурка или бумажки сроду не увидишь на улицах города. Это

действительно так! Значит, можно жить чисто, было бы желание руководства и поддержка горожан. Как-то одна знакомая показывала мне фотографии из староверских семейских сёл Забайкалья. Такая же чистота, все выкрашено, выбелено, сверкает! Где мы, остальные русские, растеряли эту красоту и желание жить в чистоте? Или грязна душа, и грязь на улице уже не воротит, не претит?

Небольшая остановка автобуса у нас случилась тут же за Арзамасом, в большом селе со старинной церковью, где находится чудотворная икона Божьей Матери и крест-мощевик, а в алтаре большая во весь рост икона Христа, написанная как картина итальянским, кажется, художником. Мы еще успели на литургию. Экскурсовод в конце службы уговорила батюшку вынести из алтаря крест с мощами, к которому все приложились. Сыну моему крест батюшка, мягко улыбаясь, даже возложил на голову, сказав при этом:

— Чтобы хорошо учился!

И действительно, это сбывается, хоть и перешел Илья с сентября в новую школу с глубоким изучением естественных наук, а не гуманитарных, как раньше.

Равнинная, с невысокими холмами дорога, с лиственными около нее лесами, обработанными и засеянными полями, селеньями всё бежала и бежала и, наконец, привела нас в Дивеево, где мелькнула вдали красивая колокольня, наполнив душу предпраздничным ощущением скорой встречи со святыней! Экскурсовод просила нас не отставать от нее, чтобы всё успеть. И вот мы шагаем уже по территории монастыря, вымощенной, чисто убранной, с многочисленными паломниками, домиками для треб и хозяйственными постройками. В центре высятся великолепный светло-зеленый храм, где покоятся мощи преподобного Серафима, а рядом белоснежный храм Преображения Господня! Святой Серафим очень любил этот праздник! И нельзя не любить эту малую Пасху в конце лета, всю исполненную света, как сияющие одежды Христа на Фаворской горе!

К мощам длинная очередь. Но нас, как организованную группу, пропускают вперед. И вот уже рака и вещи святого в разных ящичках под стеклом, и иконы, их множество, с частичками мощей разных святых. Всё происходит быстро, едва успеваешь молиться и прикладываться к святыням. Остается только вздохнуть, что постоять, сосредоточенно помолиться здесь на этот

Успенский Собор, где почивают мощи святого Серафима

раз не удастся. В утешение прислуживающая монахиня достает из-под стекла мотыжку, которой трудился святой, и мы успеваем поцеловать старую сталь. Жена мне шепчет: «Подставь спину», — зная, что она у меня болит. И просит монашку возложить мотыгу на больное место. Спина полностью не исцелилась, но этой зимой болела меньше.

Пока задержались у мощей — не хотелось так скоро покидать благословенный храм, — наша группа исчезла. И мы уже сами по выходу из церкви идем к Казанскому собору в низинке, где мощи дивных дивеевских стариц, последующих столпов обители, — Пелагии, Паши Саровской, Марии... Поочередно прикладываемся к святым мощам, и я молюсь о матери, обо всех сродниках и знаемых мною православных, которые вспоминаются в данную минуту. Безнадежно отстав от группы, потеряв ее, мы самостоятельно приобретаем освященное масло в храме Преображения, покупаем другие святыньки, фотографируемся у входа, просим благословения у проходящих мимо батюшек, тоже, судя по всему, приехавших поклониться святому Серафиму.

День солнечный, золотистый, хоть и ветреный. Белые крылья облаков плывут по голубому небу, над желтой колокольней. Из-за отставания мы не попадем к могилам Мантурова и Мотовилова, учеников Серафима, а также к мощам святой матушки Александры, основательнице обители. Не найдем их. А вот мимо канавки Божьей Матери, где Богородица ежедневно шествует, пройти грех! С молитвой, бережно, трепетно мы вступаем в святую канавку, огороженную перильцами надо рвом. И медленно идем, как и другие богомольцы, читая «Богородице, Дево, радуйся...». Молитву надо прочесть сто пятьдесят раз. Ощущение тут необычное. Словно ты уже в этом мире и не в этом одновременно, уже на земле оказался в Царствии Божиим. На душе мир и тишина, их боишься потревожить. В стороне от канавки обычные здания, течет жизнь, люди входят, выходят, что-то делают. И тебя удивляет, изумляет вопрос: как можно здесь, рядом с такой святыней, обычно жить, ходить? По преданию, через канавку не пройдет антихрист в последние времена...

Вот уже и конец четырехугольной канавки, вот уже и прошли, а уходить не хочется. Как из горнего мира опять спускаться в дольний. При выходе часовенка, где паломникам раздают вкусные черные, нарезанные маленькими кубиками сухарики. Сухариками любил угощать приходящих к нему святой Серафим! И рядом песочница, где можно набрать земельки с канавки Пресвятой Богородицы! Вдыхаем, уходя от святыни и всё оглядываясь на нее. По канавке уже идут другие паломники и переживают что-то свое под этим Богоданным Дивеевским Небом!..

Детишки хотят кушать. Спешим в монастырскую трапезную, здесь кормят бесплатно. И вкусно. Специально не ел с утра, чтобы вкушать монастырской пищи. Простые щи, хлеб, чай, а всё как-то ешь с удовольствием. И нет той тяжести после еды, что бывает часто дома, и после лености, расслабленности и усталости. Благодарим за пищу. Тут готовят и обслуживают многочисленных гостей, судя по всему, послушники сами многодневные гости. Идем к киоскам заказать молебны о здравии. Навстречу поспевают две пожилых богомолки:

— Белгородских не встречали? — спрашивают нас.

— Нет. Мы из Иркутска. Помолитесь Серафиму, найдется!

Вся Россия съехалась, спешит к Серафиму! Поклониться ему, помолиться. Разве может такая Россия пропасть?! Да никогда, если народ не отступится от своих великих Богом данных святых.

Про витамин «р», то бишь ремень, вспоминают послушницы, принимающие записки и разговаривающие о воспитании детей — слышу мимоходом... Бытовые разговоры. Но почему-то здесь и они звучат возвышенно, непросто, запоминаются, словно слагаются, как драгоценность, в душу на веки вечные.

Опять же со вздохом, трижды поклонившись, перекрестившись, покидаем солнечную светлую обитель Серафима, чтобы не отстать от автобуса. Простые улочки Дивеево, магазины, церковные сувениры, кафе, автовокзал. И здесь впервые за этот день до меня доносит смрадное дыхание врага — шофер-маршрутчик испускает мат. И так неестественно, под-

Иркутские паломники у храма Преображения Господня

ло, грязно душе слышать это подле стен святой обители. Вот оно разделение мира на грешной земле. И обычно от слышимых матов, которыми заполонена ныне вся Русская земля, становится плохо, коробит. А сейчас просветленная, умиленная душа, облагодатствованное сердце вопиют к Богу за грех богохульства, свершаемый нечистым сердцем, мерзкими устами...

От мощей едем на источник, забивший недалеко, у колючего ограждения города ядерщиков закрытого Сарова, когда какой-то часовой увидел старичка с заступом, копавшегося тут.

Старичок — преподобный Серафим. Ограждение после явления святого еще в советские времена отодвинули подальше. Теперь здесь часовня, множество автобусов на асфальтированной ухоженной площадке, раздевальня для купающихся. Воду набирают ведрами в прорубях в деревянном настиле. Мы с сыном погружаемся у сходень, окунаемся трижды. Вода жжет, ледяная! Мне она показалась холоднее крещенской, когда купался зимою на праздник Богоявления в Иркуте, впадающем в Ангару. Но как благодатно тепло разливается после по телу! И солнышко так ясно и доверчиво греет с небес. И вода вкусна, прозрачна, ты пьешь ее полный стакан! Не хочется уходить, одеваться, покидать эту частичку рая, чистоты на земле. Многие тут исцелялись от болезней. По вере нашей и нам будет!

Уезжаем от закрытого города Сарова, от источника, от Дивеево. На обратном пути водитель останавливается у леса. Мы выходим подышать. И рядом с дорогой вижу небольшую яблоньку с маленькими яблочками. Пробую. Кисло-сладки! Зову сына, угощаю дочь, жену,

крестную с дочкой. Еще один дар от святого Серафима! Набиваем полные карманы и жуем в автобусе до Новгорода!

* * *

Духовное сердце России, как и Троице-Сергиева лавра, Дивеево, где почивают мощи батюшки Серафима. Оттого так тянет сюда верующих людей! Через два года, неожиданно для себя, словно опять получив незаслуженный подарок, вновь оказался в Дивеево.

На этот раз наш автобус подоспел хотя бы к

окончанию Божественной литургии. Удивило — люди стояли за стенами храма и молились, как в храме. В одиночку и группами. Служба за стены передавалась по радио. Не всех желающих вмещает храм. Звучали для уха и сердца давно знакомые молитвы...

И вот опять канавка Богородицы, которую незримо посещает Пресвятая каждый день. Иду по ней, шепчу молитвы. На сердце — мир и покой. Неспешно идут люди, неспешно иду я. На углах канавки, где иконы или крест, останавливаются, прикладываются. Что-то происходит в тебе, но

что, понять не можешь. Становишься ли ты другим, здесь на канавке? Ум ответить не может, чувствует только душа или дух.

Вновь беру сухарики, которыми угощают каждого паломника, как некогда батюшка Серафим, при выходе с канавки в часовенке. Вновь земелька в песочнице, освященной стопами Богородицы! И — к храму, где окончилась литургия, но еще служитя молебен Боголюбской иконе Божьей Матери, — сегодня первое июля, ее день. Помню, в Благовещенске на Дальнем Востоке много лет назад так же

Часовня на источнике Святого Серафима

спешили с семьей в храм первого числа, и по ту сторону Амура, где китайская сторона, светилась, играла теплая, легкая, далекая радуга! Для Господа нет границ!

В прошлый раз вздыхал, что не смогу постоять на службе в храме. И вот устройением Господним стоишь, молишься, поскольку лишь после молебна допускают к мощам святого Серафима. И молишься рядом с ракой батюшки, словно с ним самим. Наконец, и отпуст, и опять по окончании службы быстро лобызаяешь золоченую раку, где за стеклом видно прикрывающую главу святого. Видимо, в этот раз то ли батюшка, то ли Господь решили немного испытать мое терпение и смирение, коих мало и всегда не хватает. По отходе от мощей поспешил к вещам преподобного Серафима, к ним прикладывалась организованная группка людей, но лишь подходил к лапоткам, к мотыжке святого, монахиня, ведавшая открытием ящичков, стеклянных киотов, передо мной их и захлопывала, и мои губы касались лишь стекла...

Наученный прошлым опытом, по выходе из храма Успенья Божьей Матери поспешил в Казанский, где покоятся мощи дивных Дивеевских юродивых во Христе — Пелагеи, Паши Саровской, Марии, предсказавшей царю Николаю мученическую кончину задолго до революции. Мария страшно бушевала и кричала в ночь с семнадцатого на восемнадцатое июля 1918 года за тысячи километров от Екатеринбурга, — слышала ухаживающая за ней келейница: «Царевен — штыками, жида проклятые!» А нижний придел храма посвящен матушке Александре, основательнице монастыря. Красив ее лик на иконе даже с чисто светской точки зрения. Здесь же иконы причисленной к лику святых молодой монахини Елены, умершей за брата Мотовилова по совету старца Серафима, коему брат еще нужен был для земных богоугодных дел. Далее иконы монахини Марфы и монахини Матроны, мученицы-исповедницы двадцатого века за хранение православной веры. Дивным светом женской святости процвел Дивеевский монастырь!

По выходе из храма иду к могилке Мотовилова, исцеленного старцем от неизлечимой болезни, после чего он пожертвовал все имущество на строительство обители. Над моги-

лой поднялось высокое дерево, а на стволе его явился нарост в виде головы медведя — известно, батюшка Серафим привечал дикого мишку при жизни, кормил своим хлебцем. Глажу рукой нарост, как многие делают здесь. И спешу за святыньками. Их такое множество в церковной лавке, глаза разбегаются... Выбираю в форме голубого креста земельку под картоном с канавки Богородицы. С такой святыней можно в любой самый опасный путь, и по воздуху, и по морю, и по суше!

Проголодавшись, захожу в знакомую монастырскую трапезную под открытым небом. Все просто, без изысков, и вкусно. Когда, торопясь, убираю за собой посуду, натыкаюсь вдруг на взгляд паломницы, сидящей за столом напротив. Среднего возраста, полноватая и, похоже, блаженная, вдруг столь проникновенно смотрит на меня, смотрит прямо в мою душу, отчего в душе некое смущение, недоумение. Взгляд, светящийся святым юродством, вроде пытается тебя: кто и что есть ты? Душа дрогнула и смутилась...

Уезжаем. Водитель в автобусе, человек невоцерковленный, пытается включить современное и бездушное «бум-бум» с пусторечивыми бормотаниями между ними. Нужно сосредоточение, духовное осмысление, что же с тобой произошло или происходит, а не «бум-бум». Водителю делают замечание...

Поля, леса, красота лета, ухоженные деревеньки с церквями, большие деревянные кресты у дороги, благословляющие и освящающие путь, — благодатная нижегородская земля! Наш православный экскурсовод, молодая высокая черноволосая женщина читает через микрофон краткое молитвенное правило для занятых мирян, данное старцем: «Отче наш...», «Богородице Дево, радуйся...» и Символ веры. И это звучит благолепно, в тон и такт проплывающей за окном нижегородской природе, в тон и такт всей нашей Русской земле! Пусть вопреки «бум-бум» славит Бога Святая Русь, процветает молитвами преподобного Серафима, освятившего здешние края для встречи души с небом!

- **СОКРУШЕНИЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА СВЯТОСЛАВОМ**

Анатолий Макаров

Россия
История

*Б.М.Ольшанский. Славянская быль
(фрагмент)*

СОКРУШЕНИЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА СВЯТОСЛАВОМ

В. Киреев. Князь Святослав. 2011 г.

Анатолий Макаров

В шуме битв и сверкании мечей происходило образование Древнерусского государства — Киевской Руси. Оно велось в тяжелой и длительной борьбе с враждебными силами Запада и Востока, с внутренними силами, препятствующими объединению племен в единую державу.

Под 859 годом «Повесть временных лет» сообщает: *«Имаху дань варязи из заморья на чюди, и на словесех, на мери и на всех и на кривичех. А козари имаху на полянех, и на северех, и на вятичех, имаху по беле и веверице от дыма»* [1, с. 18].

Значительная часть восточно-европейских племен, в том числе и восточных славян, в середине IX века оказалась в подчинении либо у варягов, либо у хазар. Чужеземные поработители не ограничивались сбором дани с покоренных племен. В их власти оказались важнейшие торговые пути Восточной Европы: Великий Волжский путь, шедший от Ладоги на Каспий и далее в Хорезм и Среднюю Азию, Персию и Закавказье; путь «из варяг в греки», начинавшийся там же, в Ладоге, и по Волхову и Днепру ведший в Черное море, Балканскую Болгарию и Византию (этим же путем, войдя из Черного моря в Дунай, можно было попасть в Великую Моравию); сухопутный путь, начинавшийся в Праге и через Киев ведший на Волгу и далее в Азию. Поступательное развитие общественной жизни славян и других восточноевропейских племен, их хозяйства, промыслов и торговли требовало освобождения от чужеземной власти. Возглавили освободительную борьбу племен Восточной Европы славяне Киева и Новгорода. Эти же города стали узлами сосредоточения государственной жизни рождавшейся Руси. От них во все земли Великорусской равнины стали прорастать живительные нити-скрепы единой Русской державы.

В 862 году русь, словене, чюдь, кривичи и весь, сотворив совет, изгнали варягов за море *«и не даша им дани, и почаша сами в себе володе-ти»*. С тех пор о подчинении северо-восточных племен варягам летописи больше не сообщают. Варяги упоминаются в них лишь в качестве наемных воинов русских князей. Для поддержания, обеспечения безопасности торговых путей и для защиты от внешних врагов те же племена: русь, словене, чюдь, кривичи и весь пригласили князей. Один из них, князь Олег из Ладоги, осуществив объединение северо-восточных племен, предпринимает поход по пути «из варяг в греки», объединяет Новгород с Киевом (882), положив начало Киевской Руси и продолжив освобождение юго-восточных славянских племен от хазарского ига.

Хазарский каганат был первым государством, с которым пришлось столкнуться Древней Руси. От исхода борьбы этих двух государств зависела судьба не только восточно-европейских племен, но и многих племен и народов Европы и Азии.

В 70-х годах IV века гунны, сломив сопротивление алан, ирано-язычных кочевников, занимавших своими кочевьями Прикаспийские степи до Дона, ворвались в Северное Причерноморье и разгромили Готский союз Германариха, состоявший из разрозненных племен, обитавших в степях и лесостепи от Дона до Дуная. Часть готов бежала на Запад и получила название вестготов. Другая часть подчинилась гуннам и получила название остготов. К середине V века гунны обосновались в Паннонии (Средний Дунай), оставив в подчинении Северное Причерноморье. Со смертью Аттилы (454) образованная им держава гуннов распалась.

На ее месте сначала возник Аварский каганат, подчинивший себе значительную часть славянских племен. В «Повести временных лет» эти авары известны под именем обров. *«Эти обры, — говорится в летописи, — воевали и против славян и примучили дулебов также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запречь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу три, четыре или пять жен и везти его — обрина»* [1, с. 210].

Вероятно тогда же, в VI–VII веках, аварами были подчинены и другие восточно-славянские племена. Ученые считают, что как гунны, так и авары были смешанным народом, образованным из тюрков и угров, но говорившим на тюркском языке. В составе гуннских орд в Европе по-

явились болгары и хазары, также говорившие на тюркских языках.

Во второй половине VI века степи Восточной Европы вошли в состав Тюркского каганата, владения которого распространялись от Причерноморья до Желтого моря. В 588 году Тюркский каганат распался на Западный и Восточный каганаты [6, с. 74].

В состав Западно-тюркского каганата вхо-

восточной части Северного Кавказа, властвовали хазары.

Первое достоверное упоминание о хазарах относится к 60–80-м годам VI века, когда они как подчиненные участвуют в походах тюркютов в Закавказье. По-видимому, в начале 90-х годов VI века хазары становятся ведущей силой в Восточном Предкавказье, признавая, однако, верховную власть Тюркского кагана-

Карта Хазарского каганата VIII–IX вв. (по С.А. Плетнёвой)

дило и Булгарское племенное объединение, делившееся, в свою очередь, на две части. Первая часть болгар обитала к западу от Дона и Азовского моря, вторая — к востоку от них в Западном Предкавказье. Вторая часть болгар называлась Великой Булгарией. В 632 году булгарам удалось освободиться от власти Западно-тюркского каганата и образовать независимое государство. Создателем независимой Великой Булгарии был хан из рода Дуло Кубрат (584–642). К востоку от Великой Булгарии, в

та. С крушением в 50-х годах VII века Западно-тюркского каганата, хазары обретают независимость. С этого времени и можно говорить о начале Хазарского каганата. Глава хазар объявил себя главой всех тюркских и кочевых племен Евразии, то есть каганом.

В середине VII века, таким образом, в южно-русских степях и Предкавказье образовались два государства, представлявших собой военно-племенные союзы. Во главе Великой Булгарии стояли правители, ведшие свое про-

исхождение, согласно «Именнику» болгарских ханов, от Аттилы и Ирника [2, с. 162], а во главе Хазарского каганата — вероятно, от родственника предпоследнего западно-тюркского кагана Тун-шеху (618–630) [6, с. 89], погибшего от руки дяди хана Кубрата по материнской линии [2, с. 162].

В начавшейся борьбе между двумя государствами победу одержал Хазарский каганат. Булгары были разбиты. Часть их во главе с ханом Аспарухом, преследуемая хазарами, бежала на Нижний Дунай в 70-х годах VII века [6, с. 91] и там основала Балканскую или Дунайскую Булгарию. Часть болгар покорилась хазарам, оставшись в Предкавказье, и была известна в русских летописях под именем «чёрных болгар», то есть зависимых. Их потомками, как считают, являются балкарцы — народ Северного Кавказа. Третья часть болгар ушла на север и положила основание Волжской, или Камской Булгарии. Потомками болгар на Волге считаются чуваша.

Ю.Г. Лазарев. Дань хазарская

Одержав победу над булгарами, хазары значительно усилились. Под их власть подпало все Северное Причерноморье, большая часть Крыма, Приазовье, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье и Прикаспийское Заволжье. Ко второй половине VII века относится и покорение хазарами лесостепной полосы будущей Киевской Руси.

Вспоминание об этом времени сохранилось в «Повести временных лет» в рассказе о

требовании хазарами дани с полян [1, с. 16]. В подчинении у хазар оказалось большинство тюркских и угрских племен, кочевавших в Причерноморских и Прикаспийских степях.

С самого начала своего существования Хазария утвердила свою власть над важнейшими торговыми путями из Восточной Европы в страны Передней Азии. Однако в значительной степени эта торговля была посреднической.

Значительную часть доходов составляли торговые пошлины на заставах в узловых местах сухопутных, речных и морских путей. К их числу относились Тмутаракань в Керченском проливе, Белая Вежа (Саркел) на Переволоке с Дона на Волгу, Итиль на Нижней Волге и др. Пошлины составляли десятую часть товара. В отдельных случаях, как во время прохода кораблей руси через Итиль на Каспий и обратно в 913/914 году, бралась и гораздо большая часть товаров или добычи. Через Хазарию шли воск, мед, меха,

рабы. Последние поставлялись утрами и печенегами, совершавшими набеги на словен и русь.

Кроме торговых пошлин хазары получали доходы с покоренных народов и племен в виде даней, которые платились или в виде разного рода товаров, или деньгами. Вятичи, например, платили хазарам дань по щелagu (серебряному дирхему) с сохи. Буртасы (мордва) платили дань мехами. В то же время, помимо больших даней, покоренные народы и племена обязаны были по требованию хазарского правителя выстав-

лять вспомогательное войско, те же буртасы должны были выставять до 10 тысяч всадников [6, с. 120]. Правители покоренных народов обязаны были также отдавать в жены кагану своих дочерей.

Власть хазар держалась на мощной военной силе и на глубоком почитании и уважении, чем пользовался хазарский каган у тюркских и других кочевых племен. Хазарский каган, как и все каганы тюрков, происходил из рода Ашина. В глазах хазар-язычников и других тюрков и кочевников каган был окружен ореолом божественной силы, присущей его предкам, владыкам огромного государства. У кагана было 25 жен из дочерей подвластных хазарам правителей, других народов и 60 наложниц. Он был залогом благополучия народа. В случае большой опасности от врагов, хазары выводили кагана, увидев которого враги тотчас обращались в бегство. При каком-либо несчастье — засухе, голоде или поражении на войне, считали, что это произошло из-за духовной немочи кагана. Тогда народ и знать могли потребовать убить кагана.

По существовавшему у тюрков обряду, при возведении нового кагана на престол ему набрасывали на шею шелковую петлю и давили до тех пор, пока он не начинал задыхаться. Тогда его спрашивали: сколько лет он желает царствовать? Когда полузадушенный каган называл то или иное число, тогда его возводили на престол. Если, процарствовав названное им самим время, каган не умирал, его убивали. Каган не мог царствовать более 40 лет. По истечении этого срока его убивали, так как, по убеждению хазар, его ум слабел и рассудок растраивался, его божественная сила ослабевала и он не мог приносить пользу своему народу. Хазары воздавали почтение не только кагану, но и его могиле. Хоронили кагана под водой, сооружая над его могилой надгробие.

В начале VIII века Хазария пользовалась большим влиянием среди соседних стран. Византийский царь Юстиниан II, скрываясь у хазар от преследования, в 695 году женился на сестре кагана, получившей в крещении имя Феодоры. А сын императора Льва Константин в 732/733 годах женился на дочери кагана, принявшей в крещении имя Ирины. Сын последнего был из-

вестен на византийском престоле как Лев Хазар. Во второй половине VIII века каган выдает своих дочерей за мусульманского правителя Армении (752/753) и правителя Абхазии. Однако уже в это время в Хазарии происходят важные перемены как в государственном устройстве, так и в общественном и религиозном положении.

Примерно в 730/731 году один из знатных людей Хазарии Булан обращается в иудейскую веру [2, с. 276]. При этом обращение Булана связывается с захватом города Ардебилля в Азербайджане. В то время хазарский каган умер, и правила страной его мать Паребит. По предположению М.И. Артамонова, наследник престола был еще молод и его опекуницей была Паребит [2, с. 217]. Согласно рассказу хазарского царя Иосифа, жившего в середине X века, который приводится в его письме к испанскому иудею Хасдаю ибн Шафруту, обращение Булана в иудейскую веру произошло чудесным образом. После этого Булан, по внушению свыше, решил выстроить храм и, чтобы добыть для этого необходимые сокровища, совершил набег в Ардебиль [2, с. 269]. Возвратившись с большой добычей, он соорудил шатер, ковчег, светильник, стол, жертвенник и священные сосуды.

Первое обращение хазар в иудейство, как полагают исследователи, произошло в Дагестане, где находилась первоначально древняя Хазария. Обращение, по преданию, произошло в пещере, где хранились священные книги иудеев и где они праздновали субботу [2, с. 273]. По другим известиям, князь хазар, принявший новую веру, получил по обращении имя Сабриель [Там же, с. 270]. По известию царя Иосифа, тогда же Булану удалось обратить в новую веру кагана и других хазарских князей [Там же, с. 269].

Последнее большинство ученых считает маловероятным. Действительно, для обращения верховного правителя государства или народа должны произойти какие-то важные события, вынудившие его на такой шаг. На этом основании многие исследователи относят принятие хазарами веры к началу IX века [2, с. 280] или к последней четверти VIII века [6, с. 151], ссылаясь на первые известия о принятии иудаизма каганом у арабских писателей.

Известный исследователь Хазарии А. Дан-

лоп пришел к выводу, что около 740 года хазары приняли измененный иудаизм, а примерно в 800 году — раввинский [6, с. 150]. Есть, однако, возможность объяснить это различие во времени принятия иудаизма хазарами, учитывая положение иудеев в VII–IX веках среди других народов и вер, обязывавшее их скрывать свою веру. Об этом говорит и предание о пещере, где Булан был вынужден принять новую веру.

Через два года после удачного похода хазар в Закавказье, в 732/733 году арабский полководец Маслама, предприняв ответный поход, под Дербентом нанес сокрушительное поражение хазарскому войску. Бывший при нем каган был ранен, но в начавшейся во время вхождения арабов суматохе успел спастись бегством [2, с. 267].

В 737 году новый полководец арабов Мерван, собрав 150-тысячное войско, вторгся далеко в пределы Хазарии. Каган бежал. Отборное войско хазар в 40 тысяч во главе с Хазар-тарланом было разбито. При этом 10 тысяч хазар было убито, 7 тысяч попало в плен, а остальные разбежались. Каган, узнав о гибели своего войска, отправил к Мервану посла с просьбой о мире. Мерван согласился при условии принятия каганом ислама. Каган согласился, но, очевидно, для видимости. Дождавшись возвращения кагана в столицу, Мерван, восстановив его власть и назвав своим братом, с большой добычей из скота и 40 тысяч пленных вернулся в Закавказье. Хазарии было нанесено

страшное, небывалое поражение. Страна была опустошена. Вероятно, сложившимся в стране положением воспользовались силы, связанные с военачальником Буланом.

Два страшных поражения, понесенные хазарами от арабов, опустошение страны и неизбежно начавшиеся бедствия народа, должны были подорвать веру простых хазар в божественную силу кагана — их владыки и хранителя благополучия.

Из этого убеждения должно было явиться требование убийства кагана, как это было в обычае тюрков.

В награду за сохранение жизни каган, возможно, согласился принять иудейскую веру и предоставить особые преимущества силам, стоявшим за Буланом. Что это были за силы, становится ясным из дальнейшей судьбы Хазарии. Кроме сохранения жизни кагану, можно полагать, была обещана помощь деньгами в восстановлении войска и управлении страной. Косвенно

высказанное предположение подтверждается упрочением власти кагана с помощью арабов. С их уходом безопасность кагана и его власть обеспечивались военачальником Буланом и подчиненным ему войском. Должно быть, и помощь арабов кагану в укреплении его власти была куплена теми же силами, которые поддерживали Булана.

Принятие каганом иудейской веры, видимо, совершилось в глубокой тайне и оставалось неизвестным для большей части хазар. Только

Арабский полководец Мерван (www.ansar.ru)

ближайшее окружение кагана из числа родственников и знати, также принявшее иудаизм, знало о новой тайной вере кагана. Скрытный характер веры кагана, с одной стороны, позволял держать в трепетном повиновении хазарязычников, для которых личность кагана была священной, а с другой — держать в подчинении самого кагана, в угоду Булану и его сторонникам, под постоянной угрозой раскрытия народу его истинного лица и неизбежного вслед за этим устранения.

Конечно, и сам иудаизм, как вера избранных, презирающих всякий иноверный народ, гоев, в какой-то мере была близка мировоззрению кагана, считающего себя божественным. Тайным характером новой веры кагана и объясняется, почему о принятии хазарами иудаизма сообщается в источниках довольно поздно. К сокрытию новой веры кагана побуждало и желание не осложнять отношения с христианской Византией, во время Льва Исавра (717–741), начавшей новое преследование иудеев, с исламским халифатом и собственными подданными — христианами, мусульманами, язычниками. Как бы то ни было, но с арабских войн (732–737) происходят важные перемены. Влияние одного из военачальников хазар Булана чрезвычайно возросло в ущерб власти кагана и других князей.

Создавшимся новым положением в Хазарии воспользовался потомок Булана, «сын его сыновей», хазарский военачальник Обадия, совершивший государственный переворот и лишивший кагана действительной власти. Как следует из письма царя Иосифа, Обадия провел в государстве ряд преобразований, или, по словам Иосифа, «обновлений». По его мнению, Обадия «...был человек праведный и справедливый, он поправил (обновил) царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания (синагоги) и дома ученых (школы) и собрал множество мудрецов израильских, дал им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги (священного писания), Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, принятых у хазаров» [2, с. 279].

Вследствие такого «обновления», «перестройки», каган потерял действительную власть и был низведен до положения сакрального вла-

дыки, или «священного жертвенного животного» [6, с. 137]. Так, верховный правитель хазар, каган, стал обладателем только видимой, внешней власти. Действительная же власть в Хазарии стала принадлежать второму лицу в государстве — царю, или мелику, «беку» по-арабски, или «мэлэху» по-еврейски. Царь мог не только по своему выбору назначать кагана, но в любое время и устранять его.

Мощным средством удержания кагана в повиновении было представление простых хазар о сохранении каганом «божественной силы» или ослаблении ее. При любом слухе об ослаблении «божественной силы» каган мог быть убит по «требованию народа» или самим народом, или царем (беком). Теперь царю-иудею принадлежало право набрасывать петлю на шею кагана при обряде возведения его на престол и сообщать народу ответ полузадушенного кагана о времени его царствования.

Каган жил в полном затворничестве в своем дворце, который в X веке располагался на одном из волжских островов рядом с дворцом царя. Кроме царя, доступ к кагану имели еще два чиновника. Раз в четыре месяца каган показывался народу, сопровождаемый всем войском. При этом все встречные должны были падать ниц. И, по сути, народ не мог видеть кагана. Каган избирался царем из одного и того же знатного, но к X веку обедневшего рода. Каганом мог быть только иудей. Принявший другую веру терял право на престол. Право войны и мира, руководства на войне, взаимоотношения с зависимыми правителями, сбор дани и пошлин, суд оказались в руках военачальника, бека. Царю-иудею удалось оттеснить законного правителя, сделав из него прикрытие для своей власти над страной и народом.

Иудаизм, принятый правительством Хазарии, освящал сложившееся двоевластие сходством с подобным двоевластием в Иудее. Однако иудаизм не стал государственной религией. Он оставался верой узкого круга правящих лиц — кагана и царя с их ближайшими родственниками, иудеев (евреев) и части ростовщическо-торгового слоя хазарского населения из числа других хазаров, тесно связанного с ними. Основная часть населения Хазарии оставалась языческой, христианской

или мусульманской. В этом — в различии вер, одной, исповедуемой верхами, и другими, которых держалась большая часть народа, — коренилось основное противоречие хазарского общества, и оно стало впоследствии одной из главных причин быстрого, стремительного крушения Хазарского каганата. **Там, где правительство и народ исповедуют разные веры, государство недолговечно.**

С Обадии идет 12 царей-иудеев в Хазарию,

части хазар против правительства началось после того, как стало явным то, что было тайным, — новая вера кагана и его окружения. Как это раскрылось, не известно. Обадии и его преемникам удалось подавить восстание народа и установить в Хазарии новый строй. С этой поры ни каган, ни цари уже не скрывают своей принадлежности к иудейской вере.

К этому времени произошло значительное изменение положения иудеев в мире, они

С.В. Иванов. Торг в стране восточных славян

имена которых перечисляет царь Иосиф в своем письме. Все они носят иудейские имена. Утверждение нового порядка, двоевластия, в Хазарии, вероятно, произошло не без борьбы. М.И. Артамонов полагает, что в начале IX века в Хазарии вспыхнуло восстание против правительства [2, с. 324]. Как долго оно продолжалось, не ясно. Но косвенные свидетельства указывают, что борьба была беспощадной. Уцелевшая часть хазар бежала к уграм. Скорее, восстание

стали влиятельной политической силой. Им покровительствовали испанские Омейяды, французские Каролинги. За некие услуги, оказанные им, иудеи преподнесли Карлу Великому красное знамя и царские знаки последних римских императоров, попавшие к ним через готов. Значительная часть международной торговли оказалась в руках иудеев. Под их контролем уже находилась и большая часть работоторговли.

В житии болгарского святого IX века Наума

рассказывается о покупке торговцами-иудеями в качестве рабов славянских священников, учеников Кирилла и Мефодия, у латинян-германцев в Великой Моравии после разгрома там Православия. Эти славяне-священники были затем выкуплены послом Византии у торговцев-иудеев в Венеции и отправлены в Константинополь.

Влиятельные международные связи, должно быть, позволили хазарским иудеям-властителям легализировать себя в качестве открыто господствующей политической группировки. Это время, конец VIII – начало IX века, и отмечено писателями-современниками как момент принятия хазарами иудаизма.

К этой поре, вероятно, относится и перенесение столицы Хазарии из прикавказского Семендера в Итиль на Волге, хотя в источниках IX века она под этим именем еще не упоминается. Впервые в древних источниках название Итиль появляется лишь в X веке [6, с. 129]. Ранее, начиная с IX века, столица хазар на Волге была известна под разными именами: Сарашен (Хазаран), Ханбалык [2, с. 395] или Хамлык [6, с. 130]. Если принять толкование последнего названия происходящим от древнеиудейского «ha-maleh» — «царь», как это понимает А.П. Новосельцев, то так могли назвать свою столицу в IX веке хазарские цари, принявшие иудаизм [6, с. 130]. Это является косвенным подтверждением времени перенесения столицы хазар из Семендера в Итиль.

По известию царя Иосифа, в X веке Итиль состоял из трех частей. В одной части жила царица со своими приближенными. В этой части, вероятно, восточной и расположенной на левом берегу Волги, жили и «иудеи, исмаилитяне и христиане», а также купцы других народов и племен [2, с. 393]. Там имелись синагоги, мечети, церкви, бани, рынки. В Итиле было 7 судей — по 2 для иудеев, мусульман и христиан и 1 для язычников. Судили они по обычаям и установлениям своих вер.

Во второй части города, расположенной на правом берегу, жила знать и располагался 10-тысячный отряд стражи из хорезмских мусульман. Каган и царь жили на острове посреди реки. Там же находились поля, виноградники и все необходимое для их жизни. Царь жил в ка-

менном дворце. Прочим людям таких домов иметь не разрешалось.

К IX веку относится и укрепление хазарами двух других важных в торговом отношении и узловых городов — Тмутаракани в Керченском проливе и Белой Вежи (Саркела) на Дону. Как считает М.И. Артамонов, древняя Белая Вежа, первоначально стоявшая на правом берегу, была разрушена во время восстания, имевшего место в начале IX века, а новый город тогда же был построен византийцами по просьбе хазар на левом берегу [2, с. 328]. Построение Саркела означало окончательную победу властей в междоусобной войне и утверждение иудаизма в их среде.

Перенесение хазарской столицы в Итиль в IX веке и укрепление других городов в важных узлах торговых путей означало качественно новую ступень в развитии Хазарии. Из государства чисто военного, занимавшегося сбором дани с покоренных народов и племен и грабежами соседей, Хазария превратилась в государство торгово-паразитическое. Отныне важнейшей статьей дохода в государстве становится посредническая международная торговля, сбор пошлин с проезжающих гостей (купцов). Упорядочивается сбор дани. Для бесперебойного их поступления в столицу власти на местах учреждают особых надсмотрщиков-тудунов [6, с. 144]. При этом наметилось стремление собирать дани не натуральными продуктами, а в виде денег.

Большая часть поступлений в казну теперь шла царю, его ближайшему окружению и иудеям-торговцам. Это привело к тому, что двоевластие, еще существовавшее у хазар в IX веке, в X веке сменилось властью царя (бека). Каган был лишен всякой власти и влияния [6, с. 142] и превратился, как уже указывалось, в подобие некоего «жертвенного животного». Торговля, имевшая столь важное значение для Хазарии, оказалась в руках преимущественно иудеев [Там же, с. 116]. Иудеи-торговцы жили во всех городах Хазарии и составляли верхний слой хазарского общества и были главной опорой властей.

Из письма царя Иосифа наглядно видно, как правящие круги расценивали остальной народ, гоев. Все, кроме знати, считались «ра-

бами» царя [Там же, с. 119]. Простым хазарам предоставлялось лишь «почетное» право охранять иудеев-торговцев, живших в городах на окраинах государства. Охрану царя и его окружения уже несла особая стража из 10 тысяч мусульман. Как обращались с простыми хазарами, видно из ответа царицы голодающему народу, обратившемуся к ней за помощью: она посоветовала им надеяться на милость Божию [2].

После неудачного восстания против властей значительная часть хазар, оставшихся верными старой, языческой вере, либо оказалась на окраинах страны, либо была вынуждена бежать за ее пределы и наниматься воинами к другим

не занимала судьба этих земель. Они были обеспокоены выколачиванием дани с покорных им народов, сбором пошлин с речных и сухопутных караванов, посреднической торговлей и ростовщичеством.

Такое положение не только сдерживало развитие восточноевропейских племен и народов, но приводило их к нищете и разорению. Спасение было в освобождении от хазарского ига.

Важнейшее значение для народов Восточной Европы в IX–X веках приобретал выбор пути будущего духовного развития. Особенно остро этот вопрос стоял перед племенами вос-

Иудейские монеты, отчеканенные в Хазарии

правителям. Так, вероятно, появились хазары-язычники в войске киевского князя Игоря.

Войско же Хазарии становится, по преимуществу, наемным. Помимо мусульман в нем были русь, славяне. Видимо, в это же время из-под власти хазар выходит значительная часть ранее зависимых областей, и собственно Хазария, как явствует из письма царя Иосифа, ограничивается землями между Нижней Волгой, местом наибольшего сближения Волги и Дона, Левобережьем Дона и Северным Кавказом. Значительная часть приволжских и причерноморских степей к этому времени оказывается во власти огузов и печенегов. Власти Хазарии

точных славян. Их языческая вера стала медленно отступать под мощным натиском новых мировых вер в Балтийское Приморье и глубинные области Восточно-Европейской, Русской равнин.

Из Хорезма через Волжскую Булгарию и из Закавказья проникало мусульманство. Хазария, подчинившая часть восточнославянских племен, была мощным очагом распространения иудаизма и его воззрений.

Причерноморье с первых веков от Рождества Христова было знакомо с Православием, и оттуда постоянно исходил свет его учения. Об этом свидетельствует и путешествие апостола

Андрея по Днепру к Киевским горам. Проповедническая деятельность святителя Климента Римского в конце I – начале II века в Корсуні (Херсонес) и его окрестностях, где он был в ссылке и где умер, святителя Иоанна Златоуста, отбывавшего ссылку в одном из городов Абхазии в V веке, и их учеников служила центрами, откуда распространялось Православие по Крыму, Кавказу и всему Причерноморью.

Путешествие святого Константина (Кирилла) в 860–861 годах в Хазарию привело к обращению в Православие значительной части хазар. Это путешествие выражало собой стремление Византии облегчить положение христиан Хазарии и добиться восстановления архиепископства в Крыму и Тамани, ликвидированного во время гонений на христиан [2, с. 333]. Веротерпимость хазарских властителей, о которой сообщают восточные писатели и царь Иосиф, была вынужденной добродетелью. Она объяснялась мощной поддержкой, оказываемой

христианам со стороны Византии, а мусульманам — со стороны Халифата. Однако, когда у Хазарии было достаточно сил, особенно после открытой победы иудаизма, то там преследовались и христиане, и мусульмане, и язычники.

Крещение западных славян святыми равноапостольными Константином (Кириллом) и Мефодием (865), создание ими славянской азбуки и перевод на славянский язык Священного Писания и Богослужения утвердили среди сла-

вян Православие, остановив распространение латинской традиции, уже имевшей в то время уклонение в ересь. Вслед за Великой Моравией и другими западными славянами Православие приняла Балканская Болгария (865).

В 866–867 годах (по Никоновской летописи в 877 году) русские князья Аскольд и Дир, сидевшие в Киеве, также принимают Православие. Находки в Киевских пещерах говорят о проникновении сюда христианства гораздо раньше времени Аскольда и Дири. Торжество язычества после их гибели не могло быть долговечным. Русь должна была выбрать свой путь духовного развития. Этому выбору во многом способствовала деятельность князя Святослава.

По мнению М.И. Артамонова [2, с. 365] и В.В. Мавродина [4, с. 154], освобождение полян от хазарского ига произошло на грани VIII и IX веков. Уже в 860 году 200 русских кораблей, предводимые князьями Аскольдом и Диром, напали на Царьград как мощ-

ная самостоятельная сила. Вероятно, в борьбе с одним из племен, подчиненных Хазарии, погиб сын Аскольда. «Гранью, и весьма существенной, является объединение Новгорода и Киева, т. е. Славии и Куявии в одно большое государство», — отмечает Б.Д. Греков [3, с. 448]. Овладев Киевом в 882 году и тем самым подчинив своей власти весь путь «из варяг в греки», князь Олег начинает последовательную и упорную борьбу с Хазарским каганатом, добиваясь ос-

Константин во главе миссии по просвещению восточных славян
(www.nativitas.ru)

вобождения из-под хазарского ига восточно-славянских племен и объединения их в одном государстве.

В 884 году *«иде Олег на северяны, а победи северяны, и возложи на нь даньлегку, и не даст им козаром дани платити»*. В следующем, 885 году, Олег подчиняет Киеву родимичей, запрещая им платить дань хазарам: *«...не дайте козаром, но мне дайте. И взаша Ольгови по щялягу, якоже и козаро даяху»* [1, с. 20]. Юго-западные дела, походы на уличей, тиверцев и Византию отвлекли внимание Олега от Хазарии.

При приемнике Олега князе Игоре Киевская Русь несколько раз сталкивалась с Хазарским каганатом. Дважды, в 913/914 и в 943/944 годах. Эти крупные столкновения вызваны из-за невозможности для Руси проходить через Хазарию в Каспийское море и далее в Закавказье. Торгово-военные суда Руси из Азовского моря подымались по Дону до Переволоки, откуда сухим путем их перетаскивали в Волгу. Первый такой поход для Руси

окончился разгромом: на обратном пути они подверглись нападению мусульман. Второй поход закончился для Руси благополучно.

Киевской Руси несколько раз тогда же приходилось сталкиваться с Хазарией из-за крымских владений [2, с. 374]. Походы Руси в Каспийское море через Хазарию убедительно свидетельствуют о значительном ослаблении Хазарии в X веке.

Но смертельный удар Хазарскому кагана-

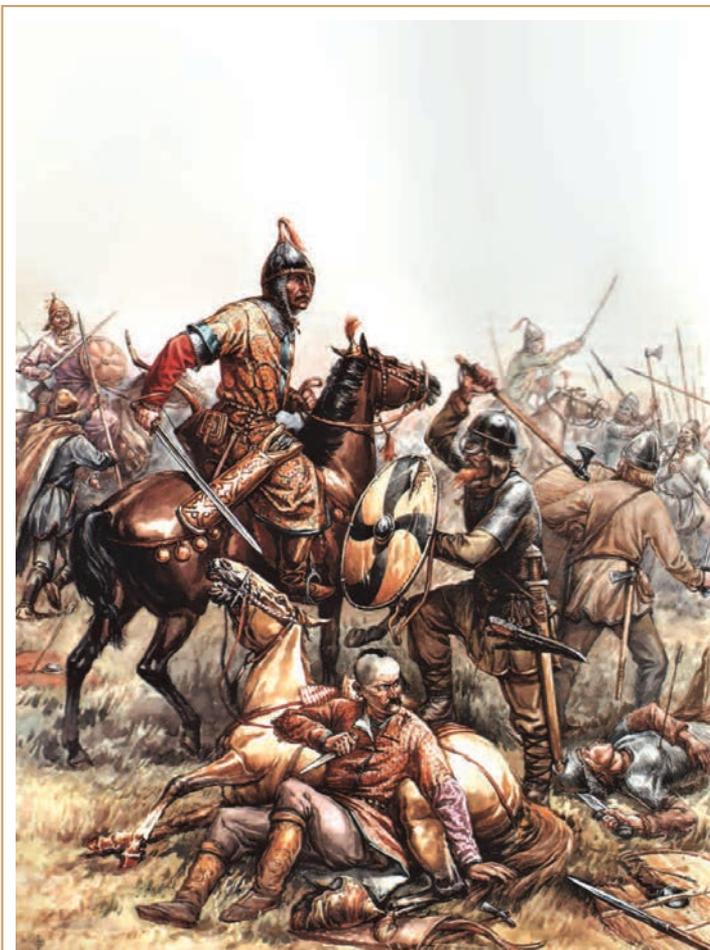
ту, положивший конец его самостоятельному существованию, был нанесен князем Святославом, сыном Игоря. «Княжение Святослава — это последний взмах плеча, создавшего основу Киевского государства», — пишет В.В. Мавродин [4, с. 193]. Князь Святослав — самый выдающийся полководец Древней Руси. Русские летописи посвящают ему, его походам удивительно возвышенные слова. В них он предстает как истинный славяно-русский витязь — бесстрашный в бою, неутомимый в походах, искренний с врагами, верный раз данному слову, простой в быту.

С пяти лет князь Святослав на боевом коне и, как положено князю, первым начинает бой с врагом. «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил с собой ни возов, ни котлов, не варил мясо, но, тонко нарезав конину или зверину, или говядину и, заживив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но

спал, подстлав потник с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: *«Хочу на вас итти»* [1, с. 244].

Первые свои походы князь Святослав предпринимает к вятичам и против Хазарии.

В 964 году князь Святослав «идя на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичем: *«Кому дань даете?»* Они же реша: *«Козаром по щялягу от рода даем»*.

О. Фёдоров. Битва русов с хазарами

А. Клименко. Сеча (фрагмент)

В 965 году «идя Святослав на козары; слышавше же козары, изидоша противу с князем своим Каганом, и сътупишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их и БелуВежу взя. И ясы победы и косоги» [1, с. 47].

Это все, что в русских летописях говорится о войне князя Святослава с хазарским каганатом. Под 966 годом, правда, говорится еще: «Вятичи победи Святослав, и дань на них възложи» [Там же].

Как бы ни было кратко сообщение летописи, но действительность такова, что после похода Святослава Хазария прекращает свое существование.

Восточные писатели дают более подробное описание разгрома Хазарии Святославом. Именно восточные источники сообщают о падении Хазарии. Наиболее раннее сообщение об этом имеется в труде Ибн Хаукаля: «...не осталось в наше время почти ничего от булгар, бургасов и хазар, так как напали на них русы и захватили все их области, те же, кто спасся, рассеялись по соседним областям, надеясь, что [руссы] заключат с ними договор и они смогут вернуться, [поселившись] под их властью» [6, с. 222].

Споры между учеными ведутся как о количестве походов русов, так и о месте их начала. М.И. Артамонов и С.А. Плетнева [7, с. 71] полагают, что поход Святослава на Хазарию начался с Верхней Волги, был он один, и что князь Владимир также совершил поход на хазар. По мнению А.П. Новосельцева, таких походов было два — один в 965 году, когда был взят Саркел (Белая Вежа), а второй — в 968/969 годы, когда были взяты и опустошены волжские города Хазарии. При этом второй поход князя Святослава был во время пребывания его на Руси, куда он прибыл из Балканской Болгарии по зову матери — святой равноапостольной княгини Ольги [6, с. 226].

Представляется возможным согласовать оба эти мнения, если предположить, что поход Святослава против Хазарии был один, но продолжался он два года. Странного ничего в этом нет, если иметь в виду время пребывания Святослава в Дунайской Болгарии. Это был не кратковременный поход, а длительный — с 967 по 971 год. Таков же был поход Святослава против

Хазарии. Начался он со Средней Волги. Перезимовав у вятичей и получив их разрешение на поход с Оки на Волгу, он опустошил Булгар, Хазаран, лежавший, как и Булгар, на Левобережье, вышел оттуда к Северному Кавказу, опустошил Семендер, а оттуда прошел к Дону и взял Белую Вежу, откуда снова пошел на Волгу. При этом был взят Итиль, часть столицы хазар, лежавшая на правом берегу. В летописи называется только Белая Вежа, потому что в русском понимании городом была именно только она, имевшая каменную крепость, построенную греками. Булгар, Итиль, вероятно и Семендер, таких крепостей не имели. Это были ставки правителей.

Поднимаясь вверх по Волге, вероятнее всего ее правым берегом, князь подверг опустошению земли хазар, бургасов и булгар, живших здесь, и выйдя к Оке, обложил данью вятичей. Не ясно, какое преимущественно войско было с князем Святославом во время этого похода — пешее, как в Балканской Болгарии, или конное. Судя по летописному отрывку, который предшествовал походу Святослава на Оку в 964 году, войско в значительной мере было конным. Только такое войско могло совершить столь длительный по протяженности переход. Это войско сначала шло по левому берегу Волги, а на обратном пути — по правому. Пешие воины плыли в лодках. Из их числа оставались в важнейших местах сторожевые отряды. Если же считать, что князь Святослав ходил на вятичей дважды — в 964 и в 966 годах, а в 965 году — на Хазарию, получается мотание из конца в конец огромной страны большого войска, что мало вероятно.

Как бы то ни было, но Хазарский каганат был сокрушен Святославом. Конец Хазарии означал объединение в едином государстве Киевской Руси, большей части восточно-славянских племен. Во время похода были сокрушены и зависимые от каганата земли булгар, бургасов, ясов и касогов. Власть хазар была сокрушена не только в центре Хазарии, но и на ее окраинах. Конец Хазарии означал свободу проезда Руси в Каспийское море, Хорезм и Закавказье. Русь открыла себе свободную дорогу на Восток. Торговые связи Руси с Востоком укрепились, благодаря устранению посредников Хазарии. Победа князя Святослава означала и мировоззренче-

Б.М. Ольшанский. Предание о Святославе (фрагмент)

скую победу Руси в праве выбора особого пути своего духовного развития.

Сокрушение Хазарии, верхи которой исповедовали иудаизм и поддерживали его среди подвластных и окружающих народов через распространение выгодного для их мировоззрения — порабощения, рабства, покорности и превосходства иудеев, означало сокращение оков наиболее тяжкого угнетения — духовного, которое могло погубить основы яркой, самобытной духовной жизни славян и других народов Восточной Европы. Не случайно при выборе веры одним из основных недостатков иудеев святой равноапостольный князь Владимир считает отсутствие у них собственного государства.

Поход князя Святослава, сопровождавшийся, как сообщают восточные источники, разорением мусульман и христиан, на долгое время приостановил проникновение мусульманства в Поволжье. Этому не помогло даже временное закрепление Хорезма в Нижнем Поволжье.

Победа князя Святослава означала, что верховенство над кочевыми народами Причерноморья и Прикаспия от хазарского кагана перешло к киевскому князю. Поэтому в последовавшем в 967 году походе Святослава на Дунайскую Болгарию участвуют на его стороне угры и печенеги. Именно победа над Хазарией дала возможность Святославу заявить в Переяславце на Дунае: *«Хочю жити в Переяславцы, на Дунай, яко то есть середя земли моея, яко ту вся*

благая сходятся: от Грек золото, паволоки, вина и овошце различныя, из Чех же, из Угорь сребро икомони, и из Руси же скоро и воск, мед и челядь».

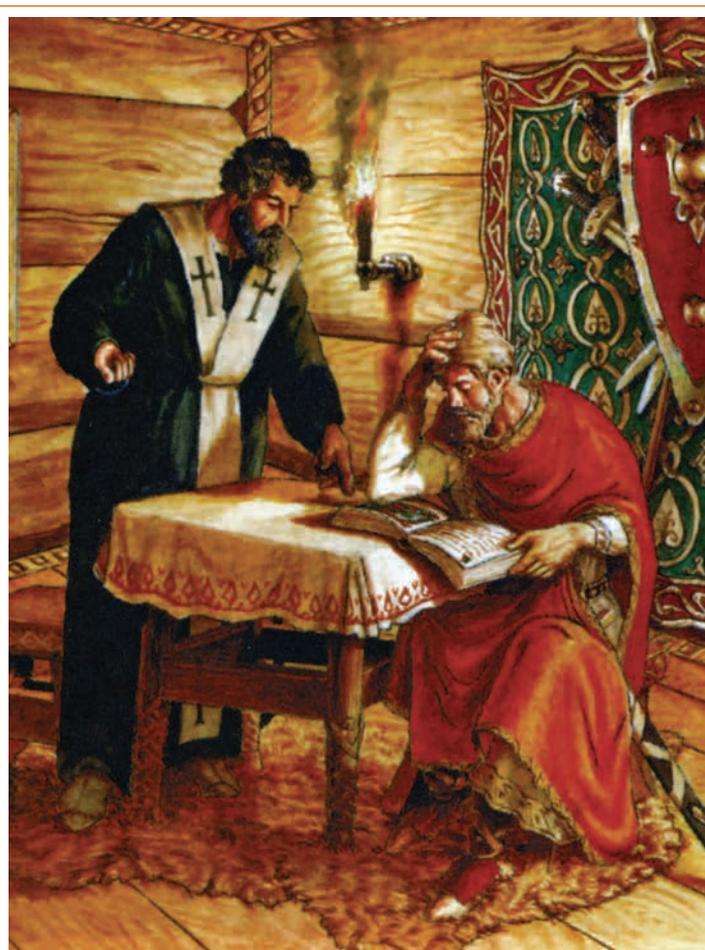
Не случайно князь Владимир, сын Святослава, называет себя каганом. Чтобы скрепить части огромного государства, Владимир первоначально пытается укрепить на Руси язычество, введя в число киевских богов восточных, близких и понятных союзным кочевникам. Вскоре, однако, князь Владимир делает окончательный выбор, остановившись на Православии.

Уже в XIII веке киевский князь Мстислав Романович говорил: *«Пока я в Киеве, то от Яика и до Черного моря и до реки Дунай никому с саблей не воевать».* Следовательно, значение победы Святослава понимали не только его ближайшие, но и отдаленные потомки.

Сокрушение Хазарии вовсе не означало крушение заслона от кочевников на востоке Руси. Мы помним, как огромные орды гугров в IX веке наводнили южно-русские степи.

В 915 году печенеги приходили на Русь, когда еще была Хазария. Трудно согласиться с утверждением (это наиболее свойственно западным ученым), что Хазария спасла Русь и Европу от арабов. События 837 года показали, каков на самом деле был этот заслон.

Русские летописи и былины помнят о хазарах, о борьбе с ними, об их последующей судьбе. Хазарские воины были в составе дружин князей Игоря и Мстислава. Русские летописи

Ю.Г. Лазарев. Владимир и философ

вспоминают о хазарах в Тмутаракани XI–XII веков. Но если после разгрома Хазарии и восточные, и западные источники отождествляют хазар с иудеями, то русские летописи и былины этого не делают.

В русских былинах есть два образа — Козарина и Жидовина. Первый наряду с русскими богатырями воюет против врагов Руси. Со вторым сражается Илья Муромец. В былинах и духовных песнях в народе сохранилась память о борьбе с «царем иудейским» и «силой жидовскою». То есть русский народ видел разницу между простыми хазарами и правителями Хазарского каганата. Истинных хазарских памятников до сих пор не обнаружено. Потомками хазар в Крыму считают караимов — особую секту в иудаизме. Литовский князь Витовт часть их вывел из Крыма в Литву и поселил возле Вильно. Небольшая часть продолжает жить в Крыму.

Киевская Русь оказалась самым могучим и последовательным врагом иудейского хазарского каганата. Почти полуторастолетняя освободительная война восточных славян против хазарского каганата была завершена походом князя Святослава. Сокрушив основные военные силы каганата во главе с каганом и разрушив основные опорные узлы хазар на Средней и Нижней Волге, на Северном Кавказе и Нижнем Дону, князь Святослав лишил власти и торговоростовщическую верхушку Хазарии, основы их паразитического существования. «Хазарское царство исчезло как дым сразу же после ликвидации основного условия его существования: военного превосходства над соседями и тех экономических выгод, которые доставляло обладание важнейшими торговыми путями между Азией и Европой. Поскольку других оснований для его существования не было, оно под ударами более сильного Русского государства рассыпалось на составные свои части, в дальнейшем растворившиеся в половецком море», — заключает историю хазар крупнейший ее знаток М.И. Артамонов [2, с. 456].

Последним взмахом славяно-русского богатырского меча князь Святослав как бы очертил границы Руси и предопределил исконные устремления славян к единству и дружбе с другими народами в борьбе с мировым злом.

Его наследникам и продолжателям оставалось лишь кое-что подправить, добавить в этом чудном и небывалом замысле, чтобы во всем могуществе и великолепии изумленному миру предстала Великая Русь. Задача потомков — сохранить и приумножить силу, величие и благополучие Русской державы, ее всемирное значение в устройении высоконравственного, справедливого общества, ее огромных усилий по защите Божьей правды [8; 9].

Москва, 13 февраля 1995 года

Примечания

1. Повесть временных лет. М. ; Л., 1950.
2. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
3. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949.
4. Мавродин В.В. Древняя Русь. Л., 1946.
5. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
6. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
7. Плетнева С.А. Хазары. М., 1986.
8. Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.
9. www.bible-center.ru

• **ЦЕСАРЕВИЧ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
РОМАНОВ В ИРКУТСКЕ**

Тамара Крючкова

Скрижали
ИСТОРИИ

Арка Цесаревича Николая в Иркутске
(фрагмент открытки)

**ЦЕСАРЕВИЧ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
РОМАНОВ В ИРКУТСКЕ**

Цесаревич Николай Александрович Романов

Тамара Крючкова

Дни 23 и 24 июня 1891 года в истории Иркутска запечатлены особым событием — посещением столицы Восточной Сибири цесаревичем Николаем Александровичем Романовым. Наш город был одним из пунктов в грандиозном путешествии Николая, совершенного в рамках обязательной традиции дома Романовых, которая входила в систему обучения наследников царского престола. Начиная с Павла I каждый из цесаревичей непременно направлялся за

границу для ознакомления с культурой, наукой, традициями и обычаями других стран, что впоследствии могло пригодиться будущему императору.

Путешествие двадцатидвухлетнего цесаревича Николая началось 21 октября 1890 года, когда он с пятью членами свиты направился из Петербурга в Варшаву, затем в Вену и оттуда в итальянский город Триест, где их на рейде ждали три русских корабля во главе с фрегатом «Память Азова». На фрегате они дошли до Греции и взяли на борт троюродного брата Николая — греческого принца Георгиоса. Далее эскадра побывала в Египте, Индии, Китае, Таиланде (в то время — Сиам), Вьетнаме (в то время — Кохинхина) и Японии, где Великий князь подробно осматривал достопримечательности. Например, поездка по Индии заняла пятьдесят дней.

15 апреля 1891 года корабли пришли в японский порт Нагасаки. Посетив древнюю столицу Японии — Киото, цесаревич решил проехать в соседний городок Оцу в колясках рикш. Когда кортеж колясок проезжал по улице, из толпы вдруг выскочил человек в форме полицейского и ударил Николая саблей по голове. От смерти цесаревича спас принц Георгиос, ко-

Цесаревич Николай в Нагасаки. 1891 г.

торый тростью сумел отбить очередной удар. Подбежавшие рикши скрутили покушавшегося. Им оказался самурай Тсуда Само — фанатик-националист. Император Александр III по телеграфу приказал прервать путешествие и плыть из Японии во Владивосток.

Эта тревожная весть быстро разнеслась по всей России. 3 мая 1891 года архиепископ Вениамин в домово́й церкви Архиерейского дома отслужил благодарственный молебен «по случаю известия, полученного в Иркутске, об избавлении от опасности в Японии наследника Николая Александровича; в молебствии участвовало все градское духовенство. За молебном присутствовал начальник края и все высшие гражданские и военные чины»¹.

11 мая 1891 года Николай Александрович прибыл во Владивосток, где участвовал в торжественном заложении Великой Транссибирской магистрали: цесаревичу поручили высыпать первую тачку земли в полотно железнодорожной дороги и положить первый камень в фундамент будущего железнодорожного вокзала Владивостока. 21 мая Николай со свитой выехал на запад. Маршрут их путешествия лежал через Хабаровск, Читу, Иркутск, Красноярск, Томск, Тобольск, Омск, Оренбург и Уральск. От Владивостока до Уральска цесаревич проехал в экипажах и на пароходах 8 486 верст. Первого августа Николай со свитой погрузился в пассажирский вагон только что построенной Оренбургской железной дороги и через Самару и Москву утром 4 августа 1891 года прибыл в Санкт-Петербург.

Это путешествие с посещением стран, расположенных на землях древних цивилизаций, а также подробное знакомство с городами и поселениями Дальнего Востока и Сибири было описано князем Э.Э. Ухтомским, одним из постоянных спутников наследника Николая Александровича в поездке². События двух дней пребывания цесаревича в нашем городе довольно пространно описано в Иркутских летописях³. Но наиболее интересно, на наш взгляд, всю хронику происходящих встреч и экскурсий будущего императора изложил в шести номерах «Иркутских епархиальных ведомостей» неизвестный автор, подписавшийся псевдонимом «Иркутянин»⁴. Его записи явно носят характер

личных наблюдений, и некоторые очень важные подробности отношения цесаревича к духовным ценностям Иркутска мы встретили только в этой статье.

Еще за несколько месяцев до вступления Его Императорского Высочества в пределы Сибири иркутяне начали готовиться к встрече. В 1890 году Иркутская городская дума, узнав о предстоящем визите, приняла решение ознаменовать дни пребывания дорогого гостя в Иркутске чем-либо полезным и достойным воспоминания в будущем. Было решено построить понтонный мост через Ангару, шпренгельный мост через Иркут и новый тракт от нового моста до Вознесенского монастыря.

На берегу Ангары, недалеко от кафедрального Богоявленского собора была выстроена триумфальная арка из красного кирпича, шатровая крыша которой завершалась двуглавым орлом. От нее, с одной стороны, шел деревянный помост к собору, а с другой — длинная широкая лестница спускалась к паровой пристани на берегу. Проект арки выполнил иркутский архитектор Владимир Александрович Рассушин, которому также было поручено разработать проект понтонного моста. До наших дней арка не сохранилась, ее разрушили в 1932 году.

По случаю приезда высокого гостя город был тщательно почищен, украшен, имел праздничный вид. В центральной части многие здания были декорированы флагами, вензелями и гирляндами из зелени. Рядом со зданием казенной палаты на Большой улице была выставлена карта Азии, сделанная местными умельцами.

И вот настал долгожданный день — 23 июня 1891 года. Ровно в половине второго часа дня раздался сначала на колокольне Крестовоздвиженской церкви, а затем и всех других церквей звон, возвестивший иркутянам о приближении августейшего гостя. Вся многотысячная масса народа, в которой были не только городские жители, но и множество приехавших из окрестных селений, с благоговейным трепетом осенили себя крестным знаменем и в безмолвном ожидании обратили свой взор в ту сторону, откуда должен был показаться пароход. Из Богоявленского кафедрального собора начался крестный ход, в котором принимало участие не

только городское духовенство, но и множество сельских священников, специально прибывших к этому времени в Иркутск. Во главе крестного хода шествовали архипастыри: архиепископ Иркутский и Нерчинский Вениамин (Благонравов) и епископ Киренский, викарий Иркутской епархии Агафангел (Преображенский). За ними — духовенство в золотых парчевых облачениях, а впереди хор архиерейских певчих в парадных костюмах. Войдя под триумфальную арку, архиепископ Вениамин приготовился к встрече, взяв в руки на престольный крест.

сукном, наследник, осенив себя крестным знаменем, приложился к Животворящему кресту, причем был окроплен святою водою и изволил выслушать речь архиепископа Вениамина: «Беспримерное кругосветное шествие Твое, предпринятое с целью просветительского приготовления к великому служению, Тебе Богом предназначенному, простерлось и до наших крайних пределов обширнейшей в свете державы. ...Августейший родитель Твой... возвестил нам, что и Сибирь близка его сердцу, обещал связать ее великим железным путем с общим

Встреча цесаревича у Триумфальной арки. Фото П.А. Милевского. 23 июня 1891 г.

Около двух часов показался пароход «Сперанский», который причалил к пристани недалеко от арки. Вышедший на площадку набережной Великий князь Николай Александрович был встречен гласными думы во главе с городским головой Владимиром Петровичем Сукачевым, поднесшим гостю, по русскому обычаю, от города Иркутска хлеб-соль на изящном блюде. Поднявшись по лестнице, устланной красным

вашим отечеством... Но не один железный путь должен связать Сибирь с общим отечеством; да соединятся с ним и сердца живущих в ней благоденствием общих со всею Россией законов и учреждений. Сибирь доселе управляется почти теми же законами, какими управлялась полвека назад. А инородцы Сибири находятся под иггом законов, основанных на праве сильного, которые за триста лет были вынесены ими из

Монголии. Да будет же пришествие Твое для нас началом новой эры: да устранятся все препятствия к христианскому просвещению и освящению страны Сибирской под общим для всех подданных законом, и соединятся все племена ее в один великий русский народ...»⁵

Затем Цесаревич вступил в Кафедральный собор, где было совершено положенное по чину краткое молебное пение с провозглашением многолетия всему Царствующему Дому. По окончании пения Его Императорское Высочество изволил коленапреклоненно молиться пред местнотчимою чудотворною иконою Казанской Божией Матери и принять от архиепископа Вениамина поднесенную им икону, точную копию с чудотворной иконы, в драгоценной сребропозлащенной ризе.

Выйдя из собора, при колокольном звоне, Николай Александрович в открытой коляске проследовал в приготовленное для него помещение в генерал-губернаторском доме. После непродолжительного отдыха он принял депутатов: архиепископ Вениамин представил ему ректора Иркутской духовной семинарии Никодима (Преображенского), кафедрального протоиерея Афанасия Виноградова, благочинного градо-иркутских церквей протоиерея Василия Карташева и членов Консистории, а начальник края познакомил его с представителями отдельных губернских учреждений, членов городской думы, представителей общества врачей. Представился также Его Императорскому Высочеству якутский губернатор В.З. Коленко, который поднес от имени духовенства Якутской епархии во главе с Якутским и Вилюйским епископом Мелетием (Якимовым) Евангелие в сребропозлащенной оправе и в футляре из маонтовой кости местного производства.

По окончании приема deputаций Великий князь, после непродолжительного отдыха, посетил Девичий институт Восточной Сибири, воспитательный дом, классическую гимназию и промышленное училище. После этого он удостоил своим посещением архиепископа Вениамина, в покоях которого выпил чай, а затем владыка представил ему собравшихся в зале: настоятельницу Иркутского Знаменского женского монастыря, игуменью Анатолию, которая поднесла Наследнику собственной работы

сестер обители святую икону Знаменской Божией Матери; начальницу женского училища духовного ведомства В.И. Грант с тремя воспитанницами, подарившими портфель, выполненный ученицами училища; почетного блюстителя по хозяйственной части того же училища Н.И. Голдобина; инспектора духовной семинарии И.Л. Брызгалова; церковного старосту Богоявленского кафедрального собора В.А. Литвинцева. Владыка сообщил Николаю Александровичу о том, что Литвинцев строит на свои средства, без посторонней помощи, величественный Князе-Владимирский храм. Архиерейский хор прекрасно исполнил несколько песнопений.

Затем Его Императорское Высочество осчастливил своим посещением женскую гимназию (куда собрались также ученицы прогимназии), Кладиевскую городскую школу, кадетский корпус и сиропитательный дом (где присутствовали воспитанницы Александринского и Мариинского детских приютов). Ученицы женских заведений поднесли Его Высочеству свои рукодельные работы.

Возвратившись в генерал-губернаторский дом, после часового отдыха, в 8 часов вечера Николай Александрович изволил принять от городского общества обед, состоявшийся во вновь выстроенном помещении Общественного собрания, обширный и светлый зал которого был красиво декорирован зеленью и тропическими растениями. Во время обеда провозглашались тосты, сопровождаемые громкими и долго не смолкавшими криками «ура» присутствующих. По окончании обеда Его Высочество проследовал в гостиную, где изволил кушать чай и беседовать с архиепископом Вениамином и городским головою В.П. Сукачевым. В конце одиннадцатого вечера он отбыл из Общественного собрания и удостоил своим посещением вечер в девичьем институте Восточной Сибири, во время которого на одном из островов реки Ангары был устроен фейерверк. Затем в третьем часу ночи отбыл в собственное помещение при громких и дружных криках «ура» со стороны народа, ожидавшего, несмотря на такой поздний час, проезда Августейшего гостя.

На следующий день, 24 июня, в 10 часов утра цесаревич Николай проследовал по Боль-

Молебен в честь открытия понтонного моста. Фото П.А. Милевского. 24 июня 1891 г.

шой и Ланинской улицам, через Успенскую площадь, по Казачьей улице в лагеря, где состоялся смотр войск местного гарнизона. На обратном пути он посетил Иркутскую духовную семинарию. У парадного подъезда его встретил архиепископ Вениамин, представивший гостю ректора и преподавателей семинарии. При пении семинарского хора тропаря «Спаси, Господи, люди твоя» он проследовал по устланной красным сукном лестнице в семинарскую церковь, в которой выслушал краткое молебное пение, а затем посетил семинарскую библиотеку, богатейшую в городе Иркутске по количеству и ценности книг. Здесь он обратил свое внимание на план Иркутска 1722 года, рукопись, писанную, по преданию, рукою святителя Иннокентия, житие патриарха Никона, написанное Шушергиным, с собственноручными заметками новгородского архиепископа Феофана Прокоповича, на собрание предметов ламского богослужения и книг монгольских и тибетских, служащих для изучения буддизма. Архиепископ Вениамин поднес Николаю Александровичу четыре тома трудов православных миссий Иркутской епархии в бархатном переплете, а также печатное произведение преподавателя семинарии, священника Иннокентия Подгорбунского.

После посещения духовной семинарии Николай Александрович проследовал в генерал-губернаторский дом для кратковременного отдыха, а в это время начались приготовления к торжественному открытию нового понтонного моста для проезда чрез реку Ангару. На колокольне Прокопьевской церкви начался перезвон, который подхватили все городские церкви. Он возвестил о начале величественного крестного хода с участием всего духовенства, следовавшего из этого храма к новому мосту.

Крестный ход совершался в таком порядке: впереди псаломщик нес фонарь с возженной свечой; за ним два диакона несли запрестольный крест и икону Божией Матери; далее два псаломщика несли хоругви, за ними шли архиерейские певчие с пением догматиков. Священники в блестящих золотых облачениях несли иконы святителя Николая и святителя Иннокентия, иркутского чудотворца, а диаконы и псаломщики — икону Иверской Божией Матери на особо устроенных носилках. Во главе крестного

хода, окруженный двумя иподиаконами с дикирием и трикирием и двумя протодиаконами с кадилами, шествовал архиепископ Вениамин. По прибытии крестного хода к особо устроенному около моста и покрытому красным сукном возвышению, святые иконы были поставлены близ моста; духовенство разместилось в два ряда направо и налево от святых икон до помоста, на котором стал владыка пред столиком с водосвятною чашею; присутствующие представители общества стали вокруг помоста в назначенных для них местах. Вскоре к месту церемонии прибыл Николай Александрович, и началось молебное пение с освящением воды и провозглашением многолетия всему Царствующему Дому. По окончании молебствия Наследник выслушал почетный рапорт архитектора В.А. Рассушина о постройке моста и прекрасно составленную, а также мастерски произнесенную городским головою В.П. Сукачевым речь о пользе такого сооружения, как постоянный мост через быструю и бурную Ангару. Затем приняв от архитектора Рассушина ножницы, Цесаревич при колокольном звоне и восторженных криках «ура» громадной толпы народа разрезал ленту, смыкавшую арку перед входом на мост, и в предшествии крестного хода проследовал по мосту на противоположный берег, где оркестр военной музыки исполнял русский народный гимн. На мосту около барьеров были расставлены воспитанники и воспитанницы городских мужских и женских училищ со своими учителями и учительницами.

Перейдя мост, Цесаревич сел в экипаж и проследовал через вновь устроенный на Иркуте постоянный мост по вновь проложенной дороге в Вознесенский монастырь, сопровождаемый свитой и архиепископом Вениамином. У ворот монастыря Наследника встретил настоятель — епископ Агафангел с братией. При колокольном звоне и пении монастырского хора Великий князь проследовал в Вознесенский собор, выслушал молебное пение святителю Иннокентию. Затем, коленопреклонно помолившись перед ракою, приложился к святым мощам и милостиво принял подарок от настоятеля Агафангела — икону святителя Иннокентия в изящной сребропозлащенной ризе. Наследник, в свою очередь, подарил мо-

настырю серебряную вызолоченную лампадку, которая впоследствии находилась в балдахине над ракою Святителя.

При выходе из соборного храма архиепископ Вениамин представил Наследнику депутатов от бурят, состоящих в ведении Боханской инородной управы Балаганского округа во главе с миссионером Боханского стана, священником Николаем Поповым и инородческим главой С.А. Пирожковым. Депутация эта, специально приехавшая в Иркутск, объявила Цесаревичу о желании 250 бурят принять святое крещение и, в знак увековечения в потомстве

красным сукном, а парадный вход в келью задрапирован красным сукном и разукрашен зеленью. Пробывши в монастыре более двух часов, Цесаревич, около 5 часов пополудни, тем же путем изволил отбыть обратно в город.

Далее он посетил Иркутскую золотосплавочную лабораторию, где наблюдал процесс сплавления золота, а представители местных золотопромышленников преподнесли ему хлеб-соль на золотом блюде.

В шестом часу вечера Цесаревич прибыл в музей Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества,

МОНАСТЫРЬ СВ. ИННОКЕНТИЯ У ИРКУТСКА.

знаменательного посещения Сибири Наследником, попросила разрешить всем лицам мужского пола дать новое христианское имя «Николай». Николай Александрович с радостью объявил свое соизволение на эту просьбу. Крещение состоялось в Боханском миссионерском стане 19 июля 1891 года. Таинство Крещения приняло 280 человек⁶.

Затем Его Высочество посетил келью настоятеля, где принял предложенный от обители завтрак. Величественный монастырский храм, а равно и весь путь следования Его Высочества от монастырских ворот до собора и от собора до настоятельской кельи был устлан

обошел все залы музея, осмотрев выставленные коллекции. Затем председатель отдела ВСОИРГО В.П. Сукачев сделал краткий обзор деятельности отдела за время его существования и преподнес Цесаревичу альбом сибирских видов и типов народов Восточной Сибири. Обложки альбома были изготовлены из полированного лигнита; на верхней крышке расположены: вензель Его Высочества, гербы губерний и областей, входящих в район деятельности ВСОИРГО, и серебряная карта Восточной Сибири и Амура, на которой золотой чертой обозначен путь Его Высочества от Владивостока до Томска.

В восемь часов вечера в доме генерал-губернатора состоялся обед Его Высочества, на котором присутствовали лица свиты, генерал-губернатор Восточно-Сибирского края А.Д. Горемыкин, представители различных учреждений города, некоторые из именитых граждан, а также архиепископ Вениамин, епископ Агафангел и заслуженные священнослужители. После обеда Его Высочество подарил архиепи-

в ужине. В третьем часу ночи он отбыл из Общественного собрания и прибыл на пароход «Сперанский», стоявший на пристани у Богоявленского собора. Несмотря на позднее время, улицы города были заполнены массой народа, желавшего еще раз, на прощание, лицезреть Августейшего гостя.

В начале пятого часа утра при торжественном колокольном звоне во всех городских

скопу Вениамину полное архиерейское облачение из золотого глазета, а епископу Агафангелу пожаловал драгоценную панагию.

В одиннадцать часов Наследник посетил вечер, данный в его честь городским обществом в помещении Общественного собрания, где беседовал с некоторыми представленными ему городскими дамами и принял участие

церквах пароход отплыл из Иркутска. В это время в Богоявленском кафедральном соборе архиепископ Вениамин, в сослужении ректора семинарии, кафедрального протоиерея и всего городского духовенства, совершал молебен о благополучном дальнейшем путешествии Его Императорского Высочества с провозглашением многолетия.

Примечания

1. Епархиальная хроника // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1891. № 19. С. 9.
2. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891/ автор-издатель Э.Э. Ухтомский; иллюстрировал Н.Н. Карзин. СПб. Т. I, 1893; Т. II, 1895; Т. III, 1897.
3. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–

Прибавления. 1891. № 26. С. 4–6; № 28. С. 1–4; № 29. С. 1–6; № 30. С. 1–6; № 31. С. 1–5; № 32. С. 1–3.

5. Речь Его Императорскому Величеству Государю Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу по вступлении Его в Иркутский Кафедральный собор // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1891. № 26. С. 1–4.

6. Очевидец. Крещение бурят в Боханском миссионерском стане Балаганского округа Иркутской губернии //

Автограф Цесаревича Николая Александровича в память о посещении музея ВСОИРГО 24 июня 1891 г. (из собрания ИОКМ)

1901 гг. Иркутск. 1993. С. 239–243; Иркутская летопись 1661–1940 гг./сост. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 99–102.

4. Иркутянин. Посещение города Иркутска Его Императорским Высочеством, Благоверным Государем, Наследником, Цесаревичем, Великим Князем Николаем Александровичем // Иркутские епархиальные ведомости.

Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1891. № 31. С. 5–10.

- **ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ**
Раздумья о повериях, обычаях,
связанных с землей
Александра Нефедьева

Русский
Обычай

Фото конца XIX в.

ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ

Раздумья о поверьях, обычаях,
связанных с землей

Александра Нефедьева

Земля в почве есть нечто сакральное, земля у русского человека правее всего, в основе всего; земля — все, а уж из земли и все остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок и церковь.

Ф.М. Достоевский

Из дневника писателя. 1876 год

Поверья и обычаи, связанные с сельскохозяйственным циклом обработки земли, устойчиво сохранялись русскими переселенцами Сибири и почти не претерпели изменений. В основе поверий и обрядов, связанных с землей, лежала твердая уверенность крестьян в необычайной силе ее и возможности влиять на судьбу человека. Божия земля являлась для крестьян не только матушкой-кормилицей, но выступала как некая божественная субстанция, которая требовала от человека твердых моральных устоев: трудолюбия, любви к делу и самой земле.

Земля часто выступала в спорных вопросах в роли судьи. Для крестьянского общества, подозревавшего человека в каких-либо крупных проступках, достаточно было, если он в оправдание съедал сколько-нибудь земли со словами: «Если я вру, или неправ, то пусть земля поглотит меня». После такой клятвы общество снимало с человека всякое подозрение. По народному поверью, земля непременно и при всех собравшихся наказала бы обманщика (*Русские: энциклопедия. СПб., 2003. С. 215*).

Это народное поверье возникло в глубокой древности и прекрасно отражено в былинах, где «сорок калик со каликою» шли с великой Руси в Иерусалим святым местам поклониться. По дороге, в Киеве, они остановились на князем дворе князя Владимира. Но князя не

было дома, а жене его, прекрасной Апраксевне, сильно понравился атаман Касьян Михайлович, но последний, исповедуя христианскую мораль, законы гостеприимства и уважение к хозяину дома, отверг ее блудные мечтания. И тогда рассерженная Апраксевна решила отомстить Касьяну, подложив в его суму серебряную чашу, которой в доме пользовался князь Владимир. Прошли калики перехожие уже 10 верст, когда княгиня Апраксевна попросила Добрыню Никитича догнать их и обыскать: в доме пропала чаша князя Владимира. Добрыня выполнил приказание Апраксевны: серебряная чаша была найдена в сумке атамана Касьяна Михайловича. Тогда калики перехожие, по установленной ими заповеди «кто украдет, или кто солжет, али кто пустица на женский блуд... едино оставить во чистом поле и окопать по плечи во сыру землю», исполнили заповедь, закопав Касьяна по плечи во сыру землю, и пошли далее. Придя в Иерусалим, они «святой святыне помолилися, Господню гробу поклонилися, во Ердане реке искупалися, нетленную ризой утиралися, а все-таки молодцы отправилися; служили обедни с молебнями за свое здоровье молодецкое» и, не замешкаясь, пошли назад в Киев град. И подошли к месту, где оставили Касьяна. Каково же было их удивление, когда увидели они своего товарища живым и невредимым. Ведь стоял он вкопанным по плечи в землю шесть месяцев, «а шесть месяцев будет полгода». Господь через Творение свое — матушку-землю — взял его под Свой покров, кормил, поил и сберегал от хищников. Товарищи подали ему руку, и он освободился от земли. И пошли они к князю Владимиру сообщить о Божественном чуде и невинности богатыря. А у князя Владимира в доме была печаль великая, жена его Апраксевна после исполнения приговора над Касьяном слегла в «великое во агномище», и запах от нее шел такой, что находиться рядом с ней было невозможно, и князь поселил ее отдельно, и никто кроме няни-матушки не заходил к ней. Узнав от матушки, что Касьян жив, она покаялась перед Богом, перед Касьяном и мужем в содеянном, была прощена. Касьян дунул на нее своим духом, и болезнь исчезла. Вот таким образом Бог через мать-землю восстановил справедливость (*Былины. М., 1986. С.442–452*).

Земля помогала утолить тоску человека по оставленной родине. Для этого было достаточно при переезде взять с родного поля щепоть ее и высыпать на новом месте. Обычай это был ха-

рактен для всех восточных славян. Рассказы переселенцев Столыпинской реформы (1906–1913), украинцев, белорусов (села Батома, Бурук, Мугун, Одер и другие), которых мы расспрашивали в коротких этнографических экспедициях, сообщали, что родители их, переселившись на эти земли и получая в свое пользование участок под строительство усадьбы, высыпали на него привезенную в мешочках землю со старого места жительства (Н.Е. Примоченко, Д.Я. Сафронова, Н.П. Кондарин).

По поверью крестьян, высыпанная земля, освященная молитвой, должна была помочь новопереселенцам пересилить тоску по родине, а также защитить их от разных невзгод. Они считали, что посыпание нового участка землей с родины как бы защищало его, делало обжитым.

При работе с землей человек должен был очиститься от всего грязного, наносного, поэтому любой пахарь перед началом работ на поле готовился к этому событию духовно и физически.

Так делалось накануне праздника Еремея-запрягальника (1 мая по старому стилю), времени начала посева ярицы. Накануне сева крестьяне молились в церквях. Потом топили бани, мылись, а затем, на другой день, надев праздничную белую рубаху, благословясь, с молитвою выезжали в поле. В день святого Еремея крестьяне по-настоящему не работали, а сделав пробный засев, возвращались домой к праздничному застолью.

В селах, где были церкви, работы начинались с молебна, который проходил непосредственно на поле. После окончания службы прихожане просили батюшку начать засев поля зерном, предварительно очищенным благовещенской просфорой. Священник брал лукошко, крестился на все четыре стороны, кланяясь в пояс, и разбрасывал зерно на восток, юг и запад. На этом обряд завершался, и крестьяне, каждый на своем участке, начинали засев полей (Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913).

Основные земледельческие обряды, изложенные нами, культивировались до революции 1917 года. Они были известны каждому жителю села. В настоящее время о них знают разве

только старики преклонного возраста да специалисты, изучающие народный быт, мировоззрение, культуру. Эти обряды в мировоззренческом аспекте составили основу народной этики, ими закладывалось у всех поколений крестьян России отношение к земле — благоговейное, почтительное, любовное.

Земля для крестьян была святой, одухотворенной, живой. У нее, как у людей, были именины, на второй день Животворящей Троицы в Духов день. В этот день ребятишкам запрещалось играть мячом — вдруг ненароком пнут землю, — а взрослым вести какие-либо работы, связанные с землей. По народному поверью, в Духов день вся растительность, травы и цветы разговаривают с землей. Их разговорение можно было даже услышать, выйдя ранним утром в одиночестве на луг, когда зелень была покрыта росой, расцвечена первыми лучами солнца в разные самоцветы. В это время, если прилечь на землю, то можно было услышать, какие разговоры с землей ведут цветы (Шмелев И.С. Богомолье. М., 1998).

Из неполного перечня обычаев и поверий, представленных здесь, видно, какой огромной властью обладала земля над крестьянами, как трепетно, боясь осквернить ее и нанести ей обиду, относились к ней земледельцы. В связи с этим хотелось бы вспомнить еще об одном обычае. Солдаты (те же крестьяне) перед тяжким сражением, в котором они могли погибнуть, надевали чистую одежду, чтобы преданные после боя земле, они не осквернили ее. Изучая эти обычаи, понимаешь, почему в дореволюционный период времени, когда власть обыкновенной «черной земли» ценили так высоко, не могла возникнуть теория покорения природы. Слова Мичурина «Мы не можем ждать милости от природы, взять ее у нее — наша задача», сказанные ученым в 1930-х годах XX века по поводу селекции, были искажены советской идеологией и использованы правительством для воспитания у крестьян нового отношения к земле. С этого времени идеология покорения природы стала господствующей идеологией государства, насаждавшего ее во всех слоях общества. Многовековой опыт крестьянства, вся деятельность которого была направлена на изучение природных явлений и приспособле-

ния к ним, был отброшен, забыт и, более того, назван темным пережитком неграмотного, одурманенного религией крестьянства. В результате новые поколения крестьян — колхозников, выросли без него.

Редкие дореволюционные книги, зафиксировавшие крестьянский опыт, из-за недоступности не могли изменить ситуацию. Они и сейчас по-прежнему мало известны, так как находятся в особом хранении иркутских библиотек (в редком фонде) и не переиздаются. Речь идет о таких книгах, как «Материалы по исследованию крестьянского быта хозяйствования крестьян Иркутской и Енисей-

ню, в нее бросали зерно и боронили. Другими словами, крестьяне чутко реагировали на природные условия каждого района этой обширнейшей губернии, в соответствии с ними велась и агротехника.

Находясь в этом мире, созданном Богом, крестьяне осознавали, что творение Божие совершенно. Именно поэтому народная мудрость утверждала: «Сколько ни мудри, а воли Божией ни перемудришь. Больше Бога не будешь» (Даль В.И. *Пословицы и поговорки русского народа*. М., 1993. Т. 2. С. 53). Гармонию, которая царила в природе, воспринимали как благодать Божию, спущенную на нее Богом. Не мог Он, по мне-

Крестьянский быт. Начало XX в. Фото С.М. Прокудина-Горского

ской губернии» и «Тулунское опытное поле» Е.В. Писарева.

В главе книги «Московский тракт», написанной мною, посвященной развитию земледелия, была отмечена часть агротехнических приемов, выработанных крестьянами для юго-западных земель Иркутской области. Поэтому мы здесь добавим лишь упущенное. Крестьяне пахали землю, устанавливая глубину вспашки на глубину гумусового слоя, например, там, где он равнялся 10 см, то вспашка земли шла на эту глубину. А в Нукутском степном районе, где дуют ветры и почвы подвержены выветриванию, земли, вовсе не пахали. Сжигали стер-

ню крестьян, создав совершенный мир, не любить его. И послал Свою благодать. И она присутствовала на земле и в дождь, и в ветер, и в зной; то тихая, то светлая, то мягкая, то сильная и мощная.

Именно такую мощную благодать отразил в своей работе «Полдень» Аркадий Пластов, любимый русским народом, истинно народный художник, лауреат Сталинской премии I степени. Вспомним ее. На картине изображен цветущий луг. Желтый донник, переплетаясь с зеленой травой, наполовину закрывает мотоцикл. Оканчивается буйно цветущий луг родником. К нему прикикли двое — очевидно, муж

и жена. Припав на колени, опираясь руками на бревно, они умываются. Стекающая с их рук вода серебрится на свету. Палящее солнце, отражаясь красным цветом на руках, лицах, легло на спины их, отчего голубая майка мужчины и светло-голубое платье женщины стали белесыми. Измененный цвет подчеркнул красоту и стать женщины. Сине-темная вода в роднике по краям, ближе к бревнам, становится иссиня-черной. Все благоухает, становится ослепительно прекрасным. И эти двое, мужчина и

Крестьяне выразились по этому поводу намного проще: *Божия вода по Божией земле бежит.*

Божия земля — святая земля. Значит, Бог наделил ее Божественным духом. Именно поэтому крестьяне наделяли землю силой, способной не только кормить, поить человека, но и жить по заповедям Божиим.

Высокие моральные устои, вера в Бога и любовь к земле не позволяли крестьянам вести коренные преобразования в природе, они могли лишь быть сотворцами Бога. Непремен-

А.А. Пластов. Полдень. 1961 г.

женщина, испытывав блаженство от благодати Божией, улыбаются. Они счастливы. Природа и люди едины. В картине Пластова царит гармония, как и в природе. Все здесь к месту: и красный мотоцикл, и красная туфелька, и красные лица мужчины и женщины слились с желто-зеленым лугом в единое целое, наполняя пространство боголепной жизнью. Красоту этого мира Пластов назвал «плащаницой Вселенной, шитою как бы перстами ангелов и серафимов».

ными условиями их творчества было глубокое изучение природных явлений и приспособление их хозяйственной деятельности.

Творческое начало, которое бытует в каждом человеке, но не каждым человеком используется, у крестьянина работало в полном объеме. И никто, на наш взгляд, эту страсть, эту огромную тягу к земле не смог так верно выразить, как писатель-народник Глеб Успенский. Чтобы понять, что это чувство значило для кре-

стьян, приводим отрывок из труда этого писателя.

«Огромная масса русского народа до тех пор и терпелива, и могуча в несчастьях, до тех пор молода душой, мужественно сильна и детски кротка — словом народ, который держит на плечах всех и вся, — народ, который мы любим, к которому идем за исцелением душевных мук, — до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит власть земли, покуда в самом корне его суще-

пустого человеческого организма... Могущество земли над народом с глубочайшей силой и простотой выражено самим народом в стариннейшей былине о Святогоре-богатыре. В сущности, это даже не былина, а загадка, но загадка, в которой таится вся сущность народной жизни... Все содержание этой коротенькой былины состоит в следующем: Святогор-богатырь, выехал в чисто поле погулять. Выехал он просто так погулять, силой с кем-нибудь помериться. «По моей да по силе богатырской

И.В. Симаков. Русский богатырь Святогор тянет суму переметную. 1917 г.

ствования лежит невозможность послушаться ее повелений, покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют его существование... Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, — добейтесь, чтобы он забыл «крестьянство», — и нет этого народа, нет народного мирозерцания, нет тепла, — которое идет от него. Остается один пустой аппарат,

кабы державу мне найти, всю землю поднял бы». Никакой однако державы не встретилось, а встретился ему прохожий мужичок с сумочкой за плечами. «Едет Святогор рысью, а прохожий все идет вперед. Во всю прыть не может он (Святогор) догнать прохожего. Закричал тут Святогор, да громким голосом, — «Гой прохожий человек, подожди немножечко — не могу догнать тебя на добром коне». Прохожий остановился, снял с плеча сумочку и сложил на

МЫ КОЛХОЗНИКИ В АРЕ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
ЛИКВИДИРУЕМ КУДАКА КАК КЛАССА.

Раскулачивание крестьян. 1920-е гг.

землю. «Наезжает Святогор на сумочку; своей плеточкой он сумочку пощупал, как урослая, та сумочка не тронется. Святогор перстом с коня ее потрагивал, не сворохнется та сума, не шевельнется. Святогор с коня хватал ее рукой, потягивал, как урослая, та сумка не поднимется. Слез с коня тут Святогор, взялся за сумочку, он приладился, взялся руками обоими, во всю силу богатырскую натужился, от натуги по белу лицу ала кровь пошла, а поднял суму от земли только на волос, по колено ж сам он в мать-сыру землю угряз. Возговорит тут Святогор громким голосом: «Ты скажи же мне, прохожий, правду-истину, а и что, скажи ты, в сумочке накладено?» Выговорил ему прохожий на те слова:

— Тяга в сумочке от матери-сырой земли.

— А ты сам кто есть? Как звать тебя по имени?

— Я Микула есть, мужик, я Селянинович, я Микула — «меня любит сыра земля»...

Вот вся былина-загадка.

Тяга земли столь огромна, что с ней не в силах совладать богатырь, которому ничего не стоит в пух и прах, от нечего делать, целую державу развалить. Этот богатырь, едва-едва мог только на волос поднять мужицкую сумочку — ту ношу, которую народ носит за плечами, и так легко, что богатырю не догнать его на добром коне.

Читая эту былинку, некоторое время недоумеваешь, почему и зачем неведомый автор ее, цель которого была показать тягу земли, заставляет богатыря догонять прохожего пешехода, но, вчитавшись в былинку, видишь, что все в ней глубоко обдуманно, все несет огромное значение в понимании сущности народной жизни. Тяга и власть земли огромна — до того огромна, что у богатыря кровь ала выступила на лице, когда он пытался поколебать их на волос, а между тем эту тягу и власть, народ несет легко, как пустую сумочку, все это так именно и есть до сегодня» (Успенский Г.И. Из цикла «Власть земли» // Письма из деревни. М., 1987).

Мы добавим, так было до отчуждения земли от крестьян, до передачи ее в колхозную и совхозную собственность, при которой крестьянин не мог уже распоряжаться ею и хозяйничать на ней по своему усмотрению, не мог

лелеять, холить ее и творить на ней, ожидая от нее в знак благодарности богатых урожаев.

Земледелие, от которого он прежде не мог оторваться, которое было сутью его жизни, стало горьким для крестьянина. Многим из них было невмочь смотреть, как мощные трактора, подцепив слитую связку плугов, оставляя за собой за один проезд широкую вспаханную дорогу, корежили землю, выворачивая на поверхность глыбы неплодородной земли, при этом навсегда уничтожая слой гумуса, сотворенный природой за миллионы лет. Крестьяне, на которых держалась великая держава, чтобы не смотреть на глумление и уничтожение земли, уходили на жительство в город, не могли они по директивам, спущенным сверху, работать на земле.

С образованием колхозов и совхозов началось на Руси невиданное дело, раскрестьянивание крестьян, освобождение их от власти земли, однако, процесс этот оказался трудным. Страна, несмотря ни на что, оставалась, по сути своей, крестьянской. Народ не спешил расстаться с матушкой-кормилицей и, уже не оказывая ей должного почтения, все же держался за нее, понимая, что в ней его спасение. Последний удар по самому существованию русского народа был совершен не так давно, в бархатную, бескровную революцию 1990-х годов, когда колхозы и совхозы были расформированы, а крестьянам была дарована свобода. Свобода, в первую очередь, от матушки-земли, от того, что составляло сущность жизни народа. Реформы были проведены так, что крестьянин после них остался гол как сокол. Формально получив в свое ведение землю, на которой за годы советской власти разучился хозяйничать, он не получил от власти для образования нового хозяйства ничего, даже скудные его сбережения были изъяты денежной реформой. Не имея в большинстве своем ни техники, ни орудий труда, крестьянин, имея формально землю, стал безработным. Этот удар, нанесенный народу, был самым мощным, ударом под дых.

Опустошенный, имея ненужную ему свободу (иди куда хочешь — а куда идти?), народ запил. Пьянство в селах стало всеобъемлющим и всепоглощающим явлением. Многие, понимая, что находятся в тупике, и не находя пути

выбраться из него, принимают последнее решение — уходят из жизни.

С одним таким человеком мне удалось познакомиться. В 2003 году наша экспедиция ездила по селам в поисках памятников, которые должны были наполнить структуру постоянного двора в архитектурно-этнографическом музее «Тальцы». Дело долго не двигалось. Найти старинные хозяйственные постройки оказалось сложно, многие из амбаров были переделаны сельчанами в гаражи. Другие не подходили нам, третьи не продавались хозяевами. Поэтому случайно заглянув на конный двор учебного хозяйства села Оёк (деревня Галки) и увидев там добротно построенный амбар конца XIX века, мы обрадовались, тем более, что была надежда купить его. Учхоз «Оёкский», раньше богатое процветающее хозяйство, был в стадии расформирования. Конный двор, в котором находилось до пятнадцати лошадей, закрывался, и, таким образом, надобность в находящихся там постройках исчезала. Основу конного двора составляла усадьба раскулаченного в 1930-е годы XX века крестьянина, высланного из Оёка, фамилии его теперь уже никто не помнил. Рассказывали только, что занимался он извозом, его, даже теперь обширное хозяйство, состояло из дома, нескольких навесов, амбара и конюшни, которые могли бы, никем не тронутые, еще полвека прослужить без ремонта, настолько добротно, из крупного леса, было все сделано. В этом доме в период нашего знакомства с усадьбой проживал с семьей Григорий Курятников, было ему около сорока лет. Ранее он работал скотником на крупной ферме этого же хозяйства, но с ликвидацией ее был переведен на конный двор конюхом. Но и здесь положение его не было устойчивым. Двор вот-вот должны были закрыть. Тем не менее, когда мы встретились с ним, он был настроен оптимистично, шутил, повторяя любимую присказку «Танки грязи не боятся». Пока мы были во дворе, детально рассматривая и фотографируя постройки (кроме амбара, нас заинтересовала сохранившаяся конюшня — явление в крестьянском быте теперь необычайно редкое), он время от времени подходил к нам, что-нибудь спрашивал или рассказывал сам. А затем, когда понял, что мы

уезжаем, он обратился ко мне с просьбой дать ему десять рублей.

Мы, купив у учхоза амбар, затянули с вывозом его, и только через год появились в деревне Галки с рабочими, краном и машинами. Лошадей во дворе уже не было, но Гриша все еще жил здесь, только теперь для него совсем не было работы. Он еще хорохорился, повторяя свою любимую присказку, и вдруг стал просить меня взять его сторожем в музей: «Я один смогу охранять его, я очень хороший работник, и не надо мне много платить, какую-нибудь избушку для семьи и небольшую зарплату». Когда я ему отказала, так как охрана в количестве четырех человек в сутки у нас уже была организована, а жилья совсем не было, он тяжело повернулся, сказав: «Ну, тогда хоть десять рублей дай», и ушел.

Мы вывезли памятник и больше Гришу не видели. Весной 2005 года, проезжая через эти места, остановились у соседа и спросили про Гришу. «Нет его, — ответил он нам. — Уже полгода будет, как похоронили его. Повесился». Вот так закончилась судьба человека, сломленного «бескровной» революцией 90-х годов XX века. И сколько их, выброшенных на обочину дороги, никто не знает — кто их считал?

И все же, совершая поездки по селам и деревням Иркутской области, замечаем, что ситуация, которая еще три года назад казалась тупиковой, меняется, часть крестьян нашли в себе силы выжить в таких невероятных условиях, и они продолжают пахать землю, сеять зерно, заниматься животноводством.

Тяга к земле оказалась сильнее непродуманных реформ, и он, мужик селянинович, в своих лучших представителях по-прежнему будет держать на своих плечах землю Русскую.

- **В ПАМЯТИ НАШЕЙ...**
О Валерии Трофимовиче
Щербине:
опыт сопряжения времен

В ПАМЯТИ НАШЕЙ...

О Валерии Трофимовиче Щербине:
опыт сопряжения времен

Валерий Трофимович Щербин. Фото Ю.С. Ушакова. 1988 г.

Память — преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти.

Д.С. Лихачев. Прошлое будущему

Память о человеке... Мы привыкли к странному и в сути своей неточному ее пониманию, воплощаемому в имени, да- тах, в коротком списке событий жизни... Но память отражена в более широких бытийных рамках, ею наполняется большей частью неосознаваемый слой мировидения, который формируется не единолично, не одномоментно, и уж тем более не специально опосредованным образом.

Память — это ось, вокруг которой выстраивается человеческое сознание: с младенческих лет она формирует наше мировоззрение — наполняет и обогащает нас опытом, воспитывает вариативность мышления, выстраивает наше целевое пространство, предвосхищает обретаемые смыслы наших чувств и поступков. Память обеспечивает преемственность знаний, духовное и нравственное восхождение человека, его целостность и мощь. В этом феномене воплощается не только соборное устройство человеческого мировосприятия, но и его особость, самостийность и неповторимость...

Удивительно, как семантически родственны слова «беспомощность» и «беспамятство», ибо лишаясь памяти, мы утрачиваем и свою силу, блуждая в хаосе впечатлений, чувств и мыслей. Память помогает структурировать все, что нас наполняет, именно она определяет вектор наших устремлений. Недаром так естественно и привычно рядом с памятью зву-

чат эпитеты «богатая», «долгая», «добрая»... И совершенно ясный посыл в возгласе «опомнись!»... и неизменно тихая интонация в «помине»...

Память о человеке трансформируется в наши убеждения, в алгоритм нашей жизни, — исподволь и напрямую образ вспоминаемого человека воздействует на наши чувства, влияет на наши оценки, выводы, решения. Это — логически вытекающая компонента совместного существования, она не прерывается по смерти человека, но продолжает регулировать наше бытие, покуда мы — те, кто был знаком с этим человеком, — живы.

Валерий Трофимович Щербин знал и своим творчеством, многолетними трудами утверждал особенное, вершинное значение памяти, — исторической, народной, — необходимой для духовного укрепления и самостояния: **«Обмирщение напористо вытесняет из троичной социальности человека ее первейшую составляющую — духовную, обрекая душевно-телесное беззащитному и разрушительному бытованию. Интерес к наследию гаснет или коммерциализируется. Культура становится невостребованной и подменяется антикультурой. Подмена происходит как бы исподволь, незаметно, на уровне инстинктивной предрасположенности ко всему новому, яркому, острому, необычному, кричащему и т. п., поражающему внешне слух и зрение. Вырабатывается неутолимая жажда постоянной смены впечатлений, ломаются заложенные в человека природой преграды разумного ограничения»**¹. Поэтому так уместно, так правильно и закономерно сегодня вспомнить об этом человеке — о хранителе памяти, о просветителе, об учителе, исследователе, историке, архитекторе...

* * *

— Светлый был человек!
— Воспоминания — только светлые...
— ...Он праздником приходил, как праздник!
Он умел приходить. Всегда хотелось, чтобы он пришел!
— Слушала бы его и слушала...

Наши собеседники легко соглашались на встречу, словно бы человек, о котором предстояла беседа, и не покидал эту землю, а самолично собирался присутствовать во время разговора: Валерий Трофимович продолжал

притягивать внимание людей, стягивать их в некий осмысляющий центр пространства, без которого все запустеет, захламится. И с первых же минут, как по камертону, определялась общая интонация: усталые глаза оживали в светлой улыбке, голоса становились негромкими, слова неспешно, мгновение за мгновением восстанавливали события, штрихом к штриху прорисовывая портрет. В какой-то момент реальность даже отступала — кто говорит и о ком, — нисходило теплое любование, наслаждение общим ладом и уютом. Запланированные вопросы, на берегу казавшиеся важными, здесь теряли свою значимость, — душа улавливала неслышимый тон, трепетный, чуткий, бережливый к памяти об этом человеке.

— Я помню тот период, когда Валерий Трофимович начал писать стихи и немного читал их — на встречах, в театре... В одном из наших телефонных разговоров я прочла ему стихи своей подруги, еще совсем молодой и ни разу не публиковавшейся. И одно стихотворение было о дружбе, о том, как люди нужны друг другу, и в этом не должно существовать ни расстояний, ни границ, ни времени... Валерий Трофимович очень внимательно все выслушал и говорит: как хорошо, что у нас такая талантливая молодежь есть! — В жизни, как и в профессиональном кругу, но прежде всего в жизни, он всегда искал... вернее, чувствовал то лучшее, что есть. Главным в его отношении к людям было умение опускаться слабости и радоваться достоинствам, таланту, лучшим человеческим качествам, т. е. умение ценить людей, их дела. И это очень дорогого стоит... [1]

— Я всегда считала его духовным отцом, потому что мое духовное становление — как личности — началось с тех ступенек, которые он показал. Вот это понимание, осознание жизни... когда какие-то вещи становились непонятными, появлялась какая-то неуверенность, то всегда хотелось прийти к Валерию Трофимовичу, проконсультироваться, спросить у него совета, — и я шла, и всегда была уверена, что он найдет нужные слова. Нет, он не придумывал какой-то выход из ситуации, Боже упаси... А вот в смысле уверенности, — когда все сразу же становилось понятным... [2]

— Был такой человек... я не скажу, что был, — для меня он есть. В общении с людьми часто возникает такое чувство, что вот кто-то лукавит, кто-

то недоговаривает, а к Валерию Трофимовичу шли за тем, чтобы услышать правду. У меня было такое ощущение, что вот если этот человек так сказал, значит, так и должно быть. Он — как некое жизненное мерило: когда бывают сомнения и стоишь перед выбором, то невольно задаешься вопросом: а что бы здесь сказал Валерий Трофимович, как бы он к этому отнесся? — я постоянно к нему обращаюсь... [3]

— ...Вспоминается многое, но прежде — добрая любящая улыбка души, бархатистый вкрадчивый голос... потом неспешный разговор. С чем пожелаете к Валерию Трофимовичу в гости, о том с вами и поговорит, вроде бы и на равных, а вроде бы и как отец, а для кого-то и как старший брат... Все вами сказанное услышит и ответит так, чтобы вы услышали его. На всякий случай переспросит: «Слышите?» [4]

Так случилось, что наш разговор развернулся в нескольких отдельных встречах, и удивляло, что, несмотря на разное время и место, несмотря на то, что наши собеседники разных профессий, не только архитекторы, но и историки, культурологи, искусствоведы, филологи, мастера театрального поприща, преподаватели, писатели, — несмотря на это, воспоминания выстраивались в целое, единое впечатление.

Среди пришедших на встречу были и те, кто помогал Валерию Трофимовичу поднимать большое и трудное дело исследования архитектурного наследия Иркутска, и его первые студенты, с которыми он готовил историко-архитектурный опорный план столицы Сибири (на тот момент в Союзе еще не было опыта составления подобных планов), и те, кто, проникаясь заботой и тревогой за родной город, оказывали незримую душевную поддержку. Сегодня это состоявшиеся профессионалы, люди, влюбленные в свое дело, в Россию. Многие, формально не являясь студентами Валерия Трофимовича, все равно называли себя его учениками, считая его влияние — на свои те или иные взгляды — основоформирующим.

— Для нескольких поколений архитекторов, что обучались в Иркутском политехническом институте, имя Валерия Трофимовича Щербина означает прикосновение к настоящему. Суэта отсутство-

вала в его отношении к профессии... На первом, втором курсах студенты еще не готовы познать смысл профессии — архитектор, и впервые любовь к исторической архитектуре приходит через Щербина. Некоторое многословие несколько не мешало услышать и понять главное — архитектура не сиюминутна... У нас, студентов 1981–1986 годов, Валерий Трофимович преподавал историю архитектуры. Его знания неисчерпаемы. И в русской и зарубежной архитектуре учитель находил свое и доводил свою личную позицию до нас, юных, еще не знающих куда плыть...

Помню один экзаменационный день, когда надо было сдавать историю русской архитектуры. Мне попался вопрос — полихромия в русском культовом зодчестве. Не знаю почему, может, в силу привязанности к облику белых храмов в Иркутске, но я стала отвечать Щербину о монохромной культовой архитектуре. Валерий Трофимович деликатно перевел меня в нужное русло, и с тех пор я хорошо запомнила историю вопроса... [5]

— Хочется отметить, что все по-настоящему серьезные исследователи, которые сейчас работают в Иркутске, абсолютно все прошли щербинскую школу в еще тогдашней лаборатории архитектурного наследия при политехе [6].

— Валерий Трофимович был как раз тем учителем, который зажигал своим отношением. Он не наставлял, не говорил, что правильно и неправильно. Но когда ты видел эти глаза — совершенно горящий взор, и ту энергетику, которая шлейфом за ним шла, — все это невольно увлекало: посмотрите, как оно здесь! а какое сопряжение там!.. — его восхищение, запал — это сразу же подкупало [2].

— Глядя на него мы учились любить.

— Да, через эту любовь мы проникались и понимали суть.

— Мы были молодыми людьми, и все тогда было в диковинку, только начиналось, и конечно, была когорта первых преподавателей, которые для нас были истинными учителями, людьми, которые не только на предмет изучения открывали глаза (а Валерий Трофимович преподавал историю искусства), но и на мир вообще. Он был человеком, которого мы заворожено слушали: он давал материал не академически, а как-то вот от души, и поэтому разговор-то был... на равных. И, конечно, я, подосознательно или нет, впитал понимание таких вещей — искусствоведческих — не только умом, а еще, видимо, и душой... [7]

— С Валерием Трофимовичем я знаком с первого курса института. И всегда удивлялся спектру его интересов, его знакомых, которые к нему приходили, а это и Анатолий Костовский, художник, и Лев Сериков, скульптор, и поэт Михаил Трофимов... Все они бывали у него в гостях, со всеми он общался. Меня это поражало, и сначала я не понимал, какое отношение это имеет к архитектуре? Спустя какое-то время до меня дошло — так широко мыслить, уметь понимать творчество в разных его направлениях — это дар по-настоящему талантливых людей, гениев, к которым я Валерия Трофимовича и причисляю. Ни в коем разе не упертый во что-то одно, а всегда мыслящий широким фронтом... В свое время он привел меня и сюда — в театр, а я, будучи студентом, интересовался только архитектурой и театры не любил, — в моем представлении они являли собой самое что ни на есть гнусное и извращенное понятие о культуре и о самом театре... И вот однажды (а мы делали диплом) он говорит: «Вадик, надо сходить в театр

Навершие волотообразной лобани наличника

чество в разных его направлениях — это дар по-настоящему талантливых людей, гениев, к которым я Валерия Трофимовича и причисляю. Ни в коем разе не упертый во что-то одно, а всегда мыслящий широким фронтом... В свое время он привел меня и сюда — в театр, а я, будучи студентом, интересовался только архитектурой и театры не любил, — в моем представлении они являли собой самое что ни на есть гнусное и извращенное понятие о культуре и о самом театре... И вот однажды (а мы делали диплом) он говорит: «Вадик, надо сходить в театр

РАЙОНЦА

ул. А. Невского

- № 12. Примерная датировка (визуально) — 1850–60 г.г. Небольшой одноэтажный особняк. Построен на основе образцового фасада, но к основному объему пристроены сени с консольным навесом в местной традиции. Главный фасад обшит в ус. Огромные наличники выдержаны в стиле классицизма.

ул. 25 Октября

- № 8. Двухэтажный особняк постройки 1870–80 г.г. с пристроенным объемом сеней и летним помещением во втором ярусе. Арочные окна террасы частично зашпаклеваны. Обшивка фасадов в ус. Под кровлей проходит дощатый фриз, раскрепованный лопатками. Наличники барочного характера с элементами токарной резьбы. Дом имеет позднюю двухэтажную пристройку.

ул. Партизанская

- № 256. Двухэтажный особняк городского типа с квартирами, сдававшимися внаем. Примерная датировка — кон. XIX–нач. XX в. Боковой пристройкой выполняет традиционную функцию сеней для обоих этажей. Оригинальность постройки определяется протяженной галереей восточного фасада.

- № 32. Примерная датировка — 1860–70-е г.г. (визуально). Дом построен по местному традиционному типу с характерным дополнительным пристроенным сеней. Под свесом кровли подшивной фриз из владких досок. Огромные с применением иоников наличники. Несмотря на то, что нижний этаж (подклет) опущен в землю, постройка представляет значительную историко-архитектурную ценность.

ул. Парковая

- № 10. По свидетельству старожилов, дом построен в 1907 году. Объемно-планировочная композиция решена по традиционному иркутскому типу (с дополнительным этажом в дворовой части). Сруб открыт. Большие окна основных фасадов

народной драмы». Я думаю: «Мне зачем театр? — у меня диплом, защита на носу, надо ехать в Ангарск, фотографировать...» — «Нет, мы пойдем с тобой в театр народной драмы, там такие крепкие мужики!» — и я повинуюсь. И мы как раз попали на первое «Сияние России». Мы сидели в зале — все вместе. Первый раз увидел отрывок «Слова о полку Игореве», увидел четырех актеров: Корнев, Дейнеко, Жигарьков, Мингалев. Краткий монолог о владении оружием, игра на гусях, кольчуги, тулумбас. Меня это потрясло! От театра как такового я ничего

о России, о молодежи, о современном состоянии жизни, — все о главном, как сокол сразу взлетал, в полете был. Просто он говорил: «Голубушка моя!.. А вот...» — и получался целый разговор. Такие люди нам даны, чтобы возбуждать на эти темы, как колокола... Духовно-нравственные идеи, основы его деятельности настолько очевидны, они главнее, чем все остальное. Именно они были центральной темой наших разговоров, — касается ли это слова поэтического, прозаического или архитектуры деревянного зодчества — все пронизано было

Лучковые ворота с двумя калитками (ул. Баррикад, 93)

подобного не ожидал, знал только «классический» пример... Затем в фойе было застолье, и я увидел массу интереснейших людей, с которыми Валерий Трофимович общался на короткой ноге. Выступал театр, выступали писатели, московские гости: певица Татьяна Петрова, писатели Валерий Ганичев, Валентин Распутин... И я начал понимать, почему и зачем нужно обратить внимание и на эту творческую сторону жизни, — ведь именно в многогранности и есть полнота, цельность... [8]

— ...он разговор сразу на высоту поднимал:

фундаментальными русскими идеями духовности, нравственности. Я помню, как он мог по случаю прийти на юбилей... со стихами! Как нужно знать, чувствовать человека, которому посвящаешь стихи!.. Иной раз думаешь: ну надо же так, он — поэт! — по глубине, по мысли поэтической... А иной раз слушаешь — философ... в другом разговоре — культуролог... исследователь... архитектор... Понимаете? Вроде все дробно, и все цельно, и все в одном, и об одном — о России. Это — масштабы возрожденческого характера. Человек Ренессанса — нашего,

российского. Все в нем было! — и очень уместно, гармонично, ненатурно. И все это было в скромном человеке. Он же был невероятно скромный [9].

В кропотливом, негромком труде (а ведь ни одной задуманной книги Валерий Трофимович так и не издал — не успел?) формировалось бесценное во всех смыслах собрание материалов, касающихся истории Иркутска, его архитектуры, картографии. И в числе подробного изучения — Улан-Удэ, Чита, Ангарск, Усолье,

возренческие позиции пользуются во многом несхожими системами слововыражения и слововосприятия, а переходя в действие (обустройство среды, создание тех или иных культурных ценностей и т. д.), итожатся соответствующими результатами — созиданием или разрушением. Отличить их дано не каждому и не сразу. И, как правило, невозможность прояснения случается каждый раз, когда отсутствуют или пребывают в забвении соборная мудрость и вековая память народа и когда история Отечества уже не со-

Жилой дом. Конец XIX в. (ул. К. Либкнехта, 43)

Черемхово, Зима, Нижнеудинск, Тайшет, Нерчинск, Селенгинск, Кяхта, Томск, Омск, Тюмень, Тобольск — многие-многие сибирские города и поселения. Исследовательский дар предполагает не только сбор и описание, но и систематизацию, а значит, и разработку методической базы для проведения анализа и оценки собранных материалов. Но не только. Опыт Валерия Трофимовича Щербина значительно расширил границы исследовательской ответственности: **«Несомненно и то, что противоположные миро-**

прягается с помыслами личной жизни. И тогда уже недостает ни коллективного разума, ни чувственного опыта поколений, дабы понять, что за очередным внешне благозвучным посылом зачастую тянется черный шлейф духовной и физической порушительности»². Не в этом ли сопряжении — личного и соборного, сиюминутного и многовекового, вещного и феноменального — кроется понимание общеисторической значимости отдельной человеческой судьбы? Невольно вспоминаешь духовный наказ пре-

подобного Иосифа (Волоцкого), включавшего в себя и размышление о спасительном единении всего христианского мира: «Соединяя частыми ударами камень с камнем, мы высекаем множество искр — несмотря на то, что сами камни совершенно холодны. Так мы частотой ударов торжествуем над естеством. Если с камнями такое возможно, то тем более — с человеческими душами, друг с другом соединяющимися и огнем духовным согреваемыми»³. И, принимая Церковь Христову как Церковь живых

собора — место его гибели. Для нас — это место предельной концентрации памяти и обретения жизненных смыслов»⁴. Так мог сказать только настоящий профессионал, определяющий границы своих задач не узкоспециальными знаниями формул и следованием формальным правилам, а неубывающей мерой своей ответственности перед людьми и Богом за прошлое и будущее. Не потому ли в настоящем так остро ожидаемо решение по восстановлению Собора? И не в силу ли утраченного между все-

Жилой дом. Вид со двора. Конец XIX в. (ул. Тимирязева, 21)

и мертвых, по-иному читаешь строки Валерия Трофимовича: **«Прислушаемся к дыханию прошлого. За каждым фактом осуществленного или намеченного сноса неиссякаемо пульсирует глубинное противоборство исходно различных мировоззренческих позиций. Казанский собор Иркутска сегодня физически не существует, но неистребима идея, ради которой он замышлялся и строился. Это идея изначальной греховности человека и в силу этого — его телесной смертности и душевного бессмертия... Место стояния**

ми нами сопряжения Собор не может восстать из небытия? Воистину, «по-царски грешим, да не по-царски каемся», видимо, жгучее желание исправить когда-то содеянное зло должно родиться не только у историков, архитекторов и реставраторов...

На такой ответственности настаивал Валерий Трофимович, когда впервые в 2000 году озвучил необходимость пересмотра перечня объектов, подлежащих охране. Для многих немислимая задача!.. Ведь пересмотр, так или

иначе касаясь не только количественных параметров, наконец-то сделал бы зримой несостоятельность, а значит, и губительность существующей научно-методической и правовой базы, относящейся к архитектурному наследию. Представляя объемность и масштаб размышлений Валерия Трофимовича, не трудно предположить, что, с тревогой глядя на свой любимый Иркутск, на постыдную для областного центра градостроительную захламленность и не всегда уместный новострой и особенно остро

ценностей и предпочтений, всегда приводили к катастрофам, подобным иркутской, и не только в узко обозначенных границах — городского ли устройства, или социально-экономического равновесия, или образовательной мотивации, но и в пространстве общенародного Домостроя⁵.

— Не один год занимаюсь плотной городской малоэтажной застройкой. В итоге это было отражено в очень важном для меня проекте «Микроквар-

Жилой дом. Вид со двора. 1870-е гг. (ул. Киевская, 38)

переживаемую деградацию исторической среды, для него была очевидна необходимость ревизии всего теоретического багажа не только в области архитектуры и градостроения, но и образования, и социальных наук, истории... Говоря о преемственности архитектурно-строительных традиций, он неизменно добавлял аспект культуры — фундаментальную основу любой деятельности человека. Невежественность, безграмотность, дилетантство в решении вопросов, касающихся общекультурных

тал — новая градостроительная единица, жилье для семьи трех поколений». Тема «русского дома» волнует меня очень давно. В свое время мне даже удалось построить в Саянске маленький комплекс, в котором частично удалось воплотить идеи, заложенные в «Микроквартале». Блокированные одно-двухэтажные дома с мансардным этажом организуют между собой общественное пространство. В каждой блок-секции предусмотрено отдельное жилье для стариков, а на верхних этажах, с отдельным входом, — для молодежи, для детей и внуков. То

есть главная задача — непрерывная связь между поколениями в условиях современного города. На эту тему мы очень внимательно и подолгу с Валерием Трофимовичем размышляли. Я считаю, что с начала прошлого века в нашем проектировании жилья делалось все, чтобы разбить эти три поколения. Лозунги о свободном коммунистическом быте были великолепно воплощены в проекте суперидеальной коммуны-общежития, пресловутой машины для жилья, где были четко разграничены жилые и общественные зоны, — кабины для сна, для умывания, для отдыха, для занятий, для встреч... Это здание, бывшее общежитие Текстильного института, а позднее Института Стали и Сплавов, было построено в Москве в конце 30-х годов и, на мой взгляд, наглядно показало, какого маразма достигла ситуация... Таким образом, семья как таковая была совершенно разбита. И сегодня, фактически, происходит то же самое: 15–20-этажные дома, заполонившие всю страну, по сути, те же самые коммуналки-общаги...

Нас пытаются убедить, что так дешевле получается, но на самом деле (и мы посчитали) дешевле строить и жить в доме, который предназначен для трех поколений, где все необходимое рядом: гараж (а

ведь он бы мог выполнять и функцию мастерской, там и дети у взрослых могли бы учиться что-то руками делать), палисадник (где можно заниматься землей, что-то выращивать), и для того чтобы увидеть друг друга, не надо ехать в другой конец города... А что сейчас мы наблюдаем? Преемственность поколений прерывается. Умирает человек, после него остается охалка никому не нужного хлама, помещающаяся в полиэтиленовый пакет, и мебель дээспэшная, которые выбрасываются, выносятся на помойку, — и все? Памяти не остается!

И вся работа Валерия Трофимовича, тот огромный материал, который был им накоплен, несет в себе культурный код и содержит массу глубоких вещей в области градостроительных схем, в вопросах структуры самого жилья. Поэтому все, что им сделано и накоплено, будет востребовано и следующими поколениями. Я надеюсь, что будет... [10]

Тема «русского дома» неоднократно звучала на состоявшихся встречах, по-разному определяя вектор разговора. Еще бы! — ведь

русский дом, как ни пытались в недавнем прошлом и как ни стараются в настоящем его изжить, исказить до степени подсознательного отторжения, вытеснить за пределы повседневного бытия, был и остается не только метафорическим и метафизическим, но и вполне предметным, живым и насущным центром русской цивилизации. Дом, в созидаании которого накапливается опыт творческой постановки и осмысления задач, обоснованности и последовательности действий, бережливости и самоограничения, заботливого и ответственного общежития, в процес-

Столбик крыльца (ул. Байкальская, 8). Дом утрачен

се домоведения оформляются и воплощаются глубинные представления о жизни и смерти, о силе и мудрости, о красоте и любви, совести и долге, — Дом является незаменимой платформой человеческого мироощущения, определения своего места и значимости в окружающем пространстве. И тем более — Русский Дом, вобравший в себя многовековое христоролюбивое жизнеустройство, богатейшее многообразие смыслов и образов, определяющих ценностный ореол человеческой жизни, Дом, в сотворении

которого материализуется мистическое единение и творческое родство человека и Бога...

«Архитектура — есть жизнь, соответственно обустроенная в предметных формах и параметрах среды обитания, жесткая матрица духовного и бытового состояния общества. <...> В дискуссионном общении с архитекторами-проектантами нового и теоретиками, обосновывающими формотворчество в исторической среде, отчетливо просматривается профессионально-ведомственная «зашоренность», преудбежденное нежелание или уже неспособность «опуститься» ниже своего «доминантного» мышления на уровень онтологической сущности среды обитания, ценностей... конкретного, не средне-статистического, человека, выверенных веками, значительно поколебленных, особенно в последнем, нашем столетии, но в сущности своей устоявших. Отмеченная позиция, осязаемая и в среде сотрудников государственных органов охраны памятников, — не более чем констатация общего состояния архитектурного процесса, прямо зависящего от экономических и социально-политических процессов, все более приобретающих необратимый характер синдрома разбалансированных ценностных ориентаций социума»⁶. В работах по исследованию сибирского и особенно иркутского зодчества Валерий Трофимович использовал онтологическое осмысление существующего мира как один из тех творческих методов, который был до совершенства отточен многовековой историей нашего народа. В пространстве изучения и осмысления он полагался и на собственное мироощущение, на свой опыт самопознания, созерцания и делания, включал и текущий момент

истории, полный открытий и противоречий... Особый интерес появляется там, где, выявляя пространственные и временные трансформации тех или иных архитектурных объектов, он учитывает и сопоставляет разный — в том числе и относительно времени — мировоззренческий материал: от категорий, общих для всего русского мира, до характерных только в судьбе отдельного человека, его семьи, рода.

— Мне приятно, что мы были единомышленниками в отношении к городу: и Валерий Трофимович, и я смотрели на город как на этакую длинную историю постоянных изменений, преобразований. И это помогало оценивать происходившие в городе перемены. Хотя разговор не всегда получался благозвучным, идиллическим, бывал и сложным, но, тем не менее, всегда очень продуктивным и конструктивным... Последние лет пять мы серьезно обсуждали, что достойно сохранения, а что может быть трансформировано, перенесено, заменено. К примеру, есть несколько объектов, значимых как знак давности освоения территории, которые реально не выживут в соседстве с торговым комплексом, с Центральным рынком... Конечно, их можно сохранить физически — как музей,

Наличник (ул. Энгельса, 9). Дом утрачен

как скорлупу, но нужно ли это? Может быть, более справедливым будет эти несколько действительно уникальных объектов переместить, с их помощью сформировать или восстановить утраченные фрагменты более-менее сохранившейся исторической городской среды? Или все-таки надо настаивать на том, чтобы дома оставались на своем месте, в окружении стеклянных коробов?

Щербин — это человек эпохи Возрождения: и потому, что руками может все делать, и знает, что

такое форма, что такое материал и как с ним работать, знает историю во многих проявлениях, о городе легко говорит — и про планировку в целом, более крупном масштабе, и про отдельные дома, и про частные обстоятельства, я уж не говорю про тексты и литературу... Некоторые книги мы с удовольствием обсуждали, например, Флоренского, Лосева, взгляды которых, когда смотришь на вещи целиком, как на явление культуры, нам очень близки. Духовность была одной из тех тем, которые мы затрагивали в наших диалогах... ведь можно говорить о духовности и получать безобразную форму, по крайней мере, и мне, и ему понятно было, что и такое возможно... [6]

— Светлый был человек, удивительно неравнодушный. Мое первое знакомство с Валерием Трофимовичем состоялось, когда я была еще начинающим этнографом, будучи сотрудником «Тальцов» (тогда назывался «Музей деревянного зодчества на 47 км Байкальского Тракта»). Мы готовились вывозить большое количество памятников со всех концов области. И я, проехав первые свои маленькие экспедиции по Московскому тракту, уже кое-что тогда имела в виду из того, что нужно вывозить. Вот тогда я и пришла к Валерию Трофимовичу с фотографиями, — пришла за разрешением, за благословением и советом. Помню, что меня тогда потрясло: огромная, огромная лаборатория, все вместе — библиотека, архив, которые располагались в специально приспособленном отдельном помещении, и все-все в этом пространстве было заложено книгами, фотографиями, негативами. Вот это меня потрясло. Я тогда впервые столкнулась с таким, действительно, исследователем, относящимся с такой основательностью и любовью к своей теме, к архитектуре, которая для него была если не всей, то большей частью его жизни и любви. Такое трепетное отношение к истории, к архитектуре присуще, пожалуй, единицам. Насколько я понимаю, архитекторы все-таки прагматики, а у Валерия Трофимовича было удивительное чувство долга перед предшествующими поколениями и ответственности за то, что ты несешь своими трудами, своими плодами, — вот что отличало его от коллег по цеху. Неравнодушные, неравнодушные к любому вопросу, будь то судьба отдельного домика или судьба целого города. Это всегда очень трогало его лично. Зачастую вышестоящие чиновники пытались от него отделаться, потому что, действительно, в

глаз, а не в бровь попадал он своими фактами и заявлениями. Не очень удобный был для городской власти человек... своим авторитетом, своими профессиональными знаниями и своим человеческим отношением он, конечно, для Иркутска очень много сделал, воспитывая в людях уважение и любовь к своему прошлому, к тому, что нам досталось в наследство [11].

У Валерия Трофимовича есть строки, в которые, словно бы в помощь и утешение нам, пылливо всматривающимся в общее с ним прошлое, он положил некий ключ к пониманию гигантского и потому незримого для многих пространства своих тревог, исканий, любви... В этих стихах использован особый поэтический прием, часто встречающийся в русских молитвенных стихах и песнях, — тавтологическая рифма, с помощью которой усиливают значение самого повторяющегося слова и, в то же время, смысловое различие этих повторов.

У горизонта есть душа...
Своя, особая душа.
Она с ним в неразрывной связке
Живет без лени и подсказки.
Иду тихонечко к нему,
Лечу стремительно к нему,
Она, как чуткое реле,
Даст точный импульс обо мне...
И незаметно он отпрянет,
И новым контуром восстанет.
Рукой не тронуть дивный абрис,
Не познается точный адрес,
Каким кудесник-горизонт
Увенчан так, как будто он
Боится встречи как огня,
Уходит ловко от меня...

Лесами линия дрожала,
Полями ровная была,
В горах, как реквием, звучала...
И не найти его начала,
И не достать его конца...
Природы чудо? — Дар Творца.

Проникая в смысл сказанного, невозможно ошибиться в предположении, что ценность своей жизни Валерий Трофимович определял

Иркутские старожилы

не просто движением (определяющее свойство жизни как таковой), а стремлением познать больше — шире и глубже — предельно видимого мира, заглянуть за грани обжитого, знакомого пространства. Касается ли это иркутской старины, в рукодельной неповторимости которой сокрыта судьба человека, города, эпохи, или же речь идет о близких людях, в заботах и помыслах которых воплощается человеческая душа... Душа, как регламентирующий критерий мыслительных изысканий, как чуткая мембрана, определяющая свойства и природу познаваемого, безошибочно, «без лени и подсказки» намечает вектор дальнейшего движения. Не потому ли горизонт (в сущности, элемент умозрительного пространства) и наделяется душой, чтобы подчеркнуть духовную связь между реальным миром и воспринятым: чем наполнена наша душа, тем и будет наполнен мир, в котором мы живем, и если наши помыслы определяются только инстинктами выживания и продолжения рода, а точнее, нашей животной всеобязливой сущностью, то и окружающий нас мир будет полон угроз и опасностей. Недаром автор, заканчивая стихотворение, опровергает естественное происхождение всего сущего, — нет, оно не случайное, не само собой возникшее в бесконечной пустоте, которая ничего, кроме той же пустоты, и не может породить... Мир, исполненный столь необыкновенной красоты и совершенства, воистину, грандиозный Дар, бесценность и непостижимость которого только со-образная его Создателю душа и воспримет.

Охраняя сибирское и иркутское зодческое наследие (на теплой, добротной гармонии которого невольно останавливается взгляд), сберегая и передавая новым поколениям неопровержимую мудрость народа (вековыми трудами накопленную и во многих испытаниях проверенную), раскрывая богатейший потенциал русской культуры (породившей Ломоносова, Суворова, Флоренского, Пушкина, Достоевского, Павлова, Рахманинова... — неисчислимый ряд величайших мировых достояний!) и в сердце сопрягая свой земной путь и путь России, чутко откликаясь на человеческую боль и тревогу, любовь и радость, — в таком охранном подвижничестве Валерий Трофимо-

вич понимал свой гражданский труд и долг — педагога, историка, исследователя, архитектора, наставника, друга...

Дороги нет без рытвин придорожных,
И нет страны, где нет шальных людей...
И если ты России не поможешь,
То самому не выстоять в беде.

А уж Россия — всегда рядом, и ее ответная помощь — в каждодневной поддержке родных и близких, в больших и малых победах друзей и единомышленников, в любви и признательности учеников, в лицах горожан, осеняющих улыбкой ожившую кружевную старину. Россия — в светоносном наследии русской философии, поэзии, науки и искусства. Она — в святой неиссякаемой молитве, венчающей наши помыслы и переживания.

И еще одно стихотворение Валерия Трофимовича (памяти Надежды Степановны Тендитник):

Копья Лонгинова⁷ острей
Летающий над страной черный клин —
И кладбища растут быстрее,
Чем раньше города росли.

И власть сродни чужим делам,
Когда к простому люду безразлична,
И нет любви к отеческим гробам,
И нет забот державного величья.

Высоких слов не требует святыня,
Не просит воздаянья для себя...
И жизнь, созвучная твоей судьбе, Россия,
Заведомо прекрасная судьба.

Именно таким искренним и прекрасным созвучием были наполнены и наши поминальные встречи.

— Он мог и слышать, и чувствовать, и понимать. От него шел поток тепла и света, казалось, что он смотрит тебе прямо в душу, — не просто глазами, а своей душой. Общение душа в душу — это старая форма общения, сейчас во многом утерянная. Щербин приходил к нам на спектакли, после которых у него рождались стихи. Он обязательно делился ими.

Кружева Иркутска (б-р Гагарина, 16)

Это было не рифмоплетство, а настоящая образная поэзия. Он мог оду посвятить... топору. Казалось бы, что? Ну, кусок дерева и кусок железа — инструмент. Нет бы — косе, молотку, так нет же, — топору, из которого кашу сварить можно и от супостата защититься, инструмент, которым построена вся Русь, вся Россия. Как он любил, ценил и умел гордиться русской культурой! Это очень редкое по нашим временам качество. И он умел общаться. В нем, как в колокол, отзывалась душа: ты к нему — и он сразу в ответ... Я ждал его поэтический сборник, мне нравились все прочтенные им стихи, я был в восторге и надеюсь, что когда-нибудь этот сборник состоится [12].

— Я на протяжении многих десятилетий нашей дружбы с удивлением наблюдал его отношение к человеку — какое-то очень внимательное. Хочется вспомнить, когда в 1995 году я стал художественным руководителем театра, он одним из первых пришел поддержать и потом всегда был рядом с театром, не просто рядом, но, когда был жив-здоров, он и лавки строгал, и, что мог, делал. Всегда было радостно его видеть — настоящий друг всего нашего коллектива. Он бывал на всех наших премьерах, русских вечерах. А когда выступал, то говорил прекрасные слова, очень точные и поддерживающие нас [13].

— Валерий Трофимович — человек цельный по своему внутреннему уложению... и та красота, которая исходила от него (и в общении, и внутри, чего бы он ни коснулся — поэзии, философии, образа жизни), говорит о том, что он, как человек, состоялся, что Господь не зря над ним постарался. А сколько учеников он оставил после себя! — это тоже говорит о человеке, о его искренней любви к тому делу, которым он занимался, любви к Родине, к Богу. Для Валерия Трофимовича все в мире было уложено, каждый на своем месте, — не потому ли он так легко и свободно во всем ориентировался? И его внутренний мир, этот внутренний порядок тоже чувствовался. Исполнившись жизненным опытом и мудростью, много переживший, он ушел в какое-то свое, неземное измерение, готовое оторваться от суеты, от быта, и с тобой говорил уже из этого пространства. Может быть, поэтому зачастую требовалось время, чтобы понять о чем разговор, ему неинтересен был этот разбег, эти ступеньки. К тому же у него была способность останавливать время. Вот ты бежишь — служба, суета... А Валерий Трофимович приходит: «А вот, понимаешь ли, в чем

дело...» — и все, ты затормозился. И вот он тебя вытягивает... вытягивает... и уже чувствуешь, понимаешь, будто проваливаешься куда-то, и тебе все больше и больше хочется с ним беседовать, тебе нравится это состояние, словно бы ты окружен его добротой...

Валерий Трофимович из тех русских людей, которые могли терпеть, могли преодолевать сложности, трудности жизни, не обращать на них внимания. Воспитанный поколением фронтовиков, он перенял от них умение беречь любовь, жизнь, красоту и душу. Они умели это сохранять. Кроме того, Валерий Трофимович был десантником еще той, маргеловской школы, и умел постоять за других и за себя... [14]

— Студент был, как все. Мы же на первом курсе не только учились, но и работали. Хрущевский эксперимент: будущая интеллигенция должна была сразу хлебнуть рабочей закваски. Валера работал плотником (не в этом ли истоки его увлечения деревянным зодчеством?). Его хватало не только на работу и учебу, но и на занятия фотографией. На курсе было несколько ребят, классно работавших в фотоискусстве. Но Щербин был недосягаем. Его фотографии отличала мастерски выбранная композиция, оригинальный сюжет и великолепное техническое исполнение снимков. А в условиях общежития добиться этого было совсем не просто.

Казалось бы, все шло как надо. Курсовые, зачеты, сессии — обычный студенческий ритм жизни. Еще была попытка поступления во ВГИК на операторское отделение. Подвел английский. И вдруг — новость: Щербин, по собственному почину, уходит в армию. И, конечно, в ВДВ. Что это было? Жажда романтики (таким он оставался до конца жизни), поиск новых сюжетов, проверка на прочность своих принципов? Через много лет, при встрече, я слушал его восторженный рассказ о впечатлении бойца, бегущего внутри фюзеляжа самолета, для того чтобы совершить прыжок с парашютом вместе с товарищами в составе десанта. В этом рассказе, в этом беге, в этом прыжке Щербин оставался самим собой — густком оптимистической энергии.

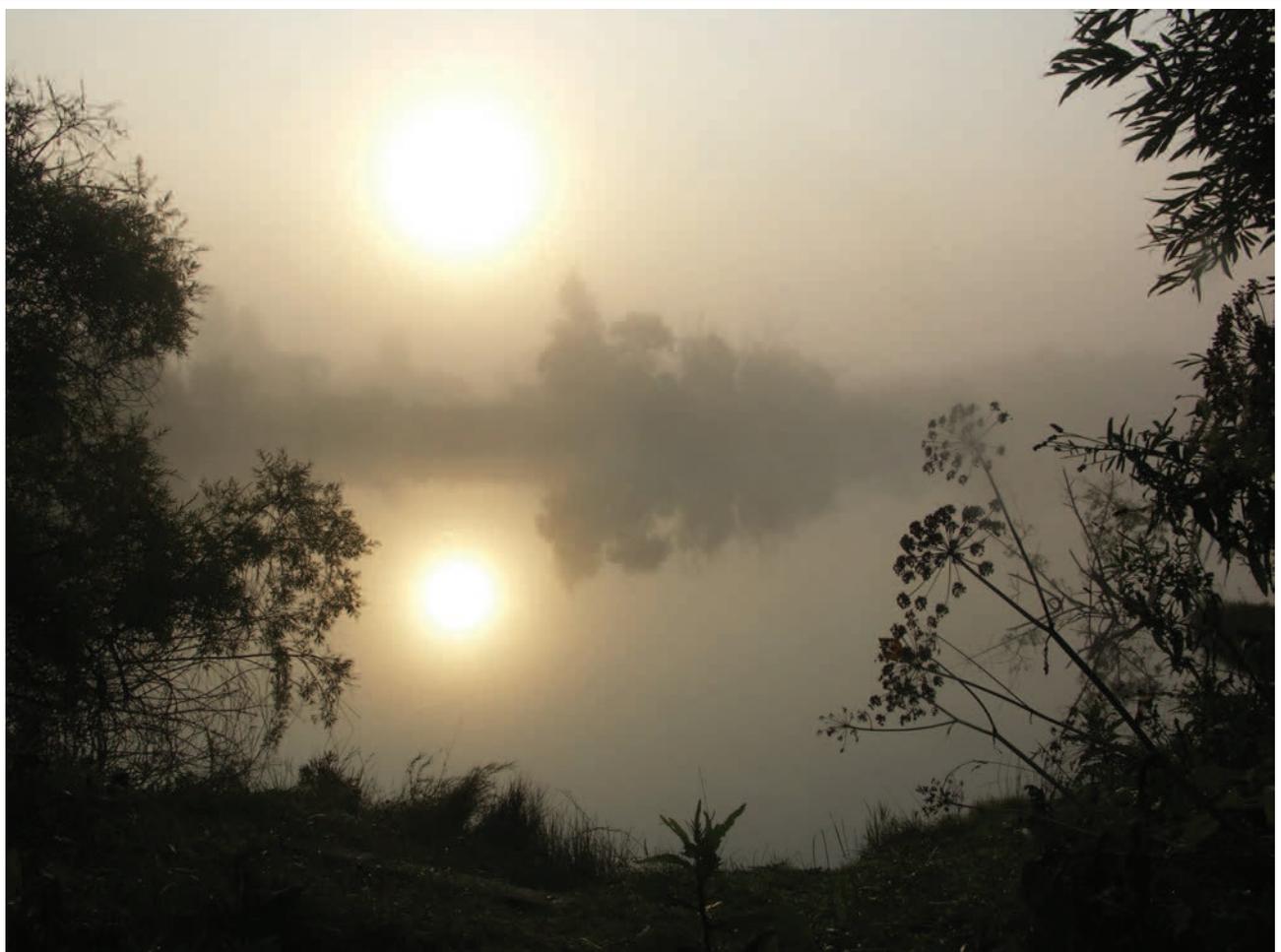
А в архитектуру он вернулся другой дорогой. Валерий окончил искусствоведческий факультет Свердловского университета, и весь жар своего сердца (а он ничего без огня не делал) отдал истории архитектуры и ее сбережению. Архитектуре деревянной, самой ранимой, самой беззащитной, самой народной... [15]

— Валерий Трофимович был для меня другом, наставником, примером служения Богу и, как часть этого служения, делу, которому он посвятил свою жизнь. Я помню его со студенческой поры, когда он читал нам историю искусств. Это же были самые интересные лекции в институте! Спустя много лет я увидел его на службе в Свято-Троицком храме. Несмотря на то, что это естественный выбор для каждого человека, было очень приятно встретить там именно его.

— Валера глубоко переживал то, что сегодня нет славянского единства. Распад Советского Союза для него, как, впрочем, и для большинства людей, был трагедией. Валера был убежден в том, что любви к Родине надо учить, что среди духовного оскудения и умственного помрачения Святая Русь должна стать маяком для народа...

Мне представляется, что сидя на берегу водоема с удочкой, Валера недоумевал, отчего мир не живет по простым гармоничным правилам. Ведь

Восход на дачном озере, где рыбачил Валерий Трофимович. 2008 г.

Во многом благодаря его работе по сохранению архитектурного наследия нашего города, которой он отдал много сил, оно продолжает быть частью настоящего. Он начинал работу по восстановлению храма Св. Иоанна Предтечи в п. Кутулик. И я, в то время принимая участие в обмерах храма вместе с ним и другими архитекторами, которых он тогда привлек, впервые услышал, как он читает свои стихи о России, про веру в нее и любовь к ней... [16]

каждый русский ручей, каждый русский проселок, каждый холм и излучина реки напоминают нам об этой гармонии... [17]

В одном из стихотворений Валерия Трофимовича, еще редактируемом незадолго до смерти, нет вопросительных графем, и все же внимательный читатель их увидит:

Ты в свет явился не случайно,
И не случайно на лице
Твоем стремительная тайна
Невольно ждет Суда в конце;
В конце пути земном ненастном
И многим радостям причастном,
С кошницей зерен и плевел,
Какие ты собрать успел.
И узел скорбный Он развяжет —
Не захирел ли добрый знак...
И приговор последний скажет,
И даст величественный знак.

(Ред. 27 июня 2013 года)

Вместе с Вами, Валерий Трофимович, веруем и чаем воскресения! Верим, что добрыми, благословенными плодами исполнятся не только Ваши вдохновенные труды, но и других ушедших от нас земляков: Владимира Лапина и Владимира Тетенькина — талантливых и неповторимых живописцев и педагогов, Евгения Ушакова, берестяные полотна которого еще долго будут согревать нас своим теплом, Бориса Архипкина — красота и свет его стихов никогда не померкнут, Надежды Тендитник — блистательного знатока русской словесности, Ростислава Филиппова, гениальная поэзия которого неизменно вызывает глубочайшее потрясение, Анатолия Сирина — яркого публициста и проникновенного мыслителя, продолжателя традиций русской духовной философии, Геннадия Гайды — поэта и просветителя, горячего проповедника нашей великой культуры...

Верим, что не пресечется духоносная Вера православная и исполнятся наши чаяния — окрепнет Сибирь, окрепнет Россия и спасительным ковчегом устремится к сияющему горизонту...

Мне видится вполне реальный сон:
Как в хаосе земного бытия,
В прозоре чистом, сине-голубом,
Обласканная восходящим солнцем,
Плывет Россия — Родина моя
Под белым парусом
среди черных броненосцев.

От редакции: Мы сердечно признательны всем, кто откликнулся письмами или пришел на наши встречи, посвященные памяти Валерия Трофимовича Щербина. В этой большой и светлой, во всех смыслах памятной беседе приняли участие:

архитекторы — доцент кафедры архитектуры и градостроительства НИ ИрГТУ, главный архитектор проектов ООО «Спецпроект», главный специалист лаборатории сейсмостойкого строительства ИЗК СО РАН Ольга Ивановна Саландева [1], доцент кафедры архитектуры и градостроительства НИ ИрГТУ Наталья Владимировна Шестопалова [2], кандидат архитектуры, и.о. зав. кафедры архитектуры и градостроительства, доцент НИ ИрГТУ Евгения Владимировна Пуляевская [3], главный архитектор проектов СИБНИПИ «Наследие» Виктория Викторовна Соосновская (Полутчева) [4], директор ООО НПРМ «Традиция» Алла Корнеевна Мироненко [5], кандидат исторических наук, доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования НИ ИрГТУ, государственный эксперт по проведению историко-культурных экспертиз Александр Николаевич Прокудин [6], заслуженный архитектор России, член Общественной палаты, член правления Иркутской организации Союза архитекторов РФ, главный архитектор предприятия «Фортуна» Владимир Борисович Стегайло [7], Геннадий Иванович Громов [10], заслуженный архитектор России, заслуженный архитектор Читинской области Виктор Иванович Кулеш [15], Игорь Владимирович Черепанов [16];

архитекторы-исследователи — Андрей Евгеньевич Шпирко, Елена Робертовна Ладейщикова, Людмила Георгиевна Басина, Ирина Васильевна Калинина;

историки — заместитель директора по научной работе Иркутского музея декабристов Ольга Аркадьевна Акулич [11], кандидат исторических наук Анатолий Митрофанович Бородин [17];

доктор филологических наук, директор Регионального Центра русского языка, фольклора и этнографии Галина Витальевна Афанасьева-Медведева [9];

директор и главный режиссер Иркутского городского театра народной драмы, заслуженный артист России, заслуженный деятель ис-

куств России Михаил Георгиевич Корнев [13] и его замечательный коллектив: заслуженный артист России Вадим Владимирович Дейнеко [14], заслуженный артист России Юрий Александрович Жигарьков [12], архитектор, художник-постановщик и актер Вадим Владимирович Семенов [8].

Спасибо, друзья, за отзывчивость и душевный отклик! Земной вам поклон!

В публикации использованы фотографии, выполненные Валерием Трофимовичем Щербиним в разные годы.

Примечания

1. Щербин В.Т. Забвению не подлежит. О судьбе Казанского кафедрального собора в Иркутске // Известия АЭМ «Тальцы». Иркутск, 2005. Вып. 4. С. 44–56.

2. Там же.

3. Преподобный Иосиф Волоцкий. Послание иконописцу. М., 1994. С. 95–97.

4. Щербин В.Т. Забвению не подлежит. О судьбе Казанского кафедрального собора в Иркутске. // Известия АЭМ «Тальцы». Иркутск, 2005. Вып. 4. С. 44–56.

5. Щербин В.Т. Исторический центр Иркутска. К. Маркса, 15а (Большая, 23) — памятник истории и культуры XIX века : предпроектное исследование с предложениями по регенерации фрагмента квартальной территории. Иркутск, 1995 (Архив Службы по охране ОКННО). В данной работе, в частности, отчетливо сформулирована (и сегодняшней строительной практикой наглядно продемонстрирована) мысль о пагубности подмены социально-психологического аспекта на социально-экономический в качестве определяющего историческое развитие, что неизбежно «привело к недооценке и даже искажению духовно-социальной значимости архитектуры и среды обитания <...> и закономерно обернулось новораскованной образностью архитектурного языка и бездуховностью общественно-жилой среды».

6. Щербин В.Т. Исторический центр Иркутска. К. Маркса, 15а (Большая, 23) — памятник истории и культуры XIX века.

7. Лонгин — имя римского сотника, содержащего стражу при кресте Иисуса Христа.

Послесловие

Читая воспоминания о Валерии Трофимовиче Щербине, о его великих трудах по спасению русского народного духа, запечатленного в старинной архитектуре града Иркутского и других сибирских городов, вновь и вновь убеждаюсь: воистину, «лицом к лицу, лица не увидать, большое видится на расстоянии...» Это какую же надо иметь врожденную скромность, что даже я, давнишний приятель Щербина, и не подозревал о его трудах, отчего труды оказались подобны тайной милостыне, за кою Господь воздаст вьяве (Мф.6:1–4)... Ушел Валерий Щербин, Царствие ему Небесное, и открылось необозримое поле его трудов, сохранивших память об историко-архитектурном Иркутске, за кои Валерий Трофимович достоин был высоких наград, а перво-наперво, звания почетного гражданина города Иркутска, а он при жизни не токмо и малых наград не имел, но и, повторяюсь, многие, подобные мне, ни сном ни духом не ведали о его трудах. И если мы — писатели, художники, режиссеры, ученые — на сонмищах трубим о своих сочинениях, картинах, спектаклях, научных изысканиях либо дозволяем почитателям восхвалять, дабы обрести читателя, зрителя, сомыслителя, то Валерий Трофимович изрядно говорил о возрождении русской национальной памяти, но никогда — о личном вкладе в ее сохранение, сознательно или бессознательно следуя Христовой заповеди: «Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18:14). Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Валерия, и прости ему вся согрешения, вольная и невольная, и даруй ему Царствие Небесное. Аминь.

*Анатолий Байбородин,
член Союза писателей России,
исполнительный редактор
альманаха «Иркутский Кремль»*

Памяти Валерия Трофимовича Щербина

8 июля 2013 года, в возрасте 72 лет, ушел из жизни историк архитектуры, исследователь архитектурного наследия Восточной Сибири, искусствовед и общественный деятель Валерий Трофимович Щербин.

Его имя известно каждому архитектору Иркутска. Его деятельность по изучению и охране архитектурных памятников заслужила признание всего архитектурного сообщества в городах Байкальского региона — Иркутске, Улан-Удэ, Чите. Он пользовался уважением иркутских писателей и историков, был одним из организаторов архитектурного факультета в Иркутском государственном техническом университете, одним из самых увлеченных и любимых студентами преподавателей, абсолютным знатоком архитектуры Иркутска, одним из основателей отрасли изучения и реставрации архитектурных памятников Приангарья.

Валерий Трофимович Щербин родился 28 февраля 1941 года в городе Нижнеудинске в семье железнодорожного служащего. В 1948 году, когда Валерию исполнилось семь лет, семья переехала в Иркутск. В 1958 году Валерий Щербин окончил среднюю школу № 87 в Ленинском районе Иркутска и поступил на работу в локомотивное депо станции Иркутск-Сортировочный. Его работа здесь была недолгой. Через месяц, в связи с нехваткой учителей, его приглашают на работу в родную школу, и он становится учителем рисования и черчения. Эта работа увлекает Валерия, и он решает продолжить свое обучение в сфере искусства. В 1960 году он подает документы и успешно проходит вступительные экзамены на архитектурный факультет Сибирского строительного института (Сибстрин, г.Новосибирск).

Здесь Валерий Щербин постигает основы профессии архитектора и знакомится со многими студентами, которые станут его друзьями на всю жизнь, — Виктором Сухановым, Павлом Зильберманом, Виктором Кулешом, Михаилом Хахаевым. В те годы Новосибирск был основным центром подготовки архитекторов за Уралом, и закономерно, что преподаватели архитектурного факультета Сибстрина приуча-

ли будущих архитекторов мыслить в масштабах всей Сибири, формировали широкий кругозор и прививали чувство профессиональной солидарности в будущей работе по преобразованию городов на востоке страны.

Однако архитектурный факультет Сибстрина Валерий Щербин не окончил. Причиной этому стало новое увлечение Валерия. С первого курса он стал внештатным корреспондентом институтской газеты. Друзья вспоминали, что он всегда и везде ходил с фотоаппаратом и являлся одним из самых активных фоторепортеров газеты. Когда Валерий учился на третьем курсе, руководство комитета комсомола института организовало персональную выставку его фотографий. Выставка имела успех и была отмечена хвалебными отзывами специалистов. В 1963 году Валерий оставляет Новосибирск и едет в Москву поступать на операторское отделение Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК). Большую часть экзаменов Валерий Щербин проходит очень хорошо. Он получает высокие баллы по творческим и всем общеобразовательным дисциплинам, кроме английского языка. Однако английский язык становится препятствием для поступления во ВГИК.

Валерий Щербин возвращается в Иркутск, и отсюда его призывают в ряды Советской Армии. В 1963–1966 годах он служит в Воздушно-десантных войсках в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В ноябре 1966 года Валерий Щербин демобилизуется и вновь возвращается в родной Иркутск. Год он работает на Иркутском авиационном заводе, а затем его выдвигают на комсомольскую работу, где он проходит хорошую школу организаторской и административной деятельности. С декабря 1967 года он занимает должность инструктора Ленинского райкома ВЛКСМ. В 1969-м его переводят в Иркутский горком, а в 1970 году он становится секретарем комсомольской организации Иркутского училища искусств. Одновременно Валерий Щербин продолжает свое образование. С 1967 года он заочно учится на отделении истории искусств Уральского государственного университета в Свердловске, и в 1973 году получает диплом искусствоведа.

С 1972 года начинается новый этап профессиональной деятельности Валерия Щербина, он переходит на работу в Иркутский политехниче-

ский институт (ныне Иркутский государственный технический университет). В 1973 году в институте открывается новая для Иркутска специальность — «Архитектура». Валерий Трофимович переходит на преподавательскую работу и вместе с Юрием Федоровичем Дмитриевским и Мирой Яковлевной Ашихминой он начинает организацию обучения архитекторов в стенах ИргТУ. Валерий Щербин первым стал преподавать предметы «История искусств» и «История архитектуры», и на него ложится забота о создании всей методической базы и учебных программ по этим, новым для Иркутска дисциплинам. Более высокий уровень ответственности при обучении архитекторов требует постоянного повышения квалификации и постоянной работы над профессиональными навыками. Во время работы на архитектурном факультете Валерий Щербин проходит стажировки в Институте живописи, ваяния и зодчества им. И.Е. Репина (Академия художеств) в Ленинграде и в Архитектурном институте в Москве. Теоретические знания, полученные в Свердловске, Москве и Ленинграде, он дополняет путешествиями по древнерусским городам Золотого Кольца, Русскому Северу, поездками в Германию и Италию.

Первые годы подготовки архитекторов в ИргТУ были временем становления Иркутской архитектурной школы. Многие в учебном процессе и в понимании профессии архитектора преподавателям факультета приходилось придумывать и создавать на новом месте, с чистого листа. Возникавшие проблемы и трудности преподаватели и студенты первых выпусков преодолевали вместе, и эта атмосфера романтики совместного творчества осталась между первыми студентами и Валерием Трофимовичем Щербиным на всю жизнь.

Во второй половине 1970-х годов Валерий Щербин начинает активно заниматься общественной деятельностью. Он вступает в Иркутское отделение Всероссийского Общества охраны памятников и через какое-то время становится председателем архитектурной секции этого общества. Вскоре общественная деятельность становится для него так же важна, как и его преподавательская работа. Вторая половина 1970-х годов стала для Иркутска временем поворотным по отношению к архитектур-

ному наследию города, временем обращения к культурным основам жизни общества. В эти годы московские архитекторы начинают выполнять проект нового генерального плана для Иркутска. В эскизных разработках архитекторы предлагают радикальную модернизацию центральной части города, снос всей исторической застройки и замену ее на типовые крупнопанельные дома. Основанием для такого подхода является то, что в Иркутске нет документации на архитектурные памятники, нет инвентаризации и анализа исторических зданий. Высокая профессиональная квалификация искусствоведа, знание передовых подходов к сохранению и роли архитектурного наследия, формирующихся в этот период в культурных столицах страны — Москве и Ленинграде, позволяют Валерию Щербину понять масштаб и значение угрозы для культуры и исторического облика Иркутска. Он берет на себя инициативу и предлагает выполнить Историко-архитектурный опорный план, на котором будет отражена вся важная историческая застройка и который может быть опорой для дальнейших разработок градостроителей. Валерий Трофимович находит поддержку в Обществе охраны памятников и среди политического руководства как города Иркутска, так и Иркутской области. В 1980 году он выполняет первый Историко-архитектурный план Иркутска, привлекая к этой работе молодых преподавателей и студентов архитектурного факультета. План Щербина получает высокую оценку в Институте искусствоведения и в Министерстве культуры в Москве. План признают образцовым и рекомендуют использовать методику его создания в других городах России. В Иркутске этот документ изменяет всю стратегию градостроительного развития исторического центра города. План Щербина продолжает оставаться актуальным и важным градостроительным ориентиром для города и сегодня.

В 1982 году на базе кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИргТУ создается Региональная научно-исследовательская лаборатория архитектурного наследия, задача которой состоит в инвентаризации и изучении архитектурного наследия в Восточной Сибири. Валерий Щербин возглавил эту лабораторию, став ее научным руководителем. Под его руко-

водством проводится инвентаризация памятников архитектуры, их анализ, описание и составление учетной документации для городов и районов Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края. Через несколько лет интенсивной работы, к концу 1980-х годов Лаборатория архитектурного наследия в Иркутске становится одним из ведущих центров по изучению архитектуры на востоке страны. За время работы этой лаборатории под руководством Валерия Трофимовича было проведено несколько десятков научно-исследовательских экспедиций; выполнено обследование нескольких сотен городов, сел и деревень; созданы сотни учетных документов на памятники архитектуры и целые архитектурные комплексы; подготовлены историко-архитектурные и историко-градостроительные опорные планы и схемы расположения памятников архитектуры для многих городов, включая такие как Иркутск, Улан-Удэ, Чита, Нижнеудинск, Усолье-Сибирское, Киренск, Кяхта, Нерчинск, Петровск-Забайкальский.

Отдельно необходимо сказать о научной школе истории архитектуры и искусствоведения, созданной Валерием Трофимовичем. Когда он стал преподавать курсы истории искусств и истории архитектуры, многие студенты из поступивших на факультет в первые годы, помогали ему готовить методический материал для учебного процесса и проведения экзаменов. Некоторые из них впоследствии остались работать в университете и продолжили преподавание этих дисциплин вслед за Валерием Трофимовичем. Среди них необходимо назвать Александра Юрьевича Ладейщикова, Ольгу Матвеевну Васильеву, Евгению Владимировну Пуляевскую, Наталью Владимировну Шестопалову. Позднее, когда была создана и стала работать Региональная лаборатория архитектурного наследия, его ученики стали сотрудниками этой лаборатории. История архитектуры и архитектурные исследования стали их профессией и увлечением всей жизни. Среди его ближайших учеников и помощников в течение многих лет были: Михаил Геннадьевич Степанов и Владимир Борисович Баландин, ставший административным директором лаборатории Борис Трофимович Литвинов, Елена Робертовна Ладейщикова, Ирина Васильевна Калинина, Людмила Георгиевна Басина, Бронислав Борисович

Михайлов, Андрей Евгеньевич Шпирко, Алексей Константинович Чертилов, и автор этих строк. Сегодня многие его ученики достигли серьезных успехов в профессии: стали лауреатами Губернаторской премии, как Ирина Калинина и Алексей Чертилов, авторами книг по истории архитектуры, как Елена Ладейщикова и Людмила Басина, вошли в число ведущих архитекторов Восточной Сибири, как Бронислав Михайлов. Евгения Пуляевская, защитила диссертацию на степень кандидата архитектуры. Здесь невозможно упомянуть всех, кто считает себя учеником и последователем Валерия Щербина.

В 1980–1990-х годах Валерий Щербин много внимания уделяет пропаганде архитектурного наследия Иркутска и всей Восточной Сибири. Он пишет статьи, участвует в дискуссиях в прессе, на радио и на телевидении, выступает с публичными лекциями в учреждениях и библиотеках Иркутска. Участвует в создании нескольких фильмов, посвященных культурному наследию Сибири, в том числе фильма «Иркутск с нами» в сотрудничестве с писателем Валентином Распутиным.

Общественная деятельность Валерия Трофимовича переплетается с его научными интересами, и он включается в когорту искусствоведов национального уровня. Валерий Щербин избирается делегатом VII съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в 1997 году в Москве. Участвует с докладами на конференциях и архитектурных форумах. Заслуги и деятельность Валерия Трофимовича получают признание как на уровне Иркутской области, так и на уровне Российской Федерации. В 1995 году Валерий Щербин за вклад в возрождение патриотизма и духовности России становится лауреатом премии Святителя Иннокентия Иркутского. В 2002 году за вклад в сохранение культурного наследия народов России он награждается Золотой медалью Российского союза исторических городов и регионов.

В 2000-е годы основное внимание Валерия Трофимовича сосредоточено на вопросах практического сохранения как отдельных памятников, так и крупных исторических архитектурно-градостроительных комплексов в Иркутске, также как на методике градостроительной реконструкции исторических городов России. Он

выполняет историческое и градостроительное обоснование и готовит методическую основу реконструкции для отдельных архитектурных памятников Иркутска (ул. Карла Маркса, 17 и 19, ул. Грязнова, 4), а также для исторических кварталов № 39, № 97, № 12. Он пишет статьи, посвященные деревянному зодчеству сибирских городов, planoграфии Иркутска, Нижнеудинска, Усолья-Сибирского, активно консультирует практикующих архитекторов и студентов архитектурного факультета ИргТУ.

Валерий Трофимович Щербин ушел из жизни, не успев завершить многие начатые и задуманные планы, не успев реализовать многие свои начинания по сохранению архитектурных памятников и соединению культурного наследия и духовных традиций с современной жизнью людей дня сегодняшнего.

Он навсегда останется в нашей памяти как житель и гражданин города Иркутска, подвижник сохранения культурного наследия, православия и духовных основ России, высокопрофессиональный искусствовед и основатель научной школы истории архитектуры в Иркутске.

Андрей Ляпин

* * *

- Алло, слушаю Вас.
- Александр Владимирович, здравствуйте!
- Здравствуйте, Валерий Трофимович.
- Рад слышать Ваш бодрый голос. Значит, все хорошо и в добром здравии.
- Конечно, Валерий Трофимович. Спасибо. Как Ваши дела?
- Да, слава Богу, работа идет, все движется. Правда, не все так, как хотелось бы, так сказать, вот... да... но все должно быть хорошо.

А? Александр Владимирович, как Вы считаете? Ведь должно же быть все хорошо?!

— Конечно, Валерий Трофимович, а как же иначе. Наше дело правое, мы победим!

— Конечно победим! Вы совершенно правы, Саша, дорогой Вы мой! А что, Александр Владимирович, как Вы считаете, если нам встретиться, поговорить, так сказать, не спеша о том о сем. Ведь нам есть, о чем поговорить.

— Конечно, Валерий Трофимович, надо встретиться.

— Ну, вот и замечательно, приезжайте, я Вас жду. И Рая будет рада, она Вас тоже любит.

— Договорились, Валерий Трофимович. Вы все там же?

— Ну конечно, где же еще. Пограничный переулок, общежитие. Квартиру, надеюсь, помните.

— Да, Валерий Трофимович, конечно. Приеду после работы.

— Ну, до встречи, Саша, с Богом!

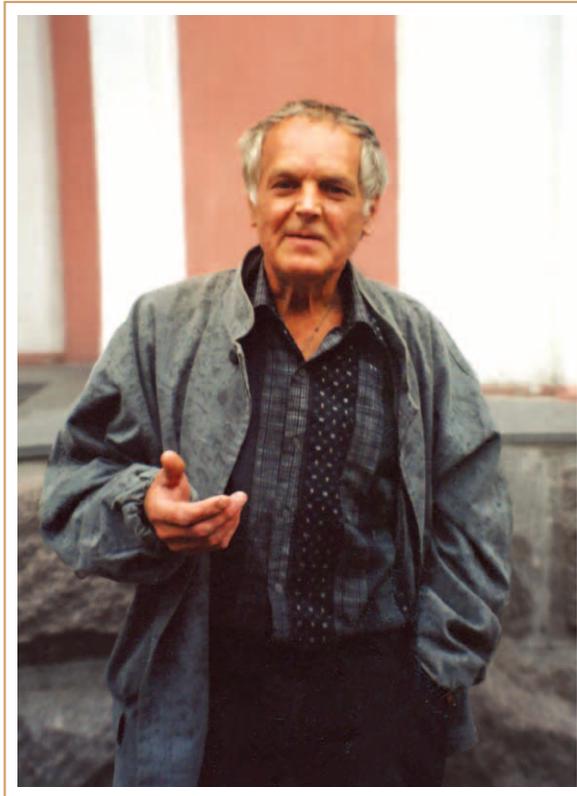
Давно мы не виделись. Как хорошо, что сегодня пятница. Можно спокойно посидеть, никому да не торопиться.

И нет больше никаких неприятностей, нервотрепок. Все любимы, красивы и молоды. Время остановилось. Ночь. Мы сидим при свете лампочки за длинным,

волшебным столом в прихожей-кухне-гостиной, наполненной ароматом жареных карасей с «Беломорканалом», и читаем стихи. Гармония, музыка слова, песня... Нет больше никакой кривды, одна правда на всем белом свете.

Спасибо, Учитель. Все хорошо, все прекрасно. Только вот, так сказать... Но должно же быть все хорошо, а?! Как Вы считаете...

Александр Выгодский,
архитектор

- **ВООДУШЕВЛЕНИЕ ЛЮБВИ**
К шестидесятилетию художника
Александра Москвитина
Юрий Нечипоренко

- **ЖУРАВЕЛЬ**
Стихи разных лет
Анатолий Горбунов

А.М. Москвитин. Букет цветов. 2011 г.

ВОДУШЕВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

К шестидесятилетию художника
Александра Москвитина

А.М. Москвитин. Большой цветочный натюрморт (фрагмент). 1974 г.

Юрий Нечипоренко

От редакции: Мы, сотрудники альманаха «Иркутский Кремль», поздравляем талантливого русского художника Александра Москвитина с юбилеем и желаем: пусть отныне и довеку велению Божию будет послушна его муза, пусть живопись его, желанная в доме крестьянина и ремесленника, поэта и академика, светлым перстом указывает христорадной душе узкую тропу к спасению.

* * *

Александр Морисович Москвитин, потомок казаков-первопроходцев, освоивавших Прибайкалье, родился в г. Улан-Удэ Бурятской АССР. С 1970 по 1974 год учился в Иркутском училище искусств на декоративном отделении. С 1974 по 1975 год работал в Иркутских творческо-производственных мастерских ХФ РСФСР. С 1975 по 1982 год жил и работал в Улан-Удэ. В 1982 году переезжает в Иркутск. Член СХ СССР с 1986 года. Участие в выставках: областных — с 1975 года; зональных — 1980, 1985 годы; республиканских: Улан-Удэ — 1974, 1975, 1977, 1978, 1979, 1981 годы; Ленинград — 1977 год; Иркутск, Улан-Удэ, Ленинград — 1979 год; Москва — 1985, 1986 годы; Всероссийских: Ленинград — 1977 год; Москва — 1985 год; Всесоюзных: Москва — 1982, 1983, 1987 годы; Международных: СССР–ЧССР, Ялта, Гурзуф — 1984 год; СССР–ЧССР, Москва, Киев, Братислава — 1985 год; зарубежных: ФРГ, Франция.

Художник приходит в мир, который уже полон образов. Но образы эти имеют разный статус, разное качество и не одинаковую ценность. Часть из них можно отнести к числу «первозданных» — это те, которые были сотворены до человека. Однако сами визуальные образы не могут жить без людей: дело в том, что границы образа определяет сам человек («образ» родственно слову «обрез» — выделяя из мира часть, мы творим ее образ в своей душе).

Александр Москвитин (фото Игоря Дрёмина)

Иное дело, что цельность всего мира может быть запечатлена в его части — так на обломке голограммы содержится информация обо всей картине.

Образов становится все больше — мы живем в мире, где творил Петрокл, Леонардо, Матисс, — художественная вселенная все расширяется: и для кого-то число образов уже переизбыточно, их слишком много — и появляется искушение вовсе отказаться от них... Создание полноценного образа — сложнейший труд, настолько серьезный, что художники XX–XXI веков сплошь и рядом стали отлынивать от него и под разными предлогами увиливать от тягот собственно изобразительного искусства. Художники теряют внимание к миру, внимание же — это принятие внешнего мира во «внутреннее имение», что обусловлено пристальным всматриванием в образ: прежде чем создать образ, надо увидеть его через призму творческого осознания. Мироощущение, основанием которого является внимание, во многом утрачено нашими современниками и перестало цениться сообществом «современного искусства».

Модными среди «сообщников» стали концепции и замыслы, литературщина и стилизаторство, навязывающие зрителю представления, имеющие характер произвола. Впору защищать

А.М. Москвитин. Из цикла «Зарождение жизни» (фрагмент)

натуру от художников, потерявших способность любить и благоговеть и взявших за манеру измываться, экспериментировать над образами, ставить бесконечные опыты — подобно средневековым инквизиторам, такие художники относятся к образам как к объектам для попыток.

Нынешние художники заражены сплошь и рядом позитивизмом и навязывают зрителю свое мировоззрение, сами того подчас не ведая. Заметим, что у самого слова «мироощущение» нет прямого перевода, скажем, на английский язык: законодатели художественных мод из Нью-Йорка не имеют даже представления о возможном равновесии между мироощущением и мировоззрением, между восприятием изначальной образности мира и выражением оно.

Мироощущение является первичным человеческим даром: младенец не умеет говорить, но уже слышит, не умеет рисовать — но видит. Сохранение свежести мировосприятия является тем более ценным, чем меньшее число людей обладает этим даром. Ощущение полноты бытия, насыщенности и интенсивности переживания каждого мига жизни дарует высшее состояние души, которое чувствует художник. Он способен выразить и сообщить зрителю это ощущение, которое можно назвать «любованием»: оно сродни молитвенному экстазу. Зритель осознает, что мир изначально чист и создан как рай для человека.

То, о чем мы говорим, — это подоплека, исток творчества: зачем творить, если не любишь? Художник может передавать зрителю и свое смятение, и боль, но все страстные состояния души разворачиваются на фоне безусловного изначального «пакта» о мире и любви, который заключает художник с Богом. Не соперничество с Тем, кто в качестве первого художника сотворил сам свет, а сотрудничество, синергия — труд по образу и подобию...

Эта преамбула понадобилась нам, чтобы войти в мир Александра Москвитина, редкого по нынешним временам художника, картины которого полны первозданного ощущения полноты бытия. Этим ощущением художник щедро делится со зрителем: оно избыточно настолько, что в нем каждый может обнаружить «свою» составляющую. Поклонник концептуализма найдет у Москвитина целый замысел устрое-

ния художественной вселенной: действительно, в ряде работ он использует обратную перспективу так, чтобы усилить стереоскопию взгляда самого зрителя. Происходит следующее: пространство, выстроенное художником за холстом, не является ни плоским, экранным, ни тем, которое мы видим при взгляде в окно, — оно вовсе не является пассивным, экспонированным вовне инертным образом.

Пространство Москвитина активно, оно напряжено так, что воздействует на зрителя: перед картиной образуется зрительное поле, как продолжение того пространства, которое задает холст. Картина сообщает зрителю определенное состояние, преобразует его психическую энергию. Об обратной перспективе в иконах писал Павел Флоренский — но кто из современных художников способен овладеть приемами древних иконописцев? Москвитин использует концепты, которые лежат в основании творчества мастеров иконописи. Художник создает не только рисованное полотно, он творит мир «двойной»: по ту — и по эту сторону картины.

Между тем, с появлением фото, кино и телевидения мир картинок как окошек и глазков, «одноглазый» обскурантистский мир волшебных фонарей, ящиков и объективов становится все менее художественным по сути своей: пространство ящика легко исчерпать, так как оно замкнуто, принципиально ограничено — возникает чудовищная простота показа фокусов в ящике — та простота, которая хуже воровства.

Мы не можем сегодня оценить размеры пространства, которое у нас украдено телевидением и компьютером. Глазеющим в экран второй глаз не нужен. Не нужно и пространство для восприятия — человек довольствуется плоскостью. Примитивизация человека — вырождение того существа, которое было создано «по образу и подобию», — вот знак времени, та цена расчеловечивания, которую мы платим за технический прогресс. Именно против этого расчеловечивания и выступает художник — его полотна можно рассматривать как манифесты «двуглазости», и Москвитин прекрасно это осознает. Он радикален в постановке собственно художественных задач, его картины несут знаки принципиальной новизны, что свидетельствуют о масштабе дарования.

А. М. Москвитин. Водопад

Что собственно художник имеет нам сообщить? Рыбы, изображенные им, словно рождаются из вихреобразной красочной субстанции, они есть продолжение волн, в которых кружатся икринки и пузырьки, — здесь есть своеобразная натурфилософия, философия природы и жизни как феномена красоты, предельного феномена... Жизнь рождается из красоты — не из пыли и грязи (как довольно долго думали ученые мужи), а из света, воды и воздуха, из тех субстанций, которые чище и совершеннее всего.

Драгоценная «субстанции любви» разлита в палитре художника, дает знать о себе в энергич-

по-своему, они по-разному ориентированы и представляют собой любопытное цветущее единство в многообразии. Растения эти — весьма жесткие по своей природе, их задача — выстоять в борьбе с ветром.

Всем со школьной скамьи набило оскомину чтение картин русских реалистов, как книг по обязательной программе. Однако у Москвитина литературность лишь намечена, пафос картины вовсе не в диалоге с реалистической традицией — современный художник ищет традицию глубже, вне того круга условностей, который был характерен для русской живописи XIX века. Природа в полотнах Мо-

А.М. Москвитин. Рыбы

ных мазках, переливается перламутром на боках рыб на картине «На нерест», играет на шкуре «Единорога». Полотнами Москвитина можно любоваться еще и потому, что они пронизаны тем светом, в котором угадывается отблеск изначальной любви, с которой начался мир.

Живописный субстрат, подоплека живописи Москвитина энергична и светозарна. Характерно в этом отношении полотно «Подсолнухи» — само обращение к этим чудесным растениям, следующим за светом солнца, символично. Однако если взглянуть в картину, вы не найдете ни одного похожего цветка — каждый из них ищет, находит и теряет солнце

сквитина выходит на первый план как самовластная стихия, обладающая собственной магией. Люди же представляются как существа странные и удивительные — художник всматривается в лица обитателей Сибири (где он, кстати, и родился) как в маски древних кумиров, которые хранят свои, подчас неведомые им самим тайны.

Однако в полной мере талант художника раскрывается тогда, когда он обращается к явлениям геологического масштаба: горы и водопады, леса и поля передаются им с энтузиазмом первооткрывателя. Зритель воспринимает экстаз художника, чувствует его неподдельный

восторг — и заражается этим ощущением, с которым сама стихия, кажется, слагает гимны себе в виде образов Москвитина. Картины художника исполнены чистого пафоса и торжества, они подобны стихам XVIII века — вспомним начало Державинского «Водопада»:

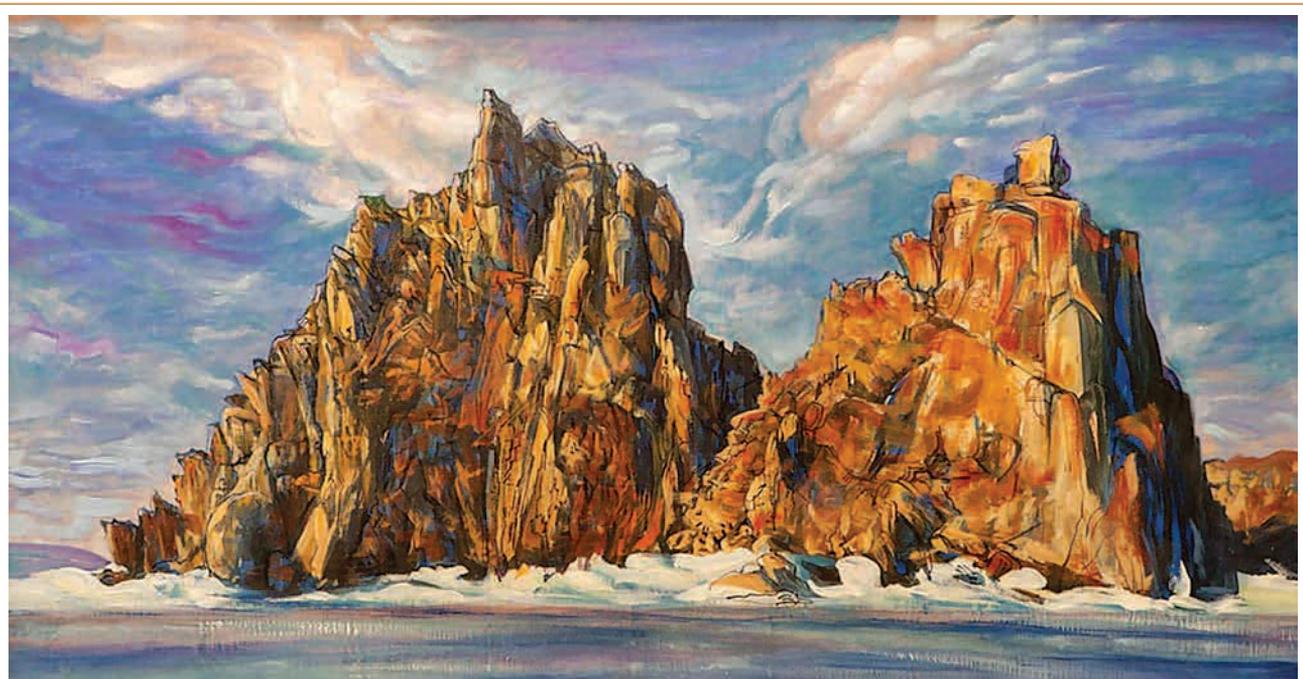
Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Послесловие к публикации

О творчестве Александра Москвитина писали многие деятели русского искусства и науки; фрагменты их статей мы и приводим в послесловии.

Виктор Ванслов,
*академик Российской академии художеств,
доктор искусствоведения, профессор*

Александр Москвитин принадлежит к художникам среднего поколения <...> которое выступило на арену общественной жизни в

А.М. Москвитин. Острова. Байкал. Февраль 2012 г.

Любопытно, что когда художник обращается к цивилизации города, он видит и в индустриальных постройках превращения первоначального хаоса: так дымы из труб над городом кажутся чадом изо рта гигантского дракона... В целом же творчество Москвитина представляется нам обращением к первообразам, обращением столь последовательным и радикальным, что художник видит в реальности пласт глубокой архаики.

Москвитин сам творит образы по подобию Первотворца — с энтузиазмом и воодушевлением любви.

1970-е годы и принесло в наше искусство свежие веяния. Так называемый «суровый стиль» в живописи, бывший новым словом предшествующего десятилетия, в эти годы уже во многом исчерпал себя. Художники обратились к поискам более глубоких смыслов жизни, часто прибегая к символике и метафоричности, к декоративности и воспеванию прекрасного. <...> А. Москвитин — яркий представитель реалистической академической школы. Это сказывается в его виртуозных рисунках, в ясном композиционном построении картин, в продуманности колористической системы живописи, никогда

не содержащей случайных цветовых элементов. Он мастер психологического портрета, этот жанр приобрел в его творчестве определяющее значения. У него много работ, посвященных жизни различных народов Сибири. Они выполнены в реалистической манере, но при этом в них видно стремление художника передать не сиюминутное состояние или изобразить проходящий эпизод, а поднять жанровую сцену до выражения глубинных основ народного бытия, проясняющего смысл человеческой жизни. Значительную роль в творчестве А. Москвитина имеют пейзажи. <...> Пейзажи А. Москвитина на первый взгляд вполне реалистичны, в них

ло. Это не просто картины природы, а космос в его конкретном, индивидуальном проявлении.

Михаил Ворфоломеев,
драматург

Александр Москвитин <...> явление уникальное, собирательное. Так происходит в природе, что сотни художников разных стран и национальностей что-то ищут, создают стили, направления. После приходит один, и один все вбирает в себя. Причем он берет не стесняясь. Он знает, что надо не подражать, а развивать, обобщать все прожитое человечеством за мно-

А.М. Москвитин. По тверди небесной (из диптиха). 2009 г.

как будто нет никакой фантастики, никаких нарочитых деформаций, но живопись здесь словно мерцает и пульсирует, и кажется, что в этих пейзажах заключена некая тайна. Даже спокойное состояние природы таит в себе внутреннее напряжение. А когда художник изображает излюбленные им штормовые состояния, то цвета и линии закручиваются в некоем вихре, словно всколыхнувшем все стихии. Нечеловеческая энергия этих стихий передается зрителям, вселяя в них тревогу за состояние вселенной. Цветовая насыщенность, напряженная экспрессия и динамика, мерцающая фактура пейзажей А. Москвитина придают им космическое нача-

го веков. Ну а кому это под силу, как не русскому художнику? Таким художником и стал Москвитин. <...>

Москвитин — гений. В этом промысел Божий. Он русский художник, и как всякому русскому ему понятно явление Космичности. Он — такое же явление в живописи, как Достоевский в литературе. Ему не пришлось специально выдумывать стиль, манеру, все это родилось вместе с ним. Сибирь подарила ему такие горизонты, которые не приснятся ни одному французу или немцу. У русского нет дома. Его дом — Вселенная, его мир — весь земной шар. Русский — это не национальность, это ци-

виллизация. Атлантида не затонула, а переехала на Дунай, после на Волгу и уже с Волги ушла в Сибирь.

Мне кажется, что мистическая память Москвитина помнит все, даже начало исхода предков славян из Индии. Жизнь древнего человека-охотника жива в нем и поныне. Под седым пеплом времени живет огонь. Когда я впервые увидел его картину «На нерест», я был восхищен! Точность красок и необъятность фантазии...

Руси, по нетронутой дикой красе лесов, полей и озер. Искусив и одолев Россию, вручил Запад русской колонии «вседозволенную волю» — пейте, пойте и пляшите, бесово отродье, на отеческих костях, в Московском Кремле, как на ведьмовском шабаше. От «вседозволенной воли» — заросшие дурно-пьяной травой житные пашни, отчаянно нищая деревня, кокетливые старокрестьянские избы в музее под открытым небом и родные земли, на корню скупленные вчерашними вольнолюбями. Но

А.М. Москвитин. Лунная ночь на Байкале. 2010 г.

Анатолий Байбородин,
исполнительный редактор
альманаха «Иркутский кремль»

...Лишь *избранные* мыслители и художники поколения смуты и прозрения поймут, как Запад, выигравший у России «холодную войну», обвел вокруг пальца творческую интеллигенцию: диссидентов соблазнил «вседозволенной волей» и модерном, «почвенников» искусил ностальгией по деревенской и старгородской

осознают и запечатлеют русскую трагедию не военные и не послевоенные художники, а поколение смуты и прозрения, в коем созрел и живописец Александр Москвитин. <...> Слава Те Господи, избранные русской памятью, подобные певцу Игорю Талькову, хлебнув наркотической отравы, тут же очнулись и явились блудными сынами к отеческому очагу, и покаянно вспомнили о Боге... И осознали душой, где угнездился дух Божий, что живописец, не плетясь понуро за натурой, может образно и символич-

но отображать мир человека и мир природы, но грех великий рушить Божественный мир. Отряхнув «ветхие лохмотья» формотворческого модернизма, избранные художники третьего поколения воплощали свое мировидение и мироощущение в традициях древнего и вечно юного реализма, от «формотворчества» обретая лишь некие формальные достижения, обратив их в композиционные и живописные приемы. Москвитин Александр — уроженец «золотой молодежи», чуждой мне, деревенскому катанку, а в молодые лета слыл и кумиром творческой богемы; но, ведомый умыслом иль промыслом, распираемый живописной силой, потаенно и азартно трудолюбивый, неколебимо верящий в свою художническую звезду, не утопил талант в богемных шабашах, не сгинул в пучине модернизма, но, пройдя огни, воды и медные трубы, возродился к российскому имперскому искусству. А яростное блуждание в западном модерне, как ни странно, лишь обогатило и без того необозримо щедрую, порой и вселенски холодноватую, неотмирную, но и яростно земную москвитинскую живопись. Живопись Александра Москвитина в иных произведениях — имперская евразийская симфония, где слились мелодии сибирских народов, в других полотнах — музыка нечеловеческая, музыка Вселенская.

Владимир Бондаренко,

литературный критик, редактор всероссийской газеты «День литературы» (из очерка «Русская палитра Александра Москвитина»)

Новый реализм Александра Москвитина, с одной стороны, предметен и зрелищен, как, к примеру, реализм его сибирского земляка Сурикова, с другой стороны, фантастичен, красочен до беспредметности, уже в духе Лентулова или Натальи Гончаровой. Видно, что он и хотел бы углубиться в живописный эксперимент, но его природная сибирская языческая натура не позволяет уходить в элитарные новации. <...> Сибирская размашистость, природный мудрый психологизм, цветастость. Нерест рыбы и схватки оленей, шаманские обряды и разбойничья удаль — яркие красочные сюжеты, ис-

полненные, к тому же, в колдовском цветовом обрамлении. <...> Он — мистик, и потому ему удается соединить город и море, лес и человека, старину и фантастическое будущее.

Надежда Мирошниченко,

поэтесса

Москвитин словно бросает вызов любым нормам и школам, удерживаясь на какой-то последней грани во всем: в цвете, в композиции, в сюжете, в характере... Он на самом деле выламывается из любых приемов и направлений. Он будет хорошо смотреться и на выставке академиков, и на выставке крайних авангардистов. Все вбирает в себя его мифологичность. <...> Но этакая мифологическая всемирность, надмирность еще более подчеркивает москвитинскую русскость. <...> Для Москвитина нет дорожке сюжета, как погрузиться в вечные евразийские мотивы, и где там буряты, где нивхи, где казаки, где сосланные поляки — в русском имперском замысле нет таких противостояний. Значит, и вражда у нас нынче идет — иными пришельцами затеянная, вне русского замысла. И потому русская палитра Александра Москвитина, на удивление, многоцветная. <...> Его земные ландшафты сливаются с древними видениями. Его природа сталкивается с его цивилизацией, с его русским имперским проектом. <...> Люди и звери, цветы и птицы, священные деревья и бушующий ветер встречаются на пространстве его полотна где-то вне времени: то ли миллион лет назад, то ли в XXI веке, но тут же какие-то технократические напластования, тут же цикл аристократически отделанных портретов, тут же исторические сюжеты. Художник в своем буйстве все перемешивает — направления, стили, эпохи. Этакое торжество плодородия. Этакое сибирское первооткрывательство. Как бы звучит поэзия Заболоцкого и Хлебникова, музыка Свиридова и Мусоргского...

ЖУРАВЕЛЬ

Стихи разных лет

Фото из семейного альбома автора

Анатолий Горбунов

ЗАРЯ

В потоке дней летящих, где
Всплеснулась утренняя рыбка,
Скользнула грустно по воде
Природы мудрая улыбка.
Прядет Виллой туманы лет,
По гальке катятся клубочки...
Завороженно смотрит вслед
Девчонка в огненном платочке:
Как будто это не река,
А сам Господь ей улыбнулся,
Росистой веткой тальника
К судьбе грядущей прикоснулся!

ПОСЕВНАЯ

Даль родная, полевая...
Небо — жаворонки сплошь.
Древний праздник — посевная:
Золотой отборный дождь.
В срок посеянные зерна
Урожай дадут большой.
Лучший хлеб в России — черный,
Деревенский, аржаной!

ЗЕЛЕНАЯ ОТЧИЗНА

Писателю Анатолию Байбородину

Ослепший дом. На бревнах накипь солнца.
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь, в лугах туман пасется,
Седая грива льется на цветы.
Напрасно ждет веселое остожье
На косовицу ратников своих.

Уставшие, они по воле Божьей
Рассеялись в пустотах голубых.
Скорбит река о празднично идущих
По вечному по Млечному Пути...
В заоблачных далеких райских куцах
Милей лугов, чем эти, не найти!
Прости живых, зеленая отчизна,
За то, что мы собой не дорожим,
За то, что мы на самом склоне жизни
Даем оценку радостям земным.
Ослепший дом. На бревнах накипь солнца.
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь, в лугах туман пасется,
Седая грива льется на цветы.

НА ИЧЕРЕ

Кап да кап росинки в речку,
Плачут кустики везде —
Расплываются колечки
По сверкающей воде.

Не дерите, кукши, глотку,
Мирных гнезд не разорю!
Знай себе, таскаю в лодку
Окуневую зарю.

Плес уловистый надыбал.
Лапти — любо поглядеть!
Смотрит с завистью на рыбу
Из-за дерева медведь.

СЕЛЬСКАЯ ДОРОГА

Протоки обезлюдели
И сгнили наши лодки.
Где рыбу в детстве удили —
Вороньи осередки.
Потрескался искрящийся
Речной плитняк от зноя.
Ветра, подобно ящерам,
Ползут по травостоям.
Не вьется дым над избами.
Отцы врагами были.
Страна воспрянет, лишь бы мы
Их путь не повторили.
В чужом краю ли, дома ли, —
И в слабости, и в силе,
Не забывали, помнили
О пройденном России.
О чем жарки на холмиках
Лепечут златоусто?

Еловники-духовники
Кому грехи отпустят
За все, что было сделано
С крестьянскими дворцами
И красными и белыми —
Горячими отцами?
Слезами вдов просолена
У каждого могила.
Земля отцов поссорила,
Земля же помирила.
Ей счастье, если ты
При жизни веришь в Бога...
О мир вам, лес и омуты,
И сельская дорога!
Страна берез великая —
То луг, то ключ, то волок,
То поле с перекликами
Забавных перепелок.

ЖУРАВЕЛЬ

Ненаглядный ты наш водолей
Мы в обиду тебя не давали
И в своих двойников не плевали,
Родовых не мutilи ключей.
Воздавая добром за добро,
Ты дарил нам небесные блики,
Так протяжно и скорбно курлыкал,
Что слезилось над срубом ведро.
И гордился, и кланялся нам,
Утолял сенокосную жажду,
Окликая крылатых сограждан,
Устремлялся к седым облакам.
Обручал женихов и невест,
Привечал балалайку с баяном...
Сшиблись русичи — белый с багряным —
Содрогнулись деревни окрест.
Хлеб — и тот превратился в песок.
Голосили бездомные лайки.
И оплакал баян балалайку
У твоих окровавленных ног.
Кто украсит колосьями Русь?
Кто обмоет народные раны?
Поредели кормильцы Ивановы,
В теремах не осталось Марусь.
В ясной памяти чуткой воды
Сколько их отражений хранится...
Задыхается небо в темнице
И на солнце рассохлись лады.

Ненаглядный ты наш водолей,
Встрепенись над забытым колодцем —
Колокольная высь отзовется
Перезвоном седых журавлей!

У СОЛДАТСКОЙ МОГИЛЫ

Налилась береза силой —
Белая вдова.
Над солдатскою могилой
Шелестит трава.

Слышу жаворонка пенью,
Говорок ручья.
Вечность, я — твое мгновенье,
Искорка твоя.

В этом кратком промежутке,
Что дано прожить.
Я хотел бы к незабудке
Голову склонить.

Я хотел склонить бы к милой
Голову свою.
А склоняю над могилой
Павшего в бою.

Братья, землю берегите,
Свет родных небес...
Здесь вы травы не косите,
Не рубите лес.

Сок березовый не пейте —
Слезы матерей.
И по ветру не развейте
Памяти своей.

САМОЕДЫ

На бугре поруганная церковь.
Хлам. Погадки. Ангелы без крыл.
Злобный ВЕК нам судьбы исковеркал,
Ясный ум антихрист замутил.
По ночам с разбитой колокольни
Станный звон разносится вокруг...
Отсекли родительские корни,
Вот и счастье выпало из рук.
Мытари. Пропойцы. Самоеды.
Проливая собственную кровь,

Мы чужие празднуем победы,
Мы чужую пестуем любовь.
Грозные потомки Коловрата,
Гордые российские орлы,
Присягнули кривде супостата,
Родину обули в кандалы.
Нам вскружили головы химеры,
Получили должное взамен.
Без креста, без голоса, без веры
Падший не поднимется с колен.
От грехов отмоемся не скоро...
Плачет о распятом звонаре
Колокол державного позора —
Брошенная церковь на бугре.

НА БАЙКАЛЬСКИХ СОРАХ

Стрекочет пернатый июнь.
С ондатровой хатки
Лениво поднявшийся лунь
Наводит порядки.
Крылами взмахнет и замрет
Над пропастью мира.
Трепещут обрывки тенет
На стеблях аира.
Туманный от горестных дум,
У паводи синей
Мерещится поп Аввакум —
Страдалец России.
Сбылось, что предсказывал он,
Мятежный раскольник.
Мерещится в мареве звон
Пустых колоколен.
Посолье. Без маковки храм.
И берег безлесый.
Страну по рукам и ногам
Опутали бесы.
Лишь вольный катается лунь
По горкам воздушным.
Стрекочет пернатый июнь.
От испари душно.

* * *

Над заброшенным проселком
Всплески голубей.
Отчий край, бурьяном колким
По лицу не бей.

Заросли поля оглоблей,
Горем заросли...
Кто-то хитрый и недобрый
Хохотнул вдали.

ПОДПОЛЬЩИКИ

Раствители солнечных рас,
Верней — мировые страдальцы,
Из пепла поднявшихся нас
Опять обвели вокруг пальца.
Бегут из горящей страны,
Бегут, чтобы снова вернуться:
Они безнадежно больны
Бубонной чумой революций.
Гуманность беспомощна тут,
Их вылечишь этим едва ли...
Им нужен физический труд,
Прописка на лесоповале!

НЕЛЮДЬ

Справедливость? Равенство? Свобода?
Произвол — куда ни поглядишь!
С облучка хвостатый воевода
Тычет окровавленный кукиш:
— Нате, дорогие, россияне,
Заморите, что ли, червячка...
С пьяни сами посадили в сани
И никак не сбросишь с облучка.

«ДЕМОКРАТ!»

*Мировой пожар раздует,
Всех разденет и разует...*

Лишил детей народной речи,
Лишил крестьян полей родных —
Ведь без земли, конечно, легче
Держать в зависимости их.
Интеллигенцию, рабочих
На цепь к корыту приковал
И заливаётся хохочет:
— Даешь Интернационал!

СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК

Не доспав, утром рано
Выполз дед на крыльцо.
Сыплет лозунги рьяно
Репродуктор в лицо:
— Мы одержим победу...
Счастье брызнет ключом...
Даже хворому деду
Стало все нипочем.
Передернуло зябко,
Со ступеньки орет:
— Поднимайся-ка, бабка,
В бой «Гренада» зовет!
Хоть и статью невидкий,
Есть что вспомнить ему:
Бил сельчан под микитки,
Рушил девок во тьму.
Без идейной работки
Ненароком помрешь,
Клекот рвется из глотки:
— Перестройку даешь!
Хлипкий, кости да кожа,
Но ухватист и лют.
— Бабка, радуйся, дожил
До счастливых минут!
Топну — мир содрогнется,
Всех возьму в оборот...
От восторга трясется,
Скособенило рот.
Гегемон революций.
Большевик. Пустобай.
Руки-ноги не гнутся,
А врагов подавай.
Сдвинув шапку на ухо,
Он разбойно глядит.
Вышла с дрыном старуха:
— Зам-м-молчи, паразит...

ОСЕНЬ 1993 ГОДА

От пятнадцати зим
И за семьдесят два —
Опрокинулись в дым,
Полегли, как трава.
Не осталось в живых,
Кто Россию любил:
Лики, лики святых
У подножий могил...

Всех мы предали, всех,
Чтоб себя уберечь!
На побоище — смех,
Чужеземная речь.
Черный ветер Москвы —
И позор наш, и стыд...
Слезы русской вдовы
Прожигают гранит.

НА РАЗВАЛИНАХ

Здесь была когда-то школа,
К ней тропа вела —
Тень великого раскола
Поперек легла.

Вот и детство изручилось,
Сентябри черны.
Сколько здесь не доучилось
Гениев страны!

Что-то есть в ней от погоста...
Книжки топчет скот.
Лес, оставшись без подростка,
Долго не живет.

И боярышник — игольчат,
Красен и высок...
Брякнул мерин в колокольчик,
Будто на урок.

СЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Курносые дети полей
Катают зарю на салазках,
Играют в солдат и царей
И верят в красивые сказки.
А нелюдь за их уже счет
Шампанское пьет на Канарах...
Но будущий Сталин растет
И скоро напомнит о нарах!

НАРОД

Праздновал с дуру победу...
Врезался в глотку хомут.
Вот мироеды наедут,
Стойла и те отберут.

Выкровят стынь до окраин,
Голого швырнут под лед...
Встань с четверенек, хозяин,
Если еще ты народ!

ОЛЬХА

По хрупким веткам лунный свет
В полынный медленно струится...
Живые, радостные лица
Горюнье снятся много лет.

Как будто с думой о стране,
О вымирающем народе,
Стоит она при огороде
Седой крестьянкой в тишине.

КРЕСТЬЯНИН

По ночам снится рожь.
В поле выйдешь — пусто.
И ладони сожмешь
В кулаки до хруста.
У реки — без воды.
У межи — без хлеба.
Скрип сухой лебеды
И с овчинку небо.
Не мое, не твое,
Наше и не наше.
Продувное житье.
Заварили кашу:
Новый ум — старый квас,
Сто долгов на брата...
Позапродали нас
В рабство горлохваты.
По низам пол метут,
По верхам гнезятся.
Кто хозяева тут —
Время разобраться!
День гремучий суля,
Свищет Божья птаха...
Побурела земля,
Что от крови плаха.

СЛАВЯНЕ

Здоровье да воля,
Да мирное небо,
Родник да краюха
Насущного хлеба,
Веселые зорьки
Да ярые вьюги,
Надежная крыша
И верность подруги,
Чтоб в доме росли
Работающие дети —
Иного нам счастья
Не надо на свете!

С ПРОМЫСЛА

У костра сижу один.
Ест огонь сухие ветки.
В скорбном образе лесин
За спиной толпятся предки.
Будто в чем-то дорогом
Их жестоко обманули...
Зверь тревожит бурелом,
Нарывается на пули.
На ночлегах снятся сны
О далеком теплом доме.
Из таежной глубины
Виден мир как на ладони.
Сколько тайн в гольцах постиг —
И представить невозможно!
Что за огненный старик
Из костра поднялся грозно?
Пепел сдул с могучих плеч,
Мудро бороду огладил,
На меня свирепо глядя,
Произнес такую речь:
«Отчего, мой славянин,
Буйну голову повесил,
Не поешь сердешных песен,
У костра сидишь один?»

Знаю, знаю... на Руси
Змей Горыныч поселился,
Русской кровушкой упился,
Хоть чертей на нем паси.
Шестиглавый подлый змей!
Расплодил на вольных кручах
Он змеенышей ползучих —
Тварей в облике людей.

Фото из семейного альбома автора

Подавай им жрать да пить,
 Скоморохов и услады.
 Расползлись по свету гады,
 Даже некуда ступить.
 Человечий мозг сосут,
 В городах разводят скверну,
 И шипят, и жалят, стервы,
 И друг с дружкой живут!
 Чем сидеть в лесу молчком
 И стеречь ночные звуки,
 Взял бы меч булатный в руки,
 Отстоял родимый дом.
 Собирай на битву рать!
 Слышь, бубнит призывно птица...»

Только стоит задремать,
 Русь во всей красе приснится.
 Филин ухает в пади.
 Дым ползет по бурелому.
 И мерцает впереди
 Огонек родного дома.

СИНИЕ ДНИ

Солнечный волок — дальние дали.
 Струйчатый свет!
 Здесь мы ходили, стежки топтали,
 Вили свой след.
 Пили горстями поздние грозы —
 Эхо рассох,
 А голубицы сладкие слезы
 Падали в мох.

Синие звоны, синие блики
 Застили взор,
 И раздавались вещие вскрики
 С дремных озер.
 Нам ворожила счастье гагара —
 Вышел обман,
 Выпала доля, выпала кара —
 Афганистан.

Дальние дали — ягодный морок.
 Синие дни!
 Солнечный волок, солнечный волок,
 Радость верни!
 Милому с милой век бы любиться —
 Канул мой друг.
 Лишь поминальный плач голубицы
 Слышен вокруг.

СОЛДАТ

Растоплю под ясным небом
 Летний наш камин
 И схожу за свежим хлебом
 В дальний магазин.
 Жаворонушки над нами
 Прозвонили высь.
 Отдохни, родная мама,
 Мама, улыбнись!

Из Чечни твой сын вернулся,
 Как старик, седой.
 Мама, мама, не волнуйся,
 Видишь, я — живой!
 По дорогам шел военным,
 Не дремал в штабах,
 Я твоим благословеньем
 Был храним в боях.

Помню я друзей походных,
 Тех, кого уж нет,
 Им бы стукнуло сегодня
 Всем по двадцать лет.
 Самозванцы предавали,
 Обирали нас
 И посмертные медали
 Слали на Кавказ.

Неделимая держава,
 Молний круговерть:
 Смерть — налево, смерть — направо,
 По середке — смерть.
 Мама, мама, не волнуйся,
 Видишь, я — живой!
 Из Чечни твой сын вернулся,
 Как старик, седой.

СЛАВЯНКА

Божий лик на стене
 Опечален и строг.
 И горит на окне
 По ночам огонек.
 А давно ли, давно
 В луговую росу
 Растворяла окно,
 Расплетала косу?
 Сокол тайно влетал,
 Озарял тихий дом

И до зорьки дремал
На оплечье твоём.
Он в далекой Чечне
Пулей сбит на лету...
Огонек на окне
Все течет в темноту.

РАСКОЛ

Словно черная борзая тройка,
Не давая опомниться нам,
Пронеслась по стране перестройка,
До небес подняла тарарам.
Кто зашелся от криков победных,
Кто зловеще притих до поры...
Не помирят богатых и бедных
Никакие цари и пиры!

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

В седом подмареннике берег.
Заречные тропы круты.
Я посохом жизни измерил
Угрюмые эти хребты.
Груженные хлебушком нарты
К далеким зимовьям тянул,
Гонялся за призрачным фартом —
Горел, замерзал и тонул.
Блуждая под небом огромным,
По звездам всегда выходил
К полям — терпеливым и скромным,
Где корни мой пращур пустил.
А Лена шугою хрустела,
Из рук вышибала весло...
Зовут в путь-дорожку метели,
Крылами шуршат о стекло.
Зовут на отцовскую землю,
Где ходит винтом снеговой...
И, голосу памяти внемля,
Я рвусь всеми силами к ней!

* * *

Когда уйдет последний русский,
Восторжествует эра зла,
Треща по швам от перегрузки,
Извергнет молнии Земля,

Сойдет с накатанной орбиты
И полетит в тартарары...
Остывший прах Земли убитой
Поглотят мертвые миры.

- **МЫ – ХРИСТИАНЕ
ПРАВОСЛАВНЫЕ**
Послесловие фотовыставки
Анна Боровкова

Андрей Стёпин.
Церковь в Тельме
(фрагмент)

МЫ — ХРИСТИАНЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ

Анна Боровкова

От редакции: Ежегодно профессиональный фотографический центр «Оригинал», который возглавляет Анна Боровкова, проводит фотовыставки, посвященные памяти православного христианина, основателя крупнейшего фотопредприятия области — Василия Ивановича Боровкова. Нынче в областном художественном музее прошла третья фотовыставка — «Мы — христиане православные», которую представляем в этом номере «Иркутского Кремля». Кроме фотовыставок «Оригинал» занимается православной благотворительностью, оказывая посильную помощь храмам Приангарья, и, попутно, — издательская деятельность. Об этом — на фоне выставочных фоторабот — поведает читателям «Иркутского Кремля» Анна Боровкова.

Отец мой, Василий Иванович Боровков, Царствие ему Небесное, любил фотоискусство, дружил с иркутскими фотохудожниками; и, возглавляя крупнейшее в Сибири фотопредприятие, оказывал бескорыстную помощь в организации областных и городских фотовыставок. И просто помогал фотографам, независимо от их опыта и статуса.

Основная его цель — популяризация художественной фотографии. Он всегда расстраивался от того, что в городе нет Дома фотографа. Его золотая фраза: «У нас есть Дом художника, Дом литератора, но если посчитать, сколько в городе художников, литераторов и фотографов, то несправедливость отсутствия анало-

гичного Дома у фотографов будет очевидна». К сожалению, он не успел воплотить в жизнь идею создания в городе Дома фотографа. Но я с отцовской идеей прощаться не хочу.

Фотография стала нашей семейной жизнью. Память человеческая и фотография — это бесценно. Со времен зарождения фотографии народ почтительно, благоговейно, словно к могилам предков, словно к семейным и родовым преданиям, относился к фотоснимкам, где запечатлелась жизнь рода и семьи. Чтобы помнили потомки своих предков и учились у них, и молились за них. Я дала слово, что фото своего ребенка буду распечатывать, подписывать и складывать в альбом. Когда-нибудь чадо мое мне за это спасибо скажет.

Продолжая деятельность отца, занялась фотовыставками. Первая называлась «Жизнь моя — иркутская история», вторая — «Фотографы о фотографии» и третья — «Мы — христиане православные». Разрабатывая темы экспозиции, духовно и творчески я согласовывала их с творческим духом моего покойного отца. Первая выставка — об Иркутске — далась легко, поскольку тема сама по себе широко представлена в творчестве фотографов, ибо большинство — иркутяне, и любят родной город. Уже через три месяца после смерти отца мы смогли из 140 работ собрать полноценную выставку. Когда я формирую фотовыставки, то основной целью ставлю привлечение не только именитых авторов, но и начинающих фотографов. При этом, имея постоянную комиссию, отбор фотографий веду сама, не опираюсь на общепринятые мнения и суждения о том или ином фотографе. Делаю акцент на соответствии тематике выставки, основной ее концепции, на степень художественности и содержательности фотографии.

Мы с моим отцом, как творческие люди, счастливы: мы можем оставить людям что-то после себя, будь то фотографии, книги, картины или стихи. Хочу отметить, что фотографы сами в память о моем отце, профессионале и добром и порядочном человеке, которого они читали и любили, предоставляли свои работы бескорыстно. Хотя я сразу предупреждаю, что у кого-то могу взять десять работ, а у кого-то лишь одну. Так же может оказаться, что у студента я возьму больше фотографий, чем у известного фотохудожника. И все мои условия принимают.

Со временем наши фотовыставки обрели

Алексей Нитецкий. Мороз. Россия. 2013 г.

некий статус в Иркутске, и я поси́льно стараюсь, чтобы экспозиции выражали многогранность и многожанровость фотоискусства, чтобы представленные работы имели художественную ценность, самобытность, были исполнены на высоком фотографическом уровне, и главное, чтобы в фотографиях воплощалась любовь к Вышнему и ближнему, к природе — Творению Божию. Чтобы и фотограф вслед поэту мог воскликнуть: «Велению Божию, о муза, будь послушна!»

Обращение к теме Православия в создании фотовыставок имело свою семейную предысторию... Папа вырос в небогатой семье, где было восемь детей, где рано умерла мама. Ребятишек воспитывали бабушка с дедушкой, которые были верующими людьми — старообрядцами. Воспитывали внуков в православных традициях: в строгости, смирении и послушании. Папа знал много молитв, старался и нас, детей, приобщить к чтению молитвенных правил. Но мы по глупости, суетности всем сердцем не обращались к православию, хоть и с уважением относились к вере. Конечно, после смерти отца скорбим о своем скудоверии. И в храм-то мы пришли через горе, через болезнь отца.

Еще до болезни папа познакомился с отцом Сергием. По-детски искренно радовался, что пожертвовал иконы для оформления внутреннего убранства храма. После знакомства с батюшкой жизнь отца совершенно переменилась, он стал постоянно ходить на службы, исповедоваться, причащаться. Неустанно звал меня с собой, но, ссылаясь на отсутствие вре-

мени, я не шла в храм. И однажды папа в повелительном тоне позвал меня с собой и чуть ли не за руку привел в церковь. И тогда я обомлела... Казанский храм меня поразил.

От начала болезни общение отца с батюшкой стало непрерывным. Последние месяцы отец жил лишь молитвами. По словам врачей, с такими тяжелыми поражениями, люди столь долго не живут. Пять месяцев отец провел в реанимации, где ему сделали, сколь помнится, десять операций, но он всегда был полон сил,

не поддавался грешному унынию. И каждый день с особым трепетом ждал прихода отца Сергия, чтобы исповедоваться, причаститься Святых Даров, побеседовать с батюшкой. Примечательно, что позже и другие пациенты больницы, даже медицинский персонал, тоже стали исповедоваться.

А я все это время была в растерянности и унынии. И однажды прихожанка из Казанского храма сказала, что мне надо пойти на молебен. Сначала я не видела в этом особого смысла, просто выполняла команды. А потом пришло осознание и поси́льное понимание духовного смысла цер-

ковной жизни, направленной на спасение наших душ для Царствия Небесного. После смерти отца и наша родня стала ходить на службы. И тогда у меня и родилась идея ежегодных выставок в память об отце. Я стала понимать, что смерть не должна быть поводом для лишь скорбных мероприятий, где все только плачут и печалются. Наши выставки стали добрым праздником, когда мы имеем радость с теплотой вспомнить о моем отце и сохранить о нем вечную, молитвенную память.

Открытие выставки. 2013 г.

Александр Старовойтов. Посещение Святейшим Патриархом Кириллом Иркутской епархии

* * *

Выставка «Мы — христиане православные» рождалась боговдохновенно, с помощью Божьей. Она и создавалась при духовном окормлении храма Казанской Иконы Божией Матери, при содействии его настоятеля протоиерея Сергия Кульпинова. Название выставки сразу определило ее тематику. Мы помнили, отец мой и до воцерковления благоговейно относился к православной вере.

Выставка фоторабот, объединенных православной тематикой, проводилась в Иркутске впервые, породила интерес у фотографов и людей, связанных с фотографией, у всех не равнодушных к фототворчеству, к жизни православных христиан Иркутской митрополии и Русской Православной Церкви в целом.

За долгое время работы в «Оригине» я точно знала, к кому обращаться за нужными фотографиями. Основная идея — показать, перво-наперво, православных людей, поскольку храмовую архитектуру снимают много. Показать, что люди, посещающие храм, не являются странными, замкнутыми и ограниченными. Поэтому упор сделали на приходскую жизнь — жизнь православных христиан.

В экспозицию вошло более 120 работ, которые представили 28 фотографов города и области. Были фотографы, которых я почитаю за то, что они снимают все событийно значительное, что происходит в городе. Но зачастую отмечаю, что иные фотографы ленивы. Столь живописен обряд водосвятия — в народе именуемый *водокрещи*, — который ежегодно

свершается во время великого православного торжества Крещения Господня, но фотографы мало и редко снимают этот церковный обряд. Да и с прочими церковными праздниками та же картина. Возможно, это связано с внутренним стеснением, боязнью, что духовенство не разрешит снимать. Но отец Сергей успокоил: в храме можно и нужно снимать, даже во время богослужения, ведь и в этом — миссионерское служение.

Все фотографии, представленные на выставке, объединены общей тематикой: жизнь православных христиан. Значительная часть экспозиции посвящена знаменательному для нашей митрополии событию — визиту Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в город Иркутск. Среди работ участников выставки представлены фотографии, запечатлевшие Высокопреосвященнейшего митрополита Иркутского и Ангарского Вадима, созданные от начала его управления Иркутской епархией и до нынешних времен.

В экспозицию включены фотографии, отражающие жизнь городских и сельских храмов: духовенство,

прихожане, православные праздники и обряды, церковные таинства. Помимо фотографий, рассказывающих о жизни церковью города Иркутска и Приангарья, представлены работы, где отобразилась церковная и монастырская жизнь других епархий Русской Православной Церкви. В экспозицию вошли не только современные фотографии, но и снимки, передающие нам бесценные картины прошлого.

Съемка в православных храмах является собой довольно сложный процесс с точки зрения

Открытие первой выставки. 2011 г.

Игорь Сирохин. Улыбка Митрополита

Сергей Полоскин. Рыбак

технического исполнения, однако сюжеты православной жизни могут быть неисчерпаемым источником вдохновения, как для профессиональных фотографов, так и для любителей.

Фотографы, чьи работы представлены на выставке, — представители разных профессий, люди разного возраста. Для некоторых съемка в православном храме — одно из главных направлений творчества, для других — лишь небольшая часть творческой работы, но все эти люди объединены главным — соборным духом Православия.

Сегодня уже ни для кого не секрет, что именно Православие является основой, крае-

угольным камнем, на коем зиждется вся духовная и интеллектуальная культура русского народа. Как многократно отмечает ныне Святейший Патриарх Кирилл, именно Православие является залогом национальной идентичности нашего народа, именно оно определяет его национальную самобытность. Как показала история России, утрата веры в Бога, ведет к разрушению народной души, а затем — и к утрате величия Российского Государства, уничтожению его славы.

Фотография, бесспорно, является одним из инструментов сохранения человеческой истории, культурной жизни. Можно смело ска-

Александр Старовойтов. Дорога к Храму

Сергей Полоскин. Рыбак

зять, что в определенном смысле фотография, как одна из форм творчества, обеспечивает связь поколений, а потому не может оставаться в стороне от событий, происходящих в жизни Православной Церкви, ибо без Церкви нельзя в полной мере представить бытие русского народа.

* * *

Из вышеизложенного ясно, что наше фотопредприятие давно активно сотрудничает с Иркутской епархией (ныне — митрополией), оказывая посильную помощь храмам Приангарья. Отец мой, Василий Иванович Боровков, вопло-

тил в жизнь идею использовать современное печатное оборудование для изготовления икон на холсте и последующего оформления киотов. Такие иконы составили значительную часть внутреннего убранства Казанского храма города Иркутска.

А сотрудничество с Иркутской епархией началось в 2005 году, после нашего знакомства с батюшкой из деревенской церкви села Крапчанка. Священнику нужно было срочно оформить иконостас иконами, напечатанными на фотобумаге. В итоге, благодаря технологии печати на металлизированной перламутровой бумаге, нам удалось это сделать. Батюшка был нам пре-

Игорь Сирохин. Отец Александр

Александр Старовойтов. Патриархальная Россия (фрагмент)

много благодарен: исполнили иконы быстро, с высоким фотографическим качеством. После этого мы и для других храмов стали печатать иконы.

Потом у отца Сергия явилась мысль оформить в Усть-Куде церковь, где мы на стенах имитировали росписи. Печатали их на огромных холстах, максимальная ширина которых достигала четырех метров. От купола и до нижних ярусов интерьерного пространства церкви весь храм был украшен нашими иконами. Такие же иконы появились и в иконостасе Казанских храмов г. Иркутска и д. Усть-Куда. Последнее по времени, что мы оформляли, был иконостас храма Святого Благоверного Великого

князя Дмитрия Донского. Таким образом, для шести церквей мы по различным технологиям изготавливали иконы.

Велась и ведется работа с храмом Казанской Иконы Божией Матери города Иркутска, которому оказывалась помощь в оформлении внутреннего убранства.

Уже после смерти Василия Ивановича Профессиональный Центр «ОРИГИНАЛ» продолжил добрую традицию оформления внутреннего убранства и общего благоустройства церковью Приангарья: храм Казанской Иконы Божией Матери в поселке Усть-Куда, храм во имя Святителя Софрония, епископа Иркутского в селе Шаманка, храм во имя Пророка Илии

Анна Сергеева. Прихожанки

Михаил Белых. Благословение батюшки

поселка Прибрежный Братского района, церковь Святителя Пантелеимона в городе Иркутске и другие церкви.

Год назад мы начали формировать книгу «Жива Россия куполами золотыми». Изначально у отца Сергия родилась идея написания поэмы, посвященной иконе Казанской Божией Матери. Поэма такая была написана, к ней подобраны иллюстрации, фотографии, созданы коллажи. Кроме того, мы включили в книгу историю иконы, отразили ее роль в судьбе русского народа, в истории государства Российского, поведали о чудотворности ее списков. С 2009 года мы, сотрудники фотопредприятия «Оригинал», совместно с фотографами города

стали снимать Казанский храм. Я даже и сама стала фотографировать, приобрела хороший фотоаппарат. Позже мы сделали фотоэкспозицию внутри Казанского храма, которую обновляем каждый год.

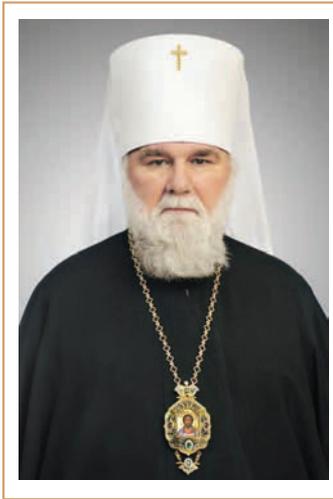
Ныне мы готовим книгу о самом Казанском храме. С первого дня работы — верно, по промыслу Божию — информация сама потекла в наши руки; явились и старинные фотографии, и люди, которые могли о храме рассказать интересные факты. Дай нам Бог успешно завершить этот издательский проект, а в планах — создать яркую, наполненную талантливыми фотографиями, книгу о красивейших Казанских храмах России.

Анна Боровкова. Иордань Казанского храма. 2013 г.

Детские Номера

**Митрополит
Иркутский
и Ангарский
Вадим
(Владимир
Анатольевич
Лазебный)**

родился 14 октября 1954 года в городе Губкине Белгородской области в семье рабочего. В 1977 году закончил Одесскую духовную семинарию, а в 1981-м — Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Пострижен в монахи с именем Вадим. В течение ряда лет проходил послушание в Отделе внешних церковных сношений Московской Патриархии, был клириком и настоятелем ряда крупных храмов (в Старом Осколе, Владивостоке, Иркутске).

4 февраля 1990 года хиротонисан в епископа Иркутского и Читинского. С 21 апреля 1994 года — епископ Иркутский и Ангарский. С 1999 года в сане архиепископа. 5-6 октября 2011 года решением Священного Синода владыка Вадим назначен главой новообразованной Иркутской митрополии и временным управляющим новообразованной Саянской епархии. 8 октября 2011 года возведен в сан митрополита.

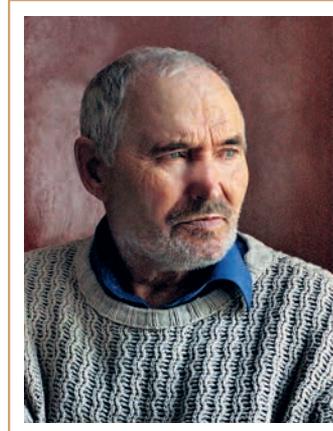
Научные труды, публикации: Реформа духовного образования в Римско-Католической Церкви в свете решений II Ватиканского Собора (кандидатская диссертация).

**Анна
Васильевна
Боровкова**

родилась в Иркутске в 1978 году. Закончила Иркутский технический университет, международный факультет по специальности «Мировая экономика» в 2000 году. В том же году пришла на работу в фотоцентр «Оригинал» учеником фотографа. С 2009 года — генеральный директор ЗАО «Оригинал». Организатор фотовыставок: 2011 год — «Жизнь

моя — Иркутская история...»; 2012 год — «Фотографы о фотографии»; 2013 год — «Мы — Христиане Православные». 2014 год — планируется выставка на тему «Семья и дети». 2011 и 2012 годы — участие в выставке «Православный Иркутск» (Сибэкспоцентр). 2013 год — книга «Жива Россия куполами золотыми». Еще две книги на православную тематику в работе.

**Анатолий
Константинович
Горбунов**

родился в 1942 году в приленской деревне Мутино Киренского района Иркутской области. В юности пастушил, пилил лес, ходил на пароходе кочегаром, несколько лет проработал в авиации. Стихи и прозу печатал в сибирских и московских журналах, в коллективных сборниках. Автор книг: «Чудница» : стихи (М., 1975); «Осенцы» : стихи (Иркутск, 1980); «Тайга и люди» : очерки, рассказы (Иркутск, 1982); «Звонница» : стихи (Иркутск, 1985); «Перекаты» : стихи (Иркутск, 1988); «Журчинки» : стихи для детей (Иркутск, 2000); «Речная сторона» : стихи (Иркутск, 2004). Лауреат Всесоюзного литературного конкурса имени Н. Островского, сибирского конкурса имени Х.К. Андерсена, награжден медалью Министерства Российской Федерации за вклад в русскую культуру. Член Союза писателей России.

**Александр
Владимирович
Елисеев**

историк и публицист, родился в 1972 году в Москве. Активный участник политической жизни России конца 1980-х — начала 1990-х годов. Принимал участие в обороне Белого дома в 1993 году. Учредитель и ведущий автор газеты «Правое сопротивление». Окончил исторический

факультет Московского педагогического государственного университета имени В.И. Ленина (1994), кандидат исторических наук (1997), тема: «Социально-экономические воззрения русских националистов начала XX века»; специализация — «история общественной мысли в России». В круг его интересов входят также политология, философия, мифология, религиоведение и экономика. С начала 2000-х годов занимается публицистикой. Печатался в газетах «Завтра», «Независимая газета», «Россия», журналах «Москва» и «Наш современник», в «Русском журнале», «Политическом журнале». Постоянный автор ряда сетевых изданий. Помимо Правой.Ру, это: АПН.ру, «РП-Монитор», «Русский обозреватель», Russianews.ru. С февраля 2010 года — главный редактор интернет-портала Правая.ру. Автор книг «Социализм с русским лицом» (2006) и «Правда о 1937 годе» (2007).

**Тамара
Александровна
Крючкова**

кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры России, член Союза художников России — работала в Иркутском областном художественном музее в качестве научного сотрудника и заведующей Сибирского отдела, в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» — в должности заместителя директора по фондовой работе. В настоящее время научный сотрудник Иркутской Харлампиевской церкви. Автор 6 книг и более 70 научных публикаций в различных сборниках по иконописи, деревянной скульптуре, серебряному делу, истории храмового строительства, духовной жизни в Восточной Сибири и другим темам. Лауреат премии имени И.Е. Забелина (Министерство культуры России, 2001 год) и премии Святителя Иннокентия Иркутского (2009 год).

**Анатолий
Михайлович
Макаров**

старший преподаватель Военно-воздушной академии им. Жуковского. Автор крупных работ по истории Куликовской битвы и периода ста-

новления Русской государственности во время монгольского нашествия. С 1957 года занимается собиранием материалов и книг по истории славянских народов, изучением народного творчества и преданий славян. Знает 16 славянских и немецкий языки.

**Александра
Карповна
Нефедьева**

родилась 20 января 1941 года в селе Лопатино Скопинского района Рязанской области. В 1950 году семья переехала в г. Усолье Пермской области, где она училась до пятого класса. Двенадцати лет от

роду начала работать в артели имени Чкалова и училась в школе рабочей молодежи. После окончания ШРМ уехала в Сибирь. В 1961–1966 годах училась в Иркутском госуниверситете на историческом факультете. После окончания ИГУ работала директором окраинной школы в Чунском районе. С 1970 года — сотрудник, заместитель директора по науке в архитектурно-этнографическом музее «Тальцы». Более тридцати лет одновременно с непосредственной музейной, научной работой совершала экспедиционные поездки по деревням и селам Восточной Сибири, где проводила детальные исследования и описание старинных жилых, хозяйственных построек (избы, бани, амбары, завозни, стайки и прочее), сбор экспонатов, отображающих быт сибирских крестьян. Занималась организацией перевозок и восстановления старинных крестьянских усадеб. Итогом многолетней исследовательской работы стала книга «Московский тракт», посвященная жизни и быту иркутских крестьян в притрактовых деревнях и селах. Автор многих статей, среди которых особо значимые статьи «Восьмое чудо света» о строительстве Кругобайкальской железной дороги, «Без корня и полынь не растет», «Памятники Илимска в архитектурно-этнографическом музее «Тальцы», «Без Бога ни до порога».

**Юрий
Дмитриевич
Нечипоренко**

русский прозаик, арт-критик, художник, культуролог, биофизик, доктор физико-математических

наук — родился в семье военного стрелка-радиста, летчика Дальней бомбардировочной авиации, начальника радиостанции, в мирное время — начальника узла связи Дмитрия Алексеевича Нечипуренко. Школьником одержал ряд побед на предметных олимпиадах по физике и математике, поступил на физический факультет МГУ. Защитил диссертацию по специальности «Молекулярная биофизика» на тему «Кооперативные эффекты при связывании белков с ДНК». Автор более семидесяти научных работ в области молекулярной биофизики, физики ДНК. Печатался в «толстых» литературных журналах: «Дружбе народов», «Знамени», «Литературной учёбе», «Москве», «Слове» и «Юности». Член Международного сообщества писательских союзов. Член Ассоциации искусствоведов. Автор книг: «Ярмарочный мальчик: жизнь и творения Николая Гоголя», «Начальник связи», «Помощник царям: жизнь и творения Михаила Ломоносова» и других.

**Владимир
Владимирович
Шавёлкин**

родился 23 августа 1963 года. Закончил Иркутский госуниверситет, филологический факультет, отделение журналистики. Рассказы и стихи выходили в коллективных сборниках Союза писателей, а также в газетах и журналах Иркутской области, Красноярска, центральной прессе, за рубежом, лауреат региональной конференции «Молодость. Творчество. Современность», проводимой Иркутским отделением Союза писателей России. Член Союза журналистов России.

**Анатолий
Григорьевич
Байборodin**

после окончания Иркутского государственного университета занимался журналистикой, литературой, преподавал практическую стилистику русского языка и русскую народную этику на факультете филологии и журналистики ИГУ, работал директором издательства «Иркутский писатель». Ныне — исполнительный редактор альманаха «Иркутский Кремль». Автор десяти книг, изданных в Иркутске и Москве. Романы, повести, рассказы, фольклорно-этнографические, историко-публицистические, литературно-художественные очерки печатались в научных и литературных журналах Москвы, Новосибирска, Омска, Томска, Барнаула. Составитель книг «Мысли о русском с древнейших до нынешних времен», «Россия древняя и вечная», «Русский месяцеслов».

